



ИҢДЫЗ

ISSN 0207-642 x

'97

№ 2



ЫЛДЫЗ

КЪЫРЫМ МУХТАР
ДЖУМХУРИЕТИ
УКЮМЕТИНИНЪ ЭКИ
АЙЛЫКЪ ЭДЕБИЙ-БЕДНИЙ
ВЕ ИЧТИМАЙИ-СИЯСИЙ
МЕДЖМУАСЫ

2

1997

Март
Апрель

Айдер ОСМАН
(баш муаррир),

Закир КЪУРТНЕЗИР
(баш муаррир муавини),

Айше КОКИЕВА
(болюк мудири).

Он секизинджи
сене чыкъувы

Украина. Къырым Мухтар Джумхуриети
«Ылдыз» меджмуасы идареханеси.

МУНДЕРИДЖЕ

Юнус Къандым. Джынгъыз Дагъджы: "Язгъан шей- леримнинъ эписи акъыкът олгъанына емин этем..."	3
Джынгъыз Дагъджы. Къоркъунч йыллар. Роман. Баши.	19
Идрис Асаннин. Гъалип ордунынъ аскери. "Йыллар ве ёллар" эсеринден парча	79

Тарих саифелери

Владимир Поляков. Крымские татары	105
---	-----

Дженкявер шурет изинден

Месфер Ислямов. Эфсаневий къараман.	138
--	-----

Эдебий асабалыгъымыздан

Амди Герайбай. Яшлыгъына тоймай ольген аркъа- дашым Яя Феритке. Опыкелев. Мектюп. 'Шиирлеринъни ничюн бастырмайсынъ?' — деген достума. Уянынъыз, татарлар! Айта къойдым. Бирлик. Спекулянт. Мубалигъаджы шаирге. Алма шу кунълери. Арфе куню. Къайгъы. Шиирлер	154
--	-----

Къырым теэссураатлары

Фейзи Рахман Юртэр. Учюнджи Къырым сеяатым ..	161.
---	------

Мектеп программасы муджиби

Айдер Осман. Балалар эви янында. Реглан пальтолы адам. Шах эсер. Икяелер	175
---	-----

Илим ве техника алеминде

М. Мавке. Озь халкъынынъ шуретини арттыргъан алим	196
--	-----

Эдебий такъвим

Джевдет Аметов догъгъанына 80 йыл олумы мунасебети- нен.	201
Къубедин Саладдинов. Илим огърунда хызмет	205

Джынгъыз Дагъджы:

“ЯЗГЪАН ШЕЙЛЕРИМНИНЪ ЭПИСИ АКЪИКЪАТ ОЛГЪАНЫНА ЕМИН ЭТЕМ...”

Такъдир Джынгъыз Дагъджыны тувгъан юртундан, миллетинден, сой-акърабаларындан, достларындан, Къызылташтан, Гурзуфтан, Къара денгизден айырып, узакъ диярларгъа, къырымтатары ичюн анълашылмасы зор олгъан ябанджы мемлекетлерге, ягъмуры биле, кунешининъ нурлары биле башкъаджа ягъгъан, рузгярлары башкъаджа эскен, йырлагъан улькелерге котерип аткъан олса да, къарсанбалы аятнынъ мераметсиз дегирмен ташлары оны бир захиречик киби эзген олса да, о, тувгъан юртунен, ятса, турса Къырымнен эди, эр бир аткъан адымыны, эр бир алгъан нефесини озъ миллетине багъышлады. Онынъ сонъки адымы да, аладжакъ сонъки нефеси де миллетине багъышланыладжакъ, бунда шубе ёкъ.

Къуветли, истидатлы къалем саиби олгъан Джынгъыз Дагъджы озюнинъ эсерлеринен земаневий къырымтатар несирджилигини, романджылыгъыны мисли олмагъан юк-секликлерге котерди. Онынъ романлары, хатырлавлары къырымтатарлар ве Къырым акъкъында, олгъанына бакъмадан, эдебиятымызнынъ сынъырларындан чыкъын, тюрк несирджилигининъ, тюрк романджылыгъынынъ муджевхерлерине чевирильгендирлер. Дешетли, аджувсыз девир онынъ эсерлерине айланчыкълы, чытырманлы, такъдирнинъ оюкъ-чукъурлы ёлларындан кечмекни къысмет этти. Тюрк тили, Тюркие васталарынен тувгъан къырымтатар эдебиятынынъ багъчасына чешит мушкюлликлерге къатланып, къайтып келеяткъан Джынгъыз Дагъджы тюрк эдебиятында да къавий ер ишгъаль эткендир.

Тюрк эдебиятшнасы Иса Къоджакъаплан Джынгъыз Дагъджынынъ дёрт романы: “Олар да инсан эди”, “Къоркъунч йыллар”, “Юртуны гъайып эткен адам”, “О топракълар бизим эди” романлары акъкъындаки монографиясыннынъ кириш сёзюнде шойле яза: “Бу чалышмада къолгъа алынгъан эсерлер келиши — гузель сечильмегендирлер.

Макъсадымыз ялынъыз роман инджелемеси япып, лицей тасили алгъан генчлеримизге ёл косътермек дегильдир. Миллий медениетимизнинъ, миллий тарихымызнынъ, миллий хатыраларымызнынъ кутълевий суретте эррозиягъа огърагъан кунюмизде якъын тарихнынъ аджджыларыны акс эттирген бу дёрт романны янъы етишкен несиллерге танытмакъ, бельки де, эсас гъаемиздир”.

Тюрк эдебиятынынасынынъ “бизим” деп лаф этмеси, къырымтатар языджысыны бу къадар менсимеси, оны, яни Дагъджыны тюрк эдебиятынынъ мешалелеринден бири деджесине котермеси, бу эсерлер вастасынен тюрк генчлигини тербиелев акъкъындаки фикирлери анълашыла. Тарихта, тюрк-татар эдебий мунасебетлер тарихында бойле мисаллер аз дегиль. Меселя диван эдебиятынынъ векиллери — Къырым ханларындан олгъан Гъазы Герай (1553—1607), Ашыкъ Умер (1621—1707), Джевхерий (XVII а.) ве даа бир сыра шаирлеримиз булар джумлесиндендир. Тюрклер оларнынъ иджатларыны да тюрк эдебиятынынъ айырылмаз бир къысымы оларакъ корелер.

Сырасы кельгенде шуны да къайд этип кечмек керек ки, Джынгъыз Дагъджы акъкъында, онынъ эсерлери хусусында кениш инджелемелер, араштырувлар япылмагъаны инсанны эфкъярландыра. Меселя, Джынгъыз Дагъджынынъ “Олар да инсан эди” романы толусынен “Йылдыз” журналында дердж этильди. Лякин не бир эдебият мухлиси, не языджыларымыз, не эдебиятшынасларымыз бу роман акъкъында озъ фикирини язды, озъ тюшонджелерини газеталарымызда басты. Я, бу романнынъ дердж этильмеси, умумен Джынгъыз Дагъджы киби корифейимизнинъ эдебиятымызгъа къайтып кельмеси къырымтатарларнынъ медений омюринде буюк вакъиа олды да. Эдебиятымызда юзь берген бу муим вакъианы коръмемек адий эдепсизлик, демектен гъайры бир шей айтып оламаймыз.

Догъру, Тюркиеде де Джынгъыз Дагъджынынъ эсерлерине, айры романларына багъышлангъан колемли араштырувлар даа япылмады. И. Къоджакъапланнынъ китабыны эсапкъа алмасакъ “Варлыкъ” журналында онынъ интервьюсы ве таныштырув мааетинде бир къач макъале басылгъандыр. “Тюрк медениети” журналында профессор Акъкъий Дурсун Йылдызнынъ “Олар да инсан эди” романы акъкъында танытув макъалеси, “Эрдем” журналында профессор Инджи Энгюннинъ Дж. Дагъджынынъ “Янсылар-1”, “Анама мектюплер”, “Меним киби бири” эсерлери акъкъында язгъан макъалеси, Осман Тюркайнынъ “Тыш-таки тюрклернен илишиксизлик ве Джынгъыз Дагъджы”

макъалеси, филология илимлери докторы, профессор Адиле Эмированынъ “Голос Крыма” газетасында, ишбу сатырлар муэллифининъ “Янъы дюнъя” газетасында, “Йылдыз” журналында дердж эткен бир къач макъаледен гъайры ич бир шей язылмады.

* * *

Сонъки вакъытларда эльде этильген малюматларгъа эсасланып, Джынъгъыз Дагъджынынъ шахсиетини, терджимеиалыны бираз даа ачыкъламагъа джурьят эттик. Тюрк эдебиятшынасы И. Къоджакъаплан язгъаны киби, Джынъгъыз Дагъджы 1920 сенеси (бизим малюматларгъа коре 1921 сенеси — Ю. Къ.) дюнъягъа кельди. Бабасы Эмир Усеин Дагъджы орта аллы койлю олгъан. Джынъгъыз Дагъджынынъ балалыгъы къытлыкъ, зельзеле киби табиий афатларнен бирликте коммунист къуветлерининъ къанлы терроры ичинде ве буюк эзиеглер астында кечти. Къырымда 1928 сенесине къадар нисбий бир мустакъиль аят укюми сюръген эди. Лякин къырымтатар укюметининъ етекчилери ве идареджилери Къырымда еудий девлетини къурмакъ макъсадыннен еудийлернинъ Къырымгъа кочюрильмесине къаршы чыкътылар, бундан долайы, Къырымда террор ве сюрюнлер башланды. Джынъгъыз Дагъджы о вакъытларда къызыл террорнынъ къурбаны олгъаныны пек яхшы анъламаса да, онынъ насыл фелякет олгъаныны озъ козлеринен коръмеге наиль олды. Джынъгъыз он яшында олгъанда коммунистлер бабасынынъ топрагъыны чекип алдылар. Къурулгъан колхозларда эвельден баягъы топракъларгъа саип олгъан адамларнынъ адий койлю киби чалышкъанларына шаат олды. Лякин коммунистлер бунынънен тынчланмадылар, “кулак”, “середняк” деп бу адамларны, джумледен Джынъгъызнынъ бабасыны якъаладылар. Оны башта Ялта апсханесине, сонъра Акъмесджит мабюсханесине быракътылар. Шу вакъытларда къызылташлыларнынъ баягъы къысымыны да койден сюръген эдилер.

Эмир Усеин Дагъджынынъ апсханеге къапатылмасынен иш битмеди. Бу ал онынъ бутюн къорантасына озъ тесирини быракъты. Яш Джынъгъызны “кулак” баласы деп мектептен къувдылар. Бир йыл эскенджелер арасында яшагъан бу айле, ниает, къавушты ве Акъмесджитте янъы омюр къуруп башладылар. 1938 сенеси Джынъгъыз Дагъджы мектепни битирип, педагогика институтына окъумагъа кирди. “Енъи дюнъя”, “Яш къувет” газеталарында бир муддет чалышты. Сонъра Къызыл Орду сафларына чагъырыл-

ды. Одессада арбий окъув юртунда окъуды. Экинджи джиган дженки арфесинде арбий окъув юртуны лейтенант рутбесинде битирди ве къолуна диплом алгъан куню джебэге кетти.

Къызыл комиссарлар ве алий рутбели субайларнынъ акъылсыз къалпазан эмирлери саесинде Буг ялысында атеш къамачавында къала. Огден немселер, арттан къызыллар ата. Ишбу, чарпышмада немселер мувафакъиетке иришелер. Сагъ къалгъан бутюн къызыл аскерлерни, бу джумледен алий рутбели комиссарларны, субайларны эсирге ала-лар. Эсирлер арасында Джынгъыз Дагъджы да бар эди.

Шу куньден сонъ онынъ дешетлерге, фаджиаларгъа толу эсирлик йыллары башлай. Дженкнинъ сонъуна таба эсирликтен къуртула. Къачакъларгъа къошулып, буюктен-буюк мешакъатлардан кечип, ниает, 1946 сенеси Лондонгъа келип ерлеше. 1990 сенесинедже, яни юрек хасталыгъына огърагъан вакъыткъадже, Лондонда эм языджылыкъ япа, эм де шахсий локъантасында чалыша.

* * *

Алла-таала берсе бере экен. Юдже Танърымыз озъ къулуна ойле бир къабилиет, ойле бир истидат берген ки, йыллар кечип Джынгъыз Дагъджы къырымтатар миллетининъ, тюрк дюньясынынъ къуветли, къудретли языджысына, романджысына чевирилди. Романларында эса-сен къырымтатарларнынъ 1928 сенесинден сонъ кечирген аятлары, совет империализмининъ коммунистик эскенджеси алтында чеккен эзиетлери акъкъында икяе этиле. Бир заманларда къудретли девлет саиби олгъан къырымтатарларнынъ тувгъан юртларындан сюрбетлердже марум этилгени, бутюн бир миллетнинъ сойкъырымгъа огъратылгъаны тасвирлене. Романларында котерилген мевзулар че-шит — тюрлю олсалар да, айланып-уйрюлип, дженкнинъ мантигъыны, къан ичип-къан къускъан, аят-мемат курешлерде адий бир адамнынъ озъ-озюни къыдырмасыны, мен-лик ве мевджутлыгъынынъ маиетини арамасыны, къар-санбалы дженкнинъ, аятнынъ эр эки тарафында булунып, кене де озъ миллетининъ, озъ юртунынъ садыкъ эвляды олып къалмасыны ачмагъа тырышала. Муъллифининъ бутюн бу шейлерни шахсий аятында яшап кечирмеси эсерлерини сарсылмаз къувет багъышлай. А. Солженициннинъ эсерлериндеки акъикъат не дереджеде олса Джынгъыз

Дагъджынынъ романларындаки акъикъат да шу дередже-дедир.

И. Къоджакъаплан къайд эткени киби, Джынъгъыз Дагъджы Тюркие тышында яшаса да, тюрк эдебиятында (биринджи небетте къырымтатар эдебиятында — Ю. Къ.) эсерлерининъ мевзу, колем ве сайы джеэттен де дикъкъаткъа ляйыкътырлар. Онынъ аман-аман бутюн эсерлери Тюркиеде 1956 сенесинден сонъ текрар-текрар нешир этильгендир. Бу исе онынъ не дереджеде окъунакълы языджы олгъанына делялет бере. “Тюрк тили ве эдебияты” энциклопедиясында (т. 2, с. 181, 1972 с.) къайд этильгени киби, Джынъгъыз Дагъджы ашагъыдаки романларны язды: “Къоркъунч йыллар” (1956), “Юртуны гъайып эткен адам” (1957), “Олар да инсан эди” (1958), “Олюм ве къоркъу кунълери” (1962), “О топракълар бизим эди” (1966), “Колхозда аят” (1966), “Къайтув” (1968), “Генч Темучин” (1969), “Бадем далына асылгъан къокълалар” (1970), “Ушюген сокъакъ” (1971).

Баягъы бир сускъынлыкътан сонъ Джынъгъыз Дагъджынынъ 1988 сенеси учъ эсери даа нешир этильди. Олардан бириси хатырлавлар “Янсылар-1”, дигерлери романлардыр: “Анама мектюплер!”, “Меним киби бири”. Бундан сонъ 1993 сенесинедже Джынъгъыз Дагъджынынъ “Елдашлар” ве хатырлавларынынъ 2-нджи, 3-нджи, 4-нджи китаплары нешир этильди.

* * *

1992 сенеси “Йылдыз” журналы къоджаман, алидже-нап бир ишнинъ астына кирмеси, яни Джынъгъыз Дагъджынынъ бутюн эсерлерини къырымтатар тилинде дердж этмеге башламасы такъдир ве алгъышларгъа маликтир. Буюк колемли эсерлеринден “Олар да инсан эди” романы, юкъарыда къайд эткенимиз киби, толусынен журналымызда дердж этильди. Бу эсерде Дж. Дагъджы бир койнинъ мисалинде асырымызнынъ отузынджы сенелери Къырымда олгъан аят акъкъында икяе эте, Къырым насыл этип колхозлаштырылгъаны, ялыбою насыл этип руслаштырылгъаны, чокъракъ суву киби темиз къальбли, эмексевер къырымтатарлар недай аякъ асты этильгени тасвирлене.

Айны шу журналымызнынъ саифелеринде Джынъгъыз Дагъджынынъ “Юртуны гъайып эткен адам” романы толу сынен дердж этильди. Романда бир къырымтатарнынъ экинджи джиан дженкинде иштирак этип, немселерге эсир тюшип, Варшавагъа якъын бир шеэрде булунгъан мусуль-

ман легионында хызмет эткени, чеккен эм джисманий, эм рухий азаплары, умуот ве яныкълары акъкъында икье этиле. Умумен, мусульман легионлары мевзусы кыырымтатар эдебиятында кьоджаман панорама шекилинде ильк кере котериле. Ве ильк кере мусульман легионлары акъкъында акъикъат нокътайи-назарындан янашып, онынъ мусбет ве менфий тарафларыны ачып косътермеге арекет этиле.

Бу роман дердж этилир экен, бир сыра окъуйыджыларымыз тарафындан журналгъа ве ишбу романны терджиме эткен бу сатырларнынъ муэллифине, хусусан экинджи джиан дженки иштиракчилери тарафындан итиразлар бильдирильген олып, “татарлар легионларда хызмет эттилер”, “саткъынлар” деген шейлер миллетимизнинъ башына нидже-нидже белялар ягъдырды” деп озъ итиразларыны эсасландырмагъа тырышалар. ТАСС бильдириювини хатырлаталар, “романны асылында басмакъ керекмей эди”, дейлер. Я, сюнгю чувалгъа сыгъармы?

Эбет, олар озъджесине акълылар. Тек, “озъджесине”. Мангъа джанлары агъырмасын. Биз ве вакъыткъадже истиклялымыз ичюн алып барылгъан курешимизни гизлейджекмиз? Не вакъыткъадже биз озъ-озюмизни “экинджи сорт инсанлары” деп сайып, ве я сайдырып юреджекмиз? Биз не вакъыткъадже Акъикъатнынъ козьлерине тик бакъмагъа кьоркъуп юреджекмиз? Башта бир, романда сёз мусульман легионы акъкъында кетсе де, кыырымтатарлар бунда озълерине нисбетен насыл бир фаджианы корелер? Десене, бу азатпервер бир миллет бугунъ сычан кыылыфына кирип, кендини арслан беллей? Вазгечинъ! Азатлыкъ кьолай берильген олса, бугунъ кунеш биле сербест нур сачар эди!

Легион меселесине кельсек исе, мында Садыкъ Турандан гъайры ич бир тюрлю кыырымтатары ёкъ эди. Онынъ эксери кыысымыны озъбеклер, къазахлар, кыыргъызлар, туркменлер, азербайджанлар ве иляхре тюркий миллетлернинъ векиллери тешкиль эте эди. Ве сёз сахте совет тарихчыларынынъ, коммунист партиясынынъ, миллетимизге нисбетен джанаварлыгъыны акъламакъ ичюн Къырымдаки “насылдыр” бир “татар легионлары” акъкъында кетмей. Я, барып да сёз темиз “татар легионлары” акъкъында кетсе, ишбу, эсерни, Джынгъыз Дагъджыны котерип атмакъ керекми? Фикиримиздже, бойле олмамакъ керек. Дюньягъа бираз кенишче бакъмакъ керекмиз. Тюневинки куньден хуляса чыкъармайджакъ олсакъ, бугуныки кунни котерип атсакъ, ярынны тапып оладжакъмызмы? Я, ярынсыз биз не япаджакъмыз?

Романда озь миллетининъ азатлыгъы ичюн курешкен адий бир адамнынъ фаджиасы косътериле. Эсернинъ баш къараманы не ичюн немсе униформасыны кие, не макъсаднен ве кимге къаршы элине сия ала? Бир бакъыштан адий корюнген бу дешетли суаллерге муэллиф даа да дешетли, даа да мудхиш джеваплар къыдырмагъа тырыша. Садыкъ Туран ве романнынъ дигер къараманлары башта самодержавие, сонъра совет-коммунистик империясы астында эзилген улу Туркистан гъаеси ичюн немселер тарафында дженклеше ве немсе идеологиясынынъ къурбанлары олалар. Такъдир тек къырымтатар йигити Садыкъ Туранни дегиль, бинълернен озьбеклерни, къазах ве къыргызларны, туркмен ве азербайджанларны озь къамачавына алып эзе, таптай, мукъаддес Туркистан гъаесини тарих чамурларына булгъалай. "Юртуны гъайып эткен адам"да фаджианынъ диалектикасы бойледир:

"...1942 сенесининъ бааринде немсе ордусында тюрк асылындан олгъан эсирлерден Туркистан легионы тешкиль этильген, бизлер де гъайрыдан аскер олгъан эдик. Немсе униформасында алымыз эм кулюнчли, эм де аджыныкълы эди... Немселерге къоркъунен бакъмакътан озюмизни къолгъа алып оламай эдик. Бу къоркъумыз мустакъиль Туркистан ордусынынъ чегирдеги олгъанымызны немсе субайлары тарафындан сыкъ-сыкъ текрарланмасынен яваш-яваш эксильди". (11 с.).

"...Эр бир миллет акъларыны эльде этмек ичюн дёгюшер, къан тёкип акъкъыны алып экен, биз не ичюн айны ёлдан юрьмейджек эдик?" (11 с.)

"...Эбет, биз мейдангъа келеджек буюк Туркистан ордусынынъ чегирдеклери эдик. Яваш-яваш бунгъа инана эдик. Буюйджектик. Бир къарышчыкъ олсун, ватан топрагъына аякъ басайыкъ бир, мемлекетнинъ узеринде къартал киби къанат кереджек, миллетни кене Туркистаннынъ саиби этеджектик". (12 с.)

"...Бизим ичюн ялынъыз эки дане мукъаддес келиме бар эди: Туркистан ве истикълял! Бу ёлда, бу мукъаддес гъае огърунда, сонъки тамчы къанымызгъадже акъызаджакъ эдик. ...Бу тюшюнджелернен, бу дуйгъуларнен устюмизге униформаларны кийдик". (13 с.)

"...Лякин субай олып Русиенинъ сынъырларына кирген сонъ немсе хачындан, немсе къарталындан манъа не!

Черкез къалпагъы киймейджек эдимми? Черкез къалпагъынынъ устюне украин къызларына ай-йылдыз ишлетмейджектимми? О мемлекетнинъ сынъырларына кирейим бир! Немсе къарталына алдыргъан шейим ёкъ.

Эбет, мен даа эвельки Туран эдим. Мен кене де эркек олам. Ким бильсин, бельки дамарларымдаки татар къаны, ишини корьмеге башлагъандыр". (32 с.)

"...Субайлар Туркистаннынъ илериде Асиянынъ буюк ве къуветли бир девлети оладжагъыны айта эдилер. Шаркъта Тюрк-Татар дюнъясы японларнен дост ве иттифакъдаш олгъан сонъ, гъарпта Германиягъа, шаркъта Япониягъа ве бизге аман-аман дюнъяны идаре этмек акъкъы бериледжек эди. Шимди бу шейлерни язар экеним, ичимден кульмек истейим". (39 с.)

"Эбет, дюнъяны немселер чевиреджек эдилер. Бунгъа инаналар. Биз устюмизге немсе униформаларыны кийген, тишимизден, сачымыздан тырнагъымызгъадаже немсе олгъан сонъ, аятымыз истер-истемез бу менфаатларгъа коре уйгъунлашмайджакъ ве Туркистанымыз яваш-яваш бир хаял алына кельмейджек эдими?" (40 с.).

"...Къырым халкъы бир учурым четинде эди. Юз етмиш йыл девамында дёгюш кетирген фуртуналар, энди ниаесини ете эдилер. Бу, энди сонъ фуртуна оладжакъ эди. Ёргъун, перишан миллетим бу сонъки фуртунагъа даянамайджакъ эди. Буны бабам дуйгъан киби эди. Миллетим яралы эди, чокъ къан джойгъан. Амма сонъки тамчы къанынадаже душманынен чарпышаджакъ, чокътан берли сувсагъан истикълялына къавушмадан джан береджек эр татарнынъ сонъки сёзю: 'Истикълял!' оладжакъ эди. Миллетим ватаны огюндеки борджуны одеди". (121 с.).

* * *

"Юртуны гъайып эткен адам" романында даа бир айдын образ бар. Бу — Садыкъ Тураннынъ къардашы Бекирининъ образыдыр. 1941 сенеси Садыкънынъ эляк олгъаны акъкъында хабер Бекирининъ юрегини тилим-тилим догърады. Бекир немселерге олгъан нефретини гизлеп оламай, агъасы ичюн интикъам алмакъ макъсадынен дагъгъа кете, партизанларгъа къошула. Бекир ялынъыз агъасы ичюн дегиль, эзильген, тапталгъан, куль-виран этильген Ватаны ичюн немселерден интикъам алмагъа атлана. Бойлеликнен, А. Достоевскийнинъ "Агъа-къардаш Карамазовлар"ы проблемасынынъ татар варианты ортагъа чыкъа.

"...Бабам айтаджакъ мен де тек динълейджек эдим:

— ...Къуртулыш куню келир, деп эпимиз дёрткозьнен немселерни бекледик. Лякин янълышкъан экенмиз, Садыкъ... Къуртулыш дегиль, къан ве олюм кетирдилер мемлекетке. Бинълернен къырымлыны къурбан эттилер. Шеэр че-

тине чыкъарып, кендилерини къаздыргъан чукъурлар башында къуршунгъа тиздилер. Ароннынъ Майкосы, Шаломлар, Пинас, Левилер эписи ольдюрильдилер. Сонъра не-вбет чингенелерге кельди. Бичарелер, эллеринде ешилъ байракълар, кокюслеринде Къуранлары, татар мааллелерине, имдат, деп чаптылар. Лякин татарнынъ элинден не келир? Чингене олса да, тилимиз бир, динимиз бир, олар да Къырым халкъы дегильми? Бекирнинъ дагъгъа чыкъмасына себеп сенинъ олюм хаберинъми, ёкъса миллетнинъ чеккенлери олдымы, бильмейим. Насыл, не себептен олса да олды бир кере..." (117 с.)

"...Ана эвинден чыккъан кунюм, озюмъ чызгъан ёлдан юр, деген сен дегиль эдинъми, баба? Дюнъянынъ бош ырсларына къапылма, деген сен дегиль эдинъми? Бугунъ бир огълунъ устюнде немсе униформасы, коксюнде джамали хач. О бириси дагъларда, къалпагъында къызыл йылдыз, сачындан тырнагъынадже миллетнинъ къанына булангъан большевиклернен берабер... О да эвляддыр, дейсинъ! О да кендине бир ёл чызды, онъа да акъ ёлу дейсинъ, баба?" (118 с.).

"...Бекирнинъ коксюнде НКВДнынъ зиндан диварларында къуругъан къан лекеси киби къызыл йылдыз, меним коксюмде немсе къарталынынъ панджаларында асувлы джамали хач; эки къардашнынъ бири-бирине къавушмасы, бири-бирине багъланмасы бутюн миллетимнинъ бир темсили эди, санки". (132 с.).

Садыкънынъ бабасы Усеин агъа чаресизлик ичинде. Не япаджагъыны бильмейип, шашмалай:

"...Бильмем, кимге агълайым?.. Миллеткеми, эвлядкъамы? Кимге?.. Кимге, Садыкъ? Экинъиз де къанымдансынъыз. Иште, сен шимди миллетнинъ интикъамыны алмагъа кельдинъ. О бириси дагъларда. Дагъларда хаинлернен..." (139 с.).

Иште, Садыкъ немселер тарафында, Бекир большевиклер тарафында. Лякин экисининъ де макъсады бир. Экиси де тувгъан Къырымларыны душманларындан азат этмек, тувгъан юртларыны мустакъиль коръмек истейлер, бу макъсад огърунда аятларыны бинъ бир телюке астына къоюп, къан ве атешлер ичине атылалар. Затен, къырым-татарынынъ душманы ким: немселерми, большевиклерми? Агъа-къардашларнынъ ангиси акълы, ангиси акъсыз? Садыкънен Бекир Бештерек дагъларында корюшкенлеринде биле бири-бирине ич бир шейни исбат этип, бири-бирини озъ фикирлерине къандырып оламайлар. Нетиджеде Садыкъ немселерге, Бекир большевиклерге, "совет режими-

не “алданалар”, ватан, миллет исе ёллар ичинде къалып кете. Буны Садыкънынъ фикирлери ачыкъ-айдын тасвирлейлер:

“...Бу эйбетли ордунынъ (немсе ордусынынъ — Ю. Къ.) енъильмеси мумкюнми? Энъ сечкин генераллар команданылыгы алтында ишлеген бу дженк машинасы джайль ве саргъош, ач ве битли, ахмакъ ве пис мужиклернинъ тепмесинен бир оюнджакъ киби къырылмасы мумкюнми!

Эбет, къырыла. Лякин мен не фельдфебель Бауэрни, не де Германияны тюшюнем. Бу фуртуна ялынъыз бизим ичюн. Къырымым, Кавказым, Туркистаным!.. Бизим койлеримизге, шеэрлеримизге атыладжакъ, аналарымызны, балаларымызны богъаджакъ; бинъ йыллыкъ медениетимизни ер юзюнден силеджек... Фельдфебель Бауэр кене Германиясына дёнеджек, оджагынынъ башына кечип, балаларынынъ башларыны сийпайджакъ, фельдфебель Бауэр кене чайыны ичеджек, “бабен кюхени”ини ашайджакъ. Фельдфебель Бауэр буны бильмейим деп беллей. Лякин мен бунынъ бойле оладжагыны билем”. (185 с.).

Бу сёзлерни, миллети узакъ Озьбекистан чёллерине сюръгюн этильген, мевталары къашкъыр ве шакалларгъа аш олгъан Бекир де “немсе” ерине “рус”, “Германия” ерине “Русие”, “Бауэр” ерине “Иван” сёзлерини къулланып, айта билир эди.

Дженк — олсун немселер, олсун советлер тарафында дженкклешкенлер ичюн къарсанбалы, чытырманлы, оюкъчукъурлы, дешетли, такъдиране бир бурулыш олмакънен бирликте, буюк, мисли олмагъан фаджиадыр, эм де тек шахсий фаджиа дегиль, МИЛЛИЙ ФАДЖИАДЫР, МИЛЛИЙ КЪУРТУЛЫШ ФАДЖИАСЫДЫР. Оны гизлемек дегиль де, оны анъламакъ, эм шахсий, эм миллий келеджегимиз ичюн зарур, акъылане хулясалар чыкъармакъ керекмиз. Истесек де, истемесек де, миллетимиз кечкен мудхиш дженкте къан тёкти, йигит ве къызларымыз джанларыны феда эттилер. Гитлер ве Сталин ичюн дегиль, эр бир тамчы къанда, сувланып тургъан эр бир ярада миллетнинъ козьяшлары, феръядлары, миллий дегерлиги, азатлыкъ умултери бар эди.

“Юртуны гъайып эткен адам” романыны, ве умумен, Дж. Дагъджынынъ бутюн эсерлерини эбдир-себдир, чапыпчапкъалап окъумакъ мумкюн дегиль. Джынгъыз Дагъджыны ашыкъмайып, устькоймедже нетиджелер, ерли-ерсиз уюмлер чыкъармайып, сабырнен окъумакъ керек. Онынъ терен, психологик, фельсефейи, буюк усталыкъ ве бедир-

ийликнен язылган эсерлери ашыкчанлыкны кѣбул эт-
мейлер.

* * *

Джынгъыз Дагъджы озь эсерлеринде джойган вата-
ны, иликлеринедже синъген ватан асретлеги акъкъында
икѣе эте. Эсерлерининъ эсас нокъталары, ишбу призма-
лардан кечирилъмеси аджджы реализм оларгѣа алельху-
сус кѣует бере. Миллий сербестлик, миллий месутлыкъ
мевзулары Исмаил Гаспралынынъ “Френкистан мектюпле-
ри” романында да байракъ этип котериле. Лякин Гаспра-
лынынъ реализми утопия, хаялдыр. Джынгъыз Дагъджы-
да исе миллий месутлыкъкѣа алып барган ёл дешетли
реалликлер чельтегинден кечирилъгендир. Романларында-
ки вакъиалар не ерде юзь берген олмасын, булар онынъ
яшап кечирген шейлеридир, булар онынъ, аятыдыр, де-
сек янълышмамыз. Чюнки бу шейлерни уйдурмакъ мум-
кюн дегилъ. Затен Джынгъыз Дагъджы китапларынынъ на-
ширлеринден бири Яшар Наби Наирге язган мектюбинде
буны шахсен тасдикълай ве ич бир тюрлю шубелерге ер
къалдырмаган тарзда шойле язган эди: Эльхамдулилла
тюрким, мусульманым ве бу язган шейлеримнинъ эписи
акъикъят олганына емин этем.

* * *

Бугунъ дикъкъатынъызгѣа такъдим этильген “Къоркъ-
унч йыллар” романыны да фелек чемберинден кечкен, аят-
ны, миллетини иляхий бир севгинен севген адам язган-
дыр. Джынгъыз Дагъджынынъ мезкюр романыны окъугъ-
анынъызда “Юртуны гъайып эткен адам”даки Садыкъ Ту-
ранны, дигер къараманларны расткетирирсинъыз. Бунѣа
тааджипленменъиз. “Къоркъунч йыллар”нынъ баш къара-
маны да Садыкъ Турандыр. Янълышмаган бир Алла, де-
генлери киби, шу эки романнынъ терджимесине киришилъ-
генде терджиманнынъ ишине шейтан къарышты, гъали-
ба, ашыкчанлыкъ себебинден хатагѣа ёл берди. Бу эки
роман айры китаплар шекилинде дердж этиледжекте ха-
таны тюзетирим деп беллейим. Затен, Джынгъыз Дагъджы
о бириси йыл июль айында манѣа ёллаган мектюбинде
шойле деп язган эди:

“Сайгъылы къардашым Юнус,

...мектюбинъде “Юртуны гъайып эткен адам”нынъ тер-
джимеси узеринде токъталасынъ. Бу гузель хаберге ай-

рыджа севиндим. Анджакъ ана тилимизге терджиме этмек ичюн бу романны сечкенинъ мени бираз ойландырды. "Юртуны гъайып эткен адам" "Къоркъунч йыллар"нынъ девамдыр, яни "Къоркъунч йыллар"нынъ экинджи джылтыдыр, 1956—1957 сенелери арасында Истанбулнынъ о вакъыттаки энъ илери кельген "Варлыкъ" нешриятында нешир этильген эди. Эсер колемли олгъаны ичюн мангъа эсерни эки джылт шекилинде басмакъ кереклигини теклиф эткен эдилер.

Бу эсер меним тюркче язгъан ильк эсеримдир... Табий, сен ве аркъадашларынъ Къырымдаки окъуйыджыларнынъ насыл китапларгъа ихтияджлары олгъаныны менден даа яхшы биледирсинъиз".

Бахт ёкъ эди, лякин бахтсызлыкъ ярдым этти, дегенлери киби, сонъки вакъытларда Къырымда олайткъан вакъиаларны, ярымаданынъ тамыр миллети — къырымтатарларгъа къаршы кутълевий информация васталарында алып барылгъан "сувукъ дженкни" козь огюне алсакъ "Юртуны гъайып эткен адам" романы озь вакъытында терджиме этилип, дердж этильди демеге толу имкъан бере. Бу эсерде къайда олса олсун, кимге олса олсун миллетимизнинъ векиллерине бериле биледжек чиркин суаллерге джеваплар гизлидир.

"Къоркъунч йыллар"нен "Юртуны гъайып эткен адам" къоджаман романнынъ айырылмаз эки къысымы олмакънен бир сырада олар айры-айры яшамакъ укъукъларына малик эсерлердир. Эм мевзу, эм композицион, эм къаврамлыкъ, эм битишиклик джеэтлери оларгъа бу акъны берелер.

"Къоркъунч йыллар" романында бир къырымтатар субайынынъ аяты тасвирлене. Эсерде Садыкъ Тураннынъ Къырымда балалыкъ чагъында башлап, немселернинъ элине эсир тюшюп, Туркистан легионына барып къошулгъан девири ичинде яшап кечирген фаджиалары юксек драматизм иле икяе этиле.

Роман эки буюк болюктен ибареттир. Эгер биринджи болюкте Садыкъ Тураннынъ аятынынъ "совет девири", яни балалыгъы, осьмюрлиги, генчлиги, мектеп чагъы, Одесса арбий окъув юртунда тасиль алгъаны, дженк башламасы, эсир тюшмеси акъкъында икяе этильген олса, экинджи болюкте немселерге эсирге тюшкен сонъ концлагерьлердеки мудхиш, къоркъунч аяты, немсе ордусындаки Туркистан легионына насыл къошулгъаны акъкъында айтыла. Эр эки болюкни бири-биринен узьлюксиз бирлештирген шей исе баш къараманнынъ озь ватанына ве миллетине олгъан

садакъатыдыр. Романда Садыкъ Туран кыырымтатарларнынъ бир символы дереджесине котерильмеси де тесадюф дегиль.

Садыкъ Туран эсирликте кьоркъу толу куньлерни яшап кечирсе де о джесюр курешчи, миллетининъ джесюр аскери олып къала, о, башкъа эсирлер киби бир локъма отьмекни тюшюнмей, ойле мудхиш дакъкъаларда биле миллетининъ къуртулышыны тюшюне. Эр анги алларда Садыкъ Туран кыырымтатар миллиетчиси олып къала. Эсернинъ ахлякый, тербиевий къувети де бунынънен ольчениле.

Джынъгъыз Дагъджы Садыкъ Тураннынъ образында кыырымтатар миллетининъ умумийлештирилген образыны ярата. Садыкъ Тураннынъ яшап кечирген ве яшайткъан омюри кыырымтатар миллетининъ омюрие бенъзей. Бутюн бир миллет Садыкъ Туран киби, концлагерьде, башталары рус самодержавиесининъ, сонърадан къанлы совет-коммунистик режимининъ, шимдиде анълашылмагъан бир “демократик” концлагеринде акъсыз-укъукъсыз эсир киби яшай. 1783-тен берли зулум ве акъаретлер ичинде къалып кеткен миллетимиз кенди уриетини гъайрыдан эльде этмек ичюн джан берип, джан чекише. Немсе эсаретими, рус эсаретими, башкъасынынъ эсаретими, фаркъы ёкъ, эсарет — эсареттир. Романдан корюне ки, бу айры бир инсаннынъ, я да инсанларнынъ драмасы дегиль, трагедиясы дегиль, бу бутюн бир миллетнинъ трагедиясыдыр.

Макъсад кунъ звельден романнынъ мундериджесини икяе этмек дегиль. Олгъаны оладжагъы бу бир бисмиллядыр. Ялынъыз бу ерде Садыкъ Тураннынъ бабасынынъ сёзлерини мисаль оларакъ кетирип, кыырымтатар халкынынъ не дереджеде къуветли олгъаныны косътермекнен бир сырада, аякъ асты этильген ичерики къуветни реанимация япмакъ зарур олгъаныны къайд этип кечмек истеймиз.

Садыкънынъ бабасы виранеге чевирилген джамининъ йыкъынтыларына ишарет этип онъа шойле дей: “Биз буларгъа (йыкъынтыларгъа — Ю. Къ.) бакъып кьоркъмамакъ керекмиз. Душманларымыз кьоркъсынлар. Эм де насыл кьоркъалар! Кьоркъуларындан бизге бу зулумларны япалар. Кьоркъмагъан олсалар япмаз эдилер. Юзь элли йылдан берли бизни ёкъ этмеге тырышалар. Юзь элли йыл... Иште, бу юртта бир авуч татар къалдыкъ. Бизлер махв олгъанымыздан сонъ биле олар рухумыз огюнде титрейджеклер”.

Миллетнинъ сонъсыз къудретине, джесаретине, онынъ

болонмез бир бутюн олгъанына башкъаджа кыймет кес-
мек пек кучь.

* * *

Даа тюневин дарма-дагъын олып кеткен идеслогиянынъ
къокъусы бугунъде-бугунъ кене авада долана. Самодержа-
виенинъ, сонъра кызыл большевиклернинъ кырымтатар-
ларгъа нисбетен алып баргъан дешетли, джанаварджа иде-
ологиясы кырымтатар миллетине неге мал олгъаныны
унутмамакъ, не къадар аджджы олмасын тарихнынъ къан-
лы, атешли анылерини кыйд этмек, келеджек несиллерни
айыныкъ ве уяныкъ тутмакъ, оларны джесюрлик ве козь-
ачыкълылыкъ, ватанперверлик ве миллиетчилик рухунда
тербиелемек — Джынгъыз Дагъджынынъ къалеми астын-
дан чыкъкъан романлар ве дигер эсерлерининъ эсас вази-
фесидир. Затен, макъалемизде ады кечкен тюрк эдебият-
шынасы Иса Къоджакъаплан Джынгъыз Дагъджыны “Тюр-
кие языджысы” деп косьтермеси, онынъ романларына юк-
сек кыймет кесмеси бизлерни, кырымтатар зиялылары-
ны зарур амелий, бельки де ахлякий хулясалар чыкъар-
магъа меджбур эте. Иса Къоджакъаплан шойле яза:

“...Экинджи джиан муаребеси акъкъында пек чокъ филь-
млерни сейир эттик, сейир этмектемиз. Американен Гъарб
озь джемиетлерини буюк къарсанбаларгъа джелъп эткен
дженклерни фильм алына кетирип, янъы несиллерининъ
афызаларына синъдирелер. Биз, Тюркие Джумхуриети
оларакъ, экинджи джиан муаребесине кирмедик. Факъат
бизим къанымыздан, динимизден олгъан инсанлар бу
дженкнинъ адджыларыны бутюн дешетинен яшап кечир-
дилер. Бойлеликнен биз де бу феякет ичине тюшкендир-
миз. Шай исе, бизим генчлеримизнинъ де (тюрк генчлери-
нинъ — **Ю. Къ.**) бу феякеттен, фаджиадан хаберлери ол-
макъ, тарих теджрибесине оларны да эклемек керек.

Иште, кунюмизге къадар Джынгъыз Дагъджынынъ
бильхасса, эсерлерининъ фильмге алынмамасы бизим ичюн
(тюрклер ичюн — **Ю. Къ.**) буюк бир гъайыптыр. Бир аны
эвель бу эсерлер синема, керексе ТВ фильми япыларакъ,
“юртуны гъайып эткен адам”ларнынъ, джанларыны, сагъ-
лыкъларыны гъайып эткен инсанларнынъ устюмизде бу-
лунгъан вазифелерини ерине кетирмек, оларнынъ рухла-
рыны аз да олса раат этмек меджбуриетиндемиз”.

Чокъ алидженап истек. Илериде, бельки кырымтатар-
лар да бойле истеклернен “хасталанырлар”. Эбет, танъ
агъармагъандже кунеш догъмаз. Бугунъде биз элимизден

кельген шей Джынгъыз Дагъджынынъ эсерлерини ана тилимизге терджиме этмек, журналымыз вастасынен мумкюн олгъаны къадар окъуйджыларымызгъа еткизмек, мектеп ве алий окъув юртларынынъ программаларына кирсетмек, айры китаплар шекилинде нешир этмек, эсерлерини пропаганда япмакътыр. Улу мутефеккир Исмаил бей Гаспралы айткъаны киби, халкъынъа ярдым этмек истесенъ элинъден кельген шейни япмакъ керек. Затен чий халъларгъа къапылмайып, шимдики сиясий-икътисадий инкъразнынъ козьлерине тик бакъып, элимизден кельген шейни япмакъ заманы кельди.

XX асырнынъ айдутлары — къызыл большевиклер, рус шовинистлери, олардан төреген “миллиетчи-демократлар” Къырымны къырымтатарлардан темизлеп оламадылар ве эм темизлеп оламазлар. Лякин, чешит ренктеки неольшевиклер, неошовинистлер миллетимизге къаршы энъ вахший сиясетнен — миллетимизни манкъуртларгъа чевирмек сиясетинен силяландылар. Къырымтатарларнынъ миллий анъы, миллий дегерлиги, миллий гъуруры киби мукъаддес, Алладан берильген дуйгъулары балталанмакъ хавфы астында булуна. Шу себептен де, Джынгъыз Дагъджынынъ романлары къырымтатар халкъынынъ миллий-азатлыкъ курешине аз да олса, озьлерининъ зарур исселерини къошарлар, деп умют этемиз.

Юнус КЪАҢДЫМ.

Акъмесджит,

октябрь 15, 1996 с.





Джынгъыз Дагъджы.
Хозе Париковнынъ чызгъан ресими.

ДЖЫНГЫЗ ДАГЪДЖЫ

КЪОРКЪУНЧ ЙЫЛЛАР

(РОМАН)

Биринджи кысым

К и р и ш

— Меним адым Садыкъ... Садыкъ Туран. Сенинъ?

— Джынгыз, — дедим.

Огюмде ады киби кениш ве маналы бир шахс отура эди. Бетинде кечмишининъ терен ве агъыр излери окъуна. Козълеринде кечмиш йыллардан къалгъан аджджсы яныкъ бар. Кенъ омузлары, кокус татасы нек агъыр бир аят юкюни таишгъан инсан олгъаныны косътерелер. Ёл къапы алдындаки скемледе башыны авучларынынъ ичине алып, окюр-окюр агълап отургъандай корюне. Барып янына отурдым. Огюмизден кечип кеткенлернинъ адымларына бакъып бир шейлер тюшюне, бир шейлер хатырлагъан киби бир алы бар эди. Дердини айттыра бильсем бельки бираз ачылыр, деп тюшюндим. Яваштан:

— Садыкъ бей, — дедим, — сизнен берабер аскерлик якъан бизим койдеишимиз Аметни хатырлайсынъызмы?

Башыны котермейип джевап берди:

— Рахметли Аметнимми? Хатырламамакъ мумкюн асыл? Первотмайск дживарында оны дефн эткен эдик. Ярасы нек агъыр эди, къуртулып оламады.

Не исе де лаф эттирдим. Дженк фаджиаларыны узундан узатие икяе этти. Озю ве аилеси акъкъында сёз ачты. Менимнен меракъланды. Ишлеримни сорады...

Акъшам ола эди. Батынынъ аллангъан уфугъындан къачып Рим далларына сыгынгъан къара кольгелер яваш-яваш сокъакъларгъа эне эди. Элини узатты:

— Ярын саба мангъа кельсенъ даа да меракълы шейлер акъкъында икяе этерим, — деди.

— Элини сыкътым, келеджесегимни айттым ве мусафирханеге къайтып кельдим. Сессиз ве къасеветли одамнынъ лампадыны якътым. Маса устюнде яткъан "Тюрк шиирieti антологиясы"ны алып, кроваткъа узандым. Саифелерни яваш-яваш чевирир экеним, козьлерим бир шиирининъ сонъки мисраларына тюшти: "Тюркюм ве дуи-

маным санъа къалсам да бир киши". Китатны къапаттым, козылеримни юмып, Садыкъны тюшюндим. Дюнъясындан безген, адамлардан тёньюльген Садыкъ козылеримнинъ огюнде джанланыр экен, мына шу еньюльген инсан эндиен сонъ не ялып олур, дейим ичимден. Я, мен, мен не оладжагъым? Бизлер эпимиз, бизлер, мына шу дженк-тен насыл олса да сагъ чыкъкъанлар, не оладжакъ ве не япа биледжек эдик? Бизим сонъумыз не оладжакъ эди?

Эртеси куню эвине бардым. Къапыны бельки сексен, бельки юз яшларында бир къадын ачты.

Менден бир шей гизлегендай, бурюшик бетинде тебессюм пейди олды.

— Бон гиорно сеньорина, — дедим.

— Бон гиорно, — деди. Сонъра артында гизлеген бир пакетни узаты: — сеньоре Садыкъ сизге шу пакетни къалдырды, — деди.

— Озю къайда?

— Кетти, бир даа кельмейджек.

Бир анъ индемейип бири-биримизге бакътыкъ. Сонъра пакетни алдым.

— Грация сеньорина... Арриведерчи.

— Прего, Прего... Арриведерчи сеньоре.

Къапы къапалды. Ичимде къарт къадыннынъ: "Кетти, бир даа кельмейджек" деген сёзлери туташып тура. Андан эпнейи узакълашкъан сонъ, пакетни ачтым. Ичинден дерт дане дефтер чыкъты. Биринджи дефтернинъ ильк саифесини ачтым. Буюк арифлернен "Хатыралар" деп язылган, астында Садыкъ Туран имзасы. Саифелерни козден кечирдим. Бир еринде мени шу сатырлар сарсытты: "Аллахым, барсынъмы? Къайдасынъ? Ёкъ оламыз биз... Ёкъ оламыз, ёкъ оламыз..." Дефтерлерни къолтугъыма сыкъып, къарт ве ёргъун бир инсаннынъ адымларынен, мусафирханеге тараф ёл туттым. Эртеси куню Садыкъны эр ерде къыдырдым, лякин изине биле тюшалмадым. Къайда кетти, не олды? Билип оламадым...

Арадан еди йыл кечти. Мен Лондонда эдим. Тышарыда, шеэрнинъ рутубетли ве къасеветли эвлери къарармакъта, одамгъа янъы, дертли бир акъшам толмакъта эди.

Элинде бир мектюп, ичериге къарым кирди:

— Санъа бир мектюп бар, — деди.

Конвертти ачтым. Мектюп дженктен сонъ Аргентинада ерленкен аркъадашым, Польша татары Мирза Сабирскиден эди. Мирза Сабирски кенди аяты акъкъында узундан узадие икяе эткен сонъ, мектюбини шоёле битирген: Уругвайдан алган хабериме коре, анда агъыр орман ишлеринде чалышкъан Садыкъ Туран адлы бир къырым-татары Алланынъ рахметине къавушкъан. Таныш-билишинъ олмаса да, ят диярда олса да топрагъы бол олсун.

Мектюп элимден тюшип кетти. Къолларым эки тарафкъа саркъты. Богъазыма бир шей келип тыкъанды. Богъулам, лаф этип оламайым. Яваш-яваш озюме кельдим, бу сеффер бирден бошанган козыяшларым арасында Садыкъны анъдым. Айгиди, дюнъя!.. Такъдир

оны кьайдалардан алып, кьайдаларгъа аткъан. Иште, хатыралары оюмде, агълай-агълай оларны текрар окъуйым.



“...Юртумдан сонъки кере 1942 сенесининъ кузюнде айрылдым. Бу айрылыкъ пек аджджы олды. Юртумгъа бир даа кьайтып келип оламайджагъымны дуя эдим. Станцияда анам, бабам, кьардашларым, кьысым-акърабам топлангъан эдилер... Купе пенджересинден оларгъа бакъар экеним, аятымнынъ аджджы, татлы куньлерини тюшюндим. Бу-оларны сонъки кере корьмем эди. Анам сагъ элини мангъа тараф котерген, сол элинен, омузларындан ашагъы саркъкъан марапасынынъ уджунен козьяшларыны силе эди. Поезд сонъки кере дудюк чалды, сонъра локомотивнинъ багъырындан чыкъкъан къара думан арамызгъа кирип, бизни бири-биримизден айырды. Купе пенджересинден, эли-мизден чекип алынган баба-деде топракъларына бакътым, бакъып къалдым. Бу топракълар вагонларнынъ копчеклери астында йылларнынъ къанлы тюркюсини йырлай эдилер. Бу тюркюни саатлернен динъледим, сонъра “Аллахым, Аллахым! — деп кокуюс кечирдим. — Сен бизни бу топракътан айырма! Бу топракъ бизимдир. Аталарымызнынъ мирасыдыр. Ач, чыпакъ олсакъ да бу топракъларда къалайыкъ. Олъсек де бу топракъларда олсейик. Ватаным, ватаным! Дюньянынъ анги копшесинде олсам олайым, биз яшагъан сайын, сен бизнен берабер оладжакъсынъ...”

* * *

Экинди маали. Биз койнинъ дживарындаки бир къаянынъ узеринде бир дирек тикип, слъкен ачып, капитан оюныны ойнай эдик. Узакътан анамнынъ сессини эшиттим. Кучюк кьардашыма:

— Айды, Бекир, анамыз келе, акъшам олды, — десем де, энъ инатымыз олгъан Бекир, алдырмадан, ойнамакъны девам эте эди. Он, он беш дакъкъадан сонъ, кьаршы тепеде анам корюнди.

— Сизними сизни... — сонъра: — тевбе, я — Рабби, тевбе, я — Ресюлаллах, — деп сомурланды. — Бу акъшам аш ерине менден яхшы бир сопа ашайджакъсынгъыз. Тез эвге юринъ, ярамазлар...

Бекирнинъ сопа зияфетине чокъ иштиасы ёкъ эди, аман къаядан фырлады, мен де артындан чаптым. Анамыз аркъамыздан:

— Бирингиз сыгырны акыргыа кирсетсин, о бирингиз де бабангыза сув кетирсин, — деп кычырды. Бекир сыгырны кетирмек ичюн кыаршы маалге, чобанларгыа кетти, мен де эвимизден гугюмлерни алып фурунджы Муарремниг чешмесине кеттим. Мезарлык янындан кечип, чешмеге якышлашканымда эки юз метр кыдар авлакыта кооперативниг огюнде устю кыпалы кыара бир машина корьдим. Ёлда манга расткельген сюнгули аскерлер ичине гыарип бир кьоркыу толдурган эдилер. Гугюмлерни чешмеден алель-аджеле толдурдым. Бабам тарладан кыайтып кельмезден эвель эвде олмалы эдим. Эр акышам софрада сувукъ сув олмасы адет олып кыалган эди. Кыардашым Бекир сыгыр ве эчкилерни акыргыа кыапады. Анам эвни сипирди, аш азырлады, софра кыойды. Энди бабамызны беклеймиз. Пек яхшы хатырлайым, ач олганымдан элимни отьмек табагына узаттым. Бир парча отьмек кыопарып агызыма кыаптым. Анам манга серт-серт бакты, лякин индемени. Иште, тамам шу аныде, пенджерен, бириси санки оданыг сессизлигини бозмагыа кьоркыуп, яваштан:

— Тизе... а, тизе, — деди.

Анам:

— Ким о? Не бар? Не истейсинг? — деп сорады.

— Узакътан айтып оламам, якынджа кель, тизе.

Анам еринден турды, пенджере янына барды. Бир-эки дакъкыадан сонг пенджере артындаки адам гыайып олды. Анам исе турган еринде таш киби кыатып кыалды. Лаф этмей, кыбырдамай. Бала кыальбимде илк кере пейда олган кьоркыу дуйгусынен, янына бардым:

— Не олды, ана? Бабамыз кыайда? Не ичюн кельмей?

— Бабангыз кельмейджек. Бабангызны милиция якыалагган... Кельм... — деп стиштиралмады, кирпичкери арасындан козяшлары янакыларына тыгырдылар.

Деминки бир локыма отьмек ичимде зеэрге дёнди. Анамныг кыалтырагган дудакылары, янакыларына тыгыргыан козяшлары козюм огюнден ич де кетмей. “Кельмейджек, кельмейджек” демектен гыайры ич бир шей япып оламай эди. Яваш-яваш ерге чёкти. Биримиз бойнуна, биримиз этегине сарылып, яшлы козылерине бакъа эдик. Эвниг эркегини алып кеткен эдилер. Артта бир сюрю баланен, юреги парча-кесек олган ана кыалган эди.

Топракъ дамы эвчиклерниг арасындаки кырмызы тенекс дамы, этрафы таш диварнен сарылган, шырын мектеп бинасыныг пек яхшы хатырлайым. Биз балалар, бу бинаныг босагыасындан атлаган дакъкыамыздан итиба-

рен эвлеримиздеки аятнынъ адджысыны унутыр, баарьде ешилъ япракълар, даллар арасында чивильдешкен къушлар киби ойнап-кулип, нешеленир эдик. Сафие оджапчемиз узун бойлу, беяз ве индже бетли, сарышын, пек мераметли, темиз къальблилиги бетине руханий бир гузеллик берген бир къадын эди. Онъа нисбетен мен темиз ве юректен бир севги беслей эдим. Лякин бир кунъ саба Сафие оджапчемиз бам-башкъа эди, санки оны дентьштиргенлер. О куню саба сыныфкъа киргенде эпимиз эр вакъыт олгъаны киби оны аякъкъа турып селямладыкъ. Лякин о кимсеге бакъмай, бети кульмей эди. Яныма кельди, бир анъ сусып тургъан сонъ:

— Садыкъ, — деди.

Еримден турдым. Сыныфнынъ ачыкъ пенджересинден багъчагъа бакъып, сёзюни девам этти:

— Бугуньден итибарен сенинъ мектепке кельменъ ясакъ этильди. Чюнки... Анъладынгъмы, Садыкъ?

— Анъладым, — дедим ве Сафие оджапчемизнинъ де ичимден тамам мектеп киби къопарып атылгъаныны ис эттим. Китапларымны топладым, сыныфтан чыкътым. Артыкъ, мектеп манъа къоркъу берген бир ерге чевирильди. Аламнынъ эвине бараджакъ олсам ёлум мектеп янындан кечсе де, айланып, багъчалар, дерелер ичинден кечип бара эдим. Мектептен къувулгъанымдан эки афта кечкен сонъ, бир кунъ акышам Муаерремнинъ чешмесинден къайтайткъанымда, артымдан бир къадын сеси эшитильди:

— Садыкъ! Токъта, къардашым, токъта, — дей эди кимдир.

Токътадым. Сесленген къадын Сафие оджапчемиз экен. Ичтен къалтырамагъа башладым. Гутюмлерни ташлап, къачмакъ истедим. Лякин бири-биримизге о къадар якъын эдик ки, бетимде онынъ джыллы нефесини дуйдым.

— Бир дакъкъа... Гутюмлерни ерге къой, Садыкъ.

Айткъаныны яптым. Авучымнынъ ичине бир десте къагъыт пара тыкъыштырды:

— Буны анангъа бер, Садыкъ. Джойма, сакъын.

Кетти. Бир даа Сафие оджапчемизни корьмедим. Эки айдан сонъ койге кене казаклар кельдилер. Койден кетер экенлер, койнинъ яры эалисини де озылеринен берабер алып кеттилер. Сафие оджапчемиз де олар арасында эди.

О йылы къыш бирден бастырып кельди. Тышта зеэр киби адджы сувукъ бар эди. Къар ягъгъан эди, сачакъларындан бузлар саркъкъан эвлер гъарип ве девамлы сукюнет ичинде эдилер. Ялынъыз дентьиз далгъаларыны къутургъан киби, къаяларгъа ура. Сессиз эвлердеки сёйген

оджакълар башында къадынлар, келинлер яваштан агълай-агълай сабаны беклей эдилер. Койге мабюслер Ялтадан Акъмесджитке алып кетиледжек, деген хабер кельди. О акъшам мен пек къеч яттым. Тышта къар фуртунасы токъ-тамайып улуй. Кучюк къардашларым юкълайлар. Анам оджакъ башында без мендили козълериинде, агълай эди. Мен тешегим ичинде ятып, Танърыгъа: “Бабачыгъымны бер!” — деп ялвара эдим.

Сабалейин рузгяр кесильди. Анам оджакъ башындан турды ве эски шалына сарынып, эвимизнигъ янындан кечкен Акъмесджит ёлуна чыкъты. Биз, балалар да онынъ пешинден кеттик. Шаллы къадынлар, эски-мески, ямавлы урбалар кийгенлер, таякъ киби индже къолчукълары аязда мораргъан балалар шоссесе машиналарны беклей эдилер. Аджджы къыш сувутгъында бутюн кунъ бекледик. Акъшамгъа якъын, шоссенинъ ортасында бизге тараф бириси чапып келип:

— Келелер! — деп къычырды.

“Келелер” сёзю бир далгъа киби дудакътан дудакъкъа, агъыздан агъызгъа, къальбден къальбге яйылды. Сонъра дувалар, агълавлар, богъукъ сеслер, ферьядлар... Даа демин индемейип тургъан аджы Мустафанынъ къарысы шоссенинъ ортасында бар боюнён узанып, сачларыны юлкъа-юлкъа, башыны ерге ура-ура къычырды:

— Мустафам! Мустафам! Не къабаат ишледик? Къабаатымыз неде, Аллахым.

Яш къадынлар чапып барып оны четке чектилер. Узакътан машиналар корюнди. Зынджырлы копчеклери буз туткъан шоссесе гъычыр-гъычыр якъынлашмакъта эдилер. Энди аджы Мустафанынъ къарысынынъ сесине башкъа сселер, башкъа ферьядлар къошулды:

— Усеиним... Аметиим... Эвлядым... Не къабаатымыз бар эди... Имдат...

Огюмизден кечип кетейткъан машиналардаки мабюслер арасында бабамны къыдырдым. Корип оламадым. Олар эписи бири-бирилерине бенъзей эдилер. Эписи сакъаллы, эписи зайыф ве къоркъунч къияфеде эдилер. Ялынъыз араларындан бирининъ, алдымыздан кечер экен, анамнынъ адыны айтып къычыргъаныны эшиттим:

—Агълама Фатма! Агълама! Дува эт! Дува эт!

Бу бабам эди, гъалиба... Бу сесни эшиткен анам, юмрукъларыны кокюсине урып, богъула-богъула агълады.

Кеттилер. Артта къалгъанлар исе ямавлы урбалары, пачавраларгъа сарылгъан аякъларынен ёлнынъ къарларыны

сипирс-сипире, оксюз кьалгъан эвлерине, сёнген оджакъ-ларына догъру ёлландылар...

Бабамнынъ сербест быракъылгъаныны арабаджылардан эшиттик. Лякин бабам койге къайтмады. Биз де эки айдан сонъ койден чыкъып, Акъмесджитке кочътик. 1939 сенеси, аскерге алынмаздан эвель, коюмизге баргъан эдим. Эвимизде воронежли бир рус аилеси ерлешкен экен. Эвимизнинъ огюндеки эмен тереклери девирильген, тахта мердивен кесильген. Босагъа тахтасыны кутюк ерине къуллана эдилер. Багъчамызны бакъымсыз, бербат бир алда булдым.

Бабам апсхансден чыкъкъан сонъ эки афта сокъакъларда ишсиз долангъан. Ачлыкътан шишиме башлагъан. Бир кунъ чаршыда ташлар устюнде меджалсыз яткъан вакъытында оны корьген бир мусульман, бабамны аджыгъан ве эвине алып келип ашаткъан, онъа урба берген. Кенди эвине къалабалыкъ аилеси зар-зорнен сыгъышкъаны себебинден бабамгъа эвине къаршы къурулгъан бир куместе ер бере бильген. Бабам шу адамнен берабер кумеснинъ дамыны тенекенен къапаткъан, пенджере ачкъанлар, ичини темизлегенлер. Сонъра бизге келинъиз деп мектюп язгъанлар. Кельдик. Бу эвимизге кирмезден эвель, анамнен бабам босагъада отурып бири-бирилерининъ элини тутып баягъы агъладылар... Бабам озюне иш тапты. Мен бутюн яз чаршыда сув саттым, яз кельгенге къадар къабакъ урлукълары саттым. Кечинмек пек агъыр эди. Лякин биз чокъ шей истемей эдик. Акъшам бир локъма отъмек, саба бир локъма отъмек, бир барлакъ сув, кимерде къуру пексимет шорбасы бизге ете эди. Шикъетленмей эдик. Кимден кимге шикъет этеджексинъ? Аллагъа шукюр, язы кечирдик... Факъат бу сененинъ къышы бизим ичюн бир фелякет олды. Шиддетли рузгярлар дамнынъ тенекелерини котерип аттылар. Якъмагъа одунымыз къалмады. Не одун, не комюр. Къомшумыз Мемет агъа сонъки тезегини кестирди. Бутюн кунъ якъып битирдик де кичкенемизге бир чанакъ сув биле къыздырып оламадыкъ. Мемет агъа кирип-чыкъып, алымызны сорай эди, лякин:

— Алла ярдымджынъыз олсун, — демектен башкъа не япа билир эди. Бир кунъ къардашым Бекирнен комюр хырсызлыгъына бардым. Арабадан комюр тюшюреткъанда Бекир якъаланды. Мен къачтым. Дёрт-беш арабаджы Бекирни котекледилер. Бети къып-къырмызы олды. Инсанлар, мегер, не де хаин экен Аллахым! Бир авуч комюр ичюн он яшындаки бир бала бу къадар котекленирми? Бекирининъ яралы башы анамнынъ кюллеры арасында, бабам диваргъа бакъа, экиси де агълайлар. Кичкенелер боюнла-

рыны букюп, индемейип, де анама, де бабама бакъып отуралар. Къышнен, ачлыкънен, бизни эсир эткен, эвимизден, юртумыздан бизни котерип аткъан силаылы душманларымызнен дженклешмеге меджалымыз ёкъ эди. Алла ярдымджымыз олсун, деп къатланмакътан башкъа элимизден не келир эди?

Апрель айынынъ башларында кичкенелеримизнинъ экиси де бирден хасталанды. Эсмачыкъны апрельнинъ сонъунда дефн эттик. Тамам эки афтадан сонъ кичкенечик, мелек черели, къувурчыкъ сачлы Сабричикни де алып барып Эсманынъ янында дефн эттик. Артыкъ, айледе эки эвляд къалды: Бескирнен мен. Он алты яшында эдим. Анам мени Айвасылгъа ёлламакъ истей эди. Мухтар Сабрининъ къызы он дёрт яшында экен. Аилеси къызы мангъа бермек истеген экен. Лякин мен де къыз да пек кучюк экенмиз. Анам бунгъа бакъмадан ишни тезленштирмек истей экен. Бабам бунгъа къаршы экен. Бабам мангъа буюк умуотлер багълай, мени окъутмакъ истей эди. Геджелери мен юкълэгъан сонъ:

— Садыкъны койге йибермейджегим. О, колхоз ичюн догъмады, — деп анамнен давалаша эди. Факъат, баарь кельген сонъ анам фикирини денгъиштирди. Мен шеэрде бир янтыкъчынынъ янында чалышмагъа башладым, бабам да озюне чалышмагъа ер тпты. Майыс айынынъ башларында Мансур дайым койден бир чувал ун кетирди. Шундан сонъ вазиятимиз бираз яхшылашты.

Сыджакъ бир яз акъшамы эди. Мен иштен къайта эдим. Озюмни бахтлы ис эте эдим. Къантар сокъагъынынъ башында бабамны расткетирдим. Бабам:

— Кель, Садыкъ, сокъакънынъ о бир тарафына кечейик, о тараф даа да тенха... Бир шей айтаджакъ олам сангъа, — деди ве элини омузыма къоюп, янымда адымламагъа башлады. Чардакъ къавехане алдында бир анъ токътады, козылеримнинъ ичине бакъты. Бу акъшам онынъ аркъасы бираз даа къамбурлашкъан къиби эди, лякин козылери севинч ве ифтихарнен парылдагъаныны абайладым.

— Не бар, я, баба? — дедим.

— Муим бир иш. Лякин мен буны айтмаздан эвель сенинъ разы олмангъ шарт, — деп кулюмсиреди ве девам этти, — разысынъмы?

Мен де кулюмсиреп:

— Разым, баба, — дедим.

— Сенинъ бу янтыкъчылыгъынъ насыл кете?

— Фена дегиль, баба... Фазыл уста локъантанынъ саибинен лаф этеджем, — дей, меним айлыгъымны эли руб-

леден алтмыш рублеге чыкъярмасыны истейджеги акъ-кында айта. Фена адам дегиль... Тюневин ярым чувал ун сатты. Паранынъ ярысыны манъа берди.

— Мен ойле пара истемейим.

— Мен де алмагъа истемедим, зорлап берди. Укюмет малы, дей. Мадам ки, укюмет ишчи ве койлю укюмети, мал да ишчи ве койлюнинъдир, деп фельсфе юрсете.

— Не исе... Мен сенинъ бу янтыкъчылыкътан вазгеч-менъни истейим.

— Джиддий айтасынъмы, баба?

— Джиддий айтам.

— Лякин айда алтмыш рубле шакъамы?

— Эбет, эбет.

— Яни анавы ун парасы ичюн исе...

— Ёкъ, Садыкъ, башкъа шей бар!

— Башкъа не япа балирим мен? Элимден не келир? Янтыкъчылыкъ комюр арабаларына курекнен комюр атмакътан яхшы дегильми?

— Яхшы, эбет. Лякин дюньяда янтыкъчылыкътан да яхшы ишлер бар.

Бабам сусты, бетиме бакъты ве дудакъларынынъ уджунда пейда олгъан тебессюм иле бир анъ козылери яшарып, парылдады:

— Мен сенинъ окъуманъны истейим, Садыкъ, — деди. Окъуп адам олманъны истейим. Санъа ихтияджым олгъаныны билем. Лякин санъа мухтаж олгъан ялынъыз мен дегиль... Бутюн миллет, сенинъ киби яшларгъа бакъа. Бутюн миллетнинъ сизге ихтияджы бар...

Кене сусты. Кене бетиме бакъты. Узериме аладжакъ месулиетимнинъ буюклигини анъламагъа тырышам. Эеджан ичиндем. Ёлумызны девам эттик. Бабам:

— Башымыздан кечкенлер башкъаларнынъ да башына кельди, фелякетке бутюн бир миллет оларакъ огърадыкъ, Садыкъ, — деди. — Бу миллетни сиз киби яшлар къртармаса ким къртараджакъ? Бутюн умютимиз сизлерде... Билем, сен окъумагъа пек авессинъ. Кой мектебинде биринджи эдинъ. Сафие ханум манъа къач кере: “Садыкъны, окъутынъыз” деген эди. Лякин не япайым, бу сонъки эки йыл ичинде башымыздан нелер келип кечти. Энди, Аллагъа шукур, озюмде къуввет дуям.

— Яхшы, баба, мени мектепке алырлармы?

— Алырлар. Мен Къаябашы орта мектебине барып, лаф эттим. Мудири ялталы Ниязи эфендидир. Эскилерден... Ачыкъ лаф эттим. Меним апсханеде яткъанымны да айттым. Сиз бу акъта кимсге айтманъыз, деди. Садыкъны

исе окъув йылы башында манъа ёлланъыз, озюм имтиан алырым, имтиандан кечсе единджи сыныфкъа алырым, деди. Сен ред этме, сакъын, Садыкъ. Ниязи эфенди де тюшюнджелеримнинъ догърулыгъыны, миллетнинъ окъумыш яшларгъа мухтаж олгъаныны тасдыкъ этти, — деп токътады: — Сен не дерсинъ бунгъа, ээ?

Сустым. О эп козълеримнинъ ичине бакъа. Заваллы бабачыгъым! Дюнъянынъ бутюн юкюни, бутюн яныгъыны ве эзиедини омузларына алмагъа разы, ялынъыз теклифини къабул этейим. Сабадан яры геджегедже чалышаджакъ, ашамайып, ичмейип манъа ашатаджакъ, тек мен адам олайым... Эр шейге къатланаджакъ. Буны о акъшам козълеринде окъудым.

1937 сенеси Къаябашы мектеби Къараим сокъагъындаки учъ къатлы, юксек, бсяз, темиз, мукеммель бир бинагъа кочти. Сыныфымызнынъ пенджерелеринден Токъал джамисининъ этрафындаки бутюн дамларнынъ сырларыны озюнде сакълагъан киби, кокке юксельген назлы минареси корюне эди. Себебини бильмейим, лякин сыныф аркъадашларымнынъ арасында энъ чокъ бу минареден хош зевкъ алгъан тек мен эдим, гъалиба. Кимерде, дерс вакътында минареге бакъып къалыр эдим, кимерде оджамнынъ суаллерини эшитмез эдим, шунда янымда отургъан Сулейман тирсегинен мени тюртер эди. Минареге бакъкъан сайын ичме иман тола эди. Аят онынъ этрафында, эвлерде эди. Дерслеримиз динге къаршы олгъанына, мектепте динсизликни, коммунизм идеалларыны огренгенимизге бакъмадан, мен рухумнен шу минаренингъ бир парчасы эдим. Эр эвден, эр дамдан, эр босагъадан, эр къальбден козъге корюнмеген багълар узанып, бутюн инсанларны, бутюн аятны, бутюн барлыкъыны шу минареге багълагъан киби дуюла эди манъа. Мектепте окъувымнынъ сонъки сенеси. Имтианлар якъынлашмакъта. Имтианларны яхшы къазансакъ Сулейманнен берабер Акъмесджит медицина институтына кирмеге къарар бердикъ. Даа догърусы бу къарарны Сулеймангъа мен зорнен къабул эттирдим. Сулейман арбий окъув юртуна окъумагъа кирмек истей эди, лякин меним самимий аркъадашлыгъым Сулейманнынъ бу истегини енгъди. Пек яхшы хатырлайым, алгебра дерсинде отура эдикъ.

Чанъ къакъылды, ралелер такъырлады, талебелер коридоргъа чыкъмагъа башладылар. Яваш-яваш сыныф бoшaлды. Ичериде тек мен къалдым. Пенджере янында, терен бир сукюнет ичинде, Токъал джамисининъ минареси-не бакъам. Янымда кимдир:

— Садыкъ, — деди.

Айланып бакъсам, янымда аркъадашым Сулейман тура.

— Не бар анда, кимге бакъасынъ?

— Ич кимсеге... Кунеш ойле къыздыра ки, сокъакълар-да адам биле ёкъ...

— Бар, — деди.

— Къайда?

— Токъал джамисининъ минаресинде.

— Токъал джамисининъ къапылары мыхлангъанына къач ай олды, билесинъми?

— Яхшыджа бакъ, — деди.

Узакъта багъчанынъ ешилликлери арасындан кокке уджлу бир ине киби узангъан Токъал джамисининъ пенджересине бакътым. Сулейман акълы чыкъты. Минареде эки адам бар эди. Дёрт-беш дакъкъадан сонъ экиси де козьден гъайып олдылар. Сулеймангъа бакъып:

— Акъмесджит минарслеринде биринджи кере адам корсм, — дедим. — Койлерде аля даа эзан чагъырыла, лякин Акъмесджит...

Сёзюмни битирип етиштиралмадым, Сулейман къалын сесинен:

— Къоркъма, олар минареге эзан чагъырмакъ ичюн чыкъмадылар, — деди.

— Я, не ичюн?

— Джамини йыкъаджакълар...

“Йыкъаджакълар” сёзю къальбиме пичакъ киби сапланды. Бутюн вуджудым къалтырады. Ичиме, къальбиме бойле апансыздан толгъан къоркъудан къуртулмакъ истер киби, аркъамны пенджереге чевирдим.

— Айды шуны... Асылында джами йыкъылырмы?

— Йыкъылыр. Саба мен мектепке келеяткъанымда олар минареге зынджыр багълай эдилер. Джамининъ багъчасында бир де машина бар эди.

— Зынджыр багълагъан кимлер?

— Руслар...

Сулейман эп джамиге бакъа эди. Мен, не ичюн бильмейим, 1932 сенесининъ къышында эвимизнинъ огюнден кечкен мабюслерни коръген ве бабамнынъ: “Дува эт, дува эт” деген сёзлерини эшиткен киби олтым. Сулейманнынъ багъырмасы мени далгъынлыкътан уяндырды:

— Бакъ, Садыкъ! Минаре девириле!..

Бакътым. Минаре ойле бир салланды. Бу — мени яшаткъан бир шей эди... Къалтырагъан эллеримнен Сулейманны якъаладым. О мени аныламай, атта мангъа бакъмай эди. Козълери минареде, олаяткъан шейге бир бала эеджаны иле багъыра эди:

— Девириле! Девириле!

Бир даа бакътым. Токъал джамисининъ минареси ко-
зюмден гъайып олды. Минаренен бирликте багъчанынъ
гузеллиги де сѣнди. Ешилликлер арасындан кокке ренксиз
думан котерильмекте. Мен бутюн менлигимнен берабер аля
даа демин ичимде саллангъан о шейнинъ эсиринде эдим.
Минаре йыкъылды кетти, мен не йыкъыла, не аякъта тура
билем. Къача эдим, къача эдим? Къайда? Не ичюн? Биль-
мейим. Аят меним ичюн манасыз бир сѣз эди. Сыныф,
Сулейман, тышарыдаки эвлер, адамлар, мектеп меним ичюн
бирер бошлукъ эди. Минаре девирильди, минаренен бир-
ликте ичимде мени яшаткъан бир шей де ернен эксан олды.
Сыныфтан насыл чыкъкъанымны бильмейим, мердивел-
лерден насыл энгенимни хатырлап оламайым. Энъ чокъ
хатырлагъан шейим: шѣсэр сокъакъларында манълайымдан,
янакъларымдан терлер акъа-акъа чапкъанымдыр. Эвимиз-
ге кирер-кирмез анамнынъ аякъларына сарылдым. Анам,
заваллы анам, не олгъаныны бильмей эди. Токътамадан
козылеримден опип:

— Айт, балам, айт, — деп агълай. Мен ич бир шей ай-
тып оламайым, атта агъламайым биле. Эртеси куню бабам
мени экимге алып барды. Хаста дегиль эдим. Эким кулюм-
сиреп, коксюмни, омузларымны тутты:

— Мектепке кет, Садыкъ, — деди. — Хаста адам бойле
олурмы? Демир кибисинъ...

Мен мектепке бармадым. Бабам да зорламады. О адам
ичимде, къальбимде яшагъан киби эди. Меним ичюн козы-
леримнинъ огюнде джанлангъан бир дюньяны яратыр эди.
Акъшамлары “Къозу Курпеч”, “Чора Батыр” дестанлары-
ны айтыр эди. Кезинтилерге чыкъар эдик. Мени Токъал
джамиси тарафларына алып барыр эди. Эвеллери ортасын-
да джами булунгъан демир пармакълыкълы багъчагъа якъ-
ынлашкъанымызда манълайым сувукъ-сувукъ терлемеге
башлар эди. Анда бармакъ истемездим. Лякин буны баба-
ма дуйдурмаз эдим. Бабам кимерде мени зорнен, элимден
тутып багъчанынъ огюне алып келир, джамининъ харабе-
лерине ишарет этип:

— Бакъ, Садыкъ, аталарымызнынъ манълай теринен
къурулгъан дин оджакъларымыз душманларымызнынъ аякъ-
лары астында! — дер эди.

Бакъып оламаз эдим. Манълайымдан кене сувукъ тер-
лер акъар эди. Коксюмде юрегим бир токъмакъ киби ура.
Къачмакъ вс кене де къачмакъ истейим. Бабам буны анъ-
лар, ичимдеки бутюн сырларны билир эди, гъалиба. Ля-
кин, неден бильмес, элимини йибермес эди.

— Бакъ, яхшы бакъ бу йыктынтыларгъа...

Сонъра манъа къувет берир эди:

— Биз бу шейлерге бакъып къоркъмамакъ керекмиз. Душманларымыз къоркъсын. Эм де насыл къоркъалар. Къоркъуларындан бизге бу зулумларны косътерселер. Къоркъмасалар япмаз эдилер. Юз элли йылдан берли бизни ёкъ этмекнен огърашалар. Юз элли йыл! Иште, бу юртта бир авуч татар къалдыкъ. Бизни бус-бутюн ёкъ этмегенлериндже ичлери раат олмайджакъ. Биз ёкъ олып кеткен сонъ биле, рухларымыз огюнде къалтырайджакълар. Яхшы бакъ бу йыктынтыларгъа!.. Сен меним эвлядым олмакънен бирликте бу топракънынъ, бу йыктынтыларнынъ бир парчасысынъ... Сени бу топракъ догъурды, бу топракъ беследи, биль ки, янгъгъыз дегильсинъ. Буюк бир миллетнинъ зенгин кечмиши ве айдын келеджеги сенинънен берабер. Багъчасарайдан Къашгъаргъадже бинълернен минарелеримиз коклерге узана. Бизге татар дейлер, черкез дейлер, туркмен, казах дейлер, озъбек дейлер, азери дейлер, къаракълпакъ, чечен, уйгъур, къабарты, башкъырт, къыргъыз дейлер. Буларнынъ эписи ялан! Денгъиз парчаланмаз. Биз тюрк-татармыз. Буны сенинъ къальбинъ бильгени киби эр башкъырт, эр къыргъыз, эр казахнынъ да къальби билир. Къальбинънинъ ислеринен арекет эт. Дюньянынъ бош дуйгъуларына къапылма...

Бабам бойле дегенде мен дюньялар меним олгъан киби буюк бир къуванч ве сонъсыз ифтихар дуяракъ эвимизге къайтып келе эдим. Артыкъ, бабам меним ичюн ялынъыз баба дегиль, даа буюк ве азиз бир несне эди...

Багъчасарайгъа кирсаткъанымызда акъшам ола эди. Басыкъ эвлернинъ дамлары узерине акъшамнен берабер сонъсыз бир истирап чёккендай эди. Кимерде андан мындан кысыкъ ве гъамлы сеслер эшитиле. Кимер эвлерде чыракъ янып сёне. Кимерсилеринде, сыкъынтылы акъшам саатлерини аз да олса фераландырмакъ истеген киби лампадар козь кыма эдилер. Базы эвлернинъ огюнде эллеринде таякълары, башларында къалпакълары, бол сакъаллы къартлар корюне ве индемейип, башларыны огге эггенлер, таякъларыны ерге ура-ура, къаранлыкъларгъа далып къайдаларгъадыр кете эдилер. Багъчасарайнынъ акъшам аяты манъа бапта бойле сакин ве нешесиз корюнген эди. Лякин асылында бойле дегиль эди. Ялынъыз инсанлар дегиль, ава, кок, сувлар, эвлер биле, Чурюксувнынъ четинде ханларымызнынъ мзарлары булунгъан бу топракънынъ кечмиштеки саадетини динълегендай эдилер. Багъчасарайны

биринджи кере корс эдим. Эртеси куню мен де онынъ сырыны озюм ичюн ачтым. Багъчасарай козылерим огюнде сессиз ве джанлы бир панорама киби къалды. Энъ къара куньлеримде огъа бакъып ичимдеки атешлерни сѣндюрдим ве сѣндюрѣм.

О гедже тиземнинъ эвинде къалдыкъ. Эртеси куню бабамны ташлап, Багъчасарайны тек башыма сейир этмеге башладым. Этрафтаки къалелерде кездим. Чуфуткъаленинъ учурымларында къальбимнинъ теренликлерини ис эттим. Аятымда ич бир вакъыт озюмни бу къадар бахтлы дуймагъан эдим.

Багъчасарай манъа умют ве къувѣт берди, иманымны арттырды.

Акъшам устю эди. Кунеш ышыкълары Хан джамининъ минарслеринден энип, арем къуллелерини, сарай багъчаларыны, тѣпеликлерни тарап, батыгъа чекильди. Тахта копюрнинъ къоркъулыгъына таянып, дженк оюны ойнагъан балаларны сейир эттим. Оларнынъ оюнына бакъып бутюн Багъчасарайны тюшюндим. Яваш-яваш Хансарайгъа тараф адымладым. Кемер къапыгъа якъынлашкъан вакъытымда ичимде гъурурнен къарышыкъ къуванч дуйдым. Къач дане Гирей, къач дане агъа бу къапыдан кечти! Ренкли джамлы пенджерелер, къуругъан шадырванлар, чешмелер, кемерлер, арем къуллелери, кечмишнинъ сеадетине комюльген, юкълагъан кибилер. Къаршыдаки Ханлар мезарлыгъына тараф кеттим. Иште, сарыкылы ташларнынъ астында яткъан Гирейлер!.. Даа тюневин юрту, халкъы, шерефи ичюн Идильден Туна ялыларынадже олгъан ёлларны, чёллерни душман джесетлеринен кечильмез бир алгъа кетирген Гирейлер! Энди сарайларында ялынъыз мен барым, бир де, бельки, оларнынъ хаяллары... Сарайнынъ арт тарафына адымладым. Кенъ бир багъча. Бир вакъытларда бу ерде мермер амамлар олгъан экен. Шимди исе багъча бакъымсыз, эр шей харабе алында... Вуджудым да башым киби ёргъун. Бир акация терегининъ кольгесинде узанып, шанлы тарихым, улу аталарым акъкъында тюшюммеге башладым. Къалемимни чыкъардым, дефтеримни ачтым, “Айтынъыз диварлар” аллы бир шиир язмакъ истедим. Факъат диварлар манъа ич бир шей айтмадылар. Этрафнынъ руханий сессизлиги ичинде козылерим юмулды.

Узакъта, тереклернинъ ешилликлери арасында кучюк бир эв корюне. Эв огюнде учъ дане къарт отура. Учюсининъ де сачлары, сакъаллары бембеяз, янакълары къырмызы, учюси де узун бойлу, сагълам бичимли. Къач яшта

олгъанларыны ялынъыз Алланынъ озю биле. Дерсинъ дю-
нья къурулгъанда яратылгъанлар ве ал-эвалларына бакъ-
санъ ахыр замангъадже яшайджакъкъа бенъзейлер. Учъ
къартнынъ огюнде он эки-он учъ яшларында эки огълан
бала курешселер. Эки зайыф вуджукъ вахшиий айванлар киби
бири бирилерине сарылалар, агъызлары копюре, экисининъ
де янакъларындан тер акъа; бири дигерини ерге йыкъмагъа
тырыша... Еримден турып, янларына бардым. Къартлар
мени коръдилер, лякин эмист бермедилер. Учю де элле-
риндеки таякъларыны саллап:

—Тобукъ ал! янбашкъа ал! Макъас къой! Тизге ал! —
деп къычыралар. Ниает, балаларнынъ бири ерге йыкъыл-
ды. Йыкъкъан бала чапып кетти, барып учъ къартнынъ
огюнде отурды:

— Айды, къартбаба, сёзюнъни ерине кетир, — деди.

Къартбаба куреш нетиджесинден гъаст мемнюн корю-
не эди, эр алда балагъа бир масал айтмагъа сёз бергенге
ошай ки:

— “Эвель заман ичинде” — деп сёз башлады.

Мен де:

— Элек заман ичинде, — деп шакъа этип, лакъырдыгъа
къарыштым.

Къарт мангъа чеврилип серт-серт бакъты, лякин сес-со-
лукъ чыкъармады, сонъра эгилип дигер эки къартнынъ
къулакъларына бир шейлер фысылдады, учю де бири-би-
рилерине эгилип, эппейи фысылдашаракъ, бир шейлер акъ-
къында лаф эттилер. Деминки къарт масалына башлады:

“Азаматнынъ огълу Арслан бей къызны севди, эдиелер
ёллады ве къызны бабасындан истетти. Къызнынъ бабасы
Арслангъа:

— Арсланым! Къызымнынъ сачлары ипек, козылери
алма, эндамы фидан. Сен деликъанлы, даа эвимнинъ бо-
сагъасындан атламадынъ, къылычнынъ къылыфындан чыкъ-
мады, мен сагъа къызымны насыл бсрейим, деди. Хей, хей!
Къызнынъ бабасындан кельген бу джевап йигит Арслан-
нынъ джанына такъ этти. Айны куню йигит Арслан юрту-
ны ташлады да кетти. Дёрт йыл девамында не мемлекетке
къайтты, не де бир хабер ёллады. Бу заманларда Буджакъта
Арслан адлы гъает меншур бир пельван бар эди. Лякин бу
бизим Арслан эдими, ёкъса башкъа бир Арслан эдими,
биймейим. Чюнки Джанбулакъта да, Едисайда да, Орда
да пек намлы ве меншур Арсланлар бар эди. Ниает, бир
акъшам устю сарайгъа якъын бир къавсханеде отурыр экен,
наллары шемшеклер чакъкъан, йылдырым киби бир атлы
шеэрге кирди. Бу атлы корюнишинден бир пельван эди.

Къалпагъы султан къалпагъы киби, эльмазларнен сюсленген, къушагъы, сиялары, атынынъ узенгиси биле алтындан экен. Биз отургъан къавенинъ огюне келип токътдады. Кельмешек пельванны башындан тырнагъынадже сюздик. Бу ким эди, аджеба? Кимсе бильмей.

Атлы пельван!

— Танымадынъгъызмы, ёкъса? — деди.

Арамыздан бириси:

— Эй, Аллаим! Бу пельван бизим Арслан да! — деп къычырды.

Эбет, атлы йигит Азаматнынъ огълу Арслан эди. Буджакъ ордусында нидже-нидже къараманлыкълар косътерген, Польша шеэрлерини, койлерини якъып, йыкъкъан... Алгъан эсирлерининъ сайысы ёкъ, алтынларынынъ эсабы ёкъ экен. Арсланнынъ ады ханнынъ топракъларында яшагъанларнынъ тилинде дестан, душман топракъларында яшагъанларнынъ къальбинде къоркъу олгъан. Арсланнынъ ады сарайда биле анъылыр экен. Бир акъшам къаведе отурып, дженклерни хатырлай эдик. Бизим Арслан да къаведе эди. Ичериге башында теллерден орюльген бир къалпакъ, демир къолчакълы элинде къылыч, кенъ омузлы, Арсландан да юксек, ябанджы бир пельван кирип кельди. Башындан тырнагъынадже сиялы пельван къапы янында туруп, атешли козылерини Арслангъа тикти ве шойле деди:

— Азамат огълу Арслан бей! Арсландан да залым бей!

Къаведе элимиз сримизден туруп, ябанджы пельвангъа бакътыкъ.

Пельван сёзюни девам эттирип:

— Юртумны якътыгъ, бабамнынъ къаныны акъыздынъ, къызларымызны Кефеде аремге саттынъ... — деди.

Сонъра демир къолчакъларыны чыкъарып, Арсланнынъ аякълары тюбюне атты, ве:

— Юрту ичюн ольмеген бармы бу дюньяда, пельван? Я, эсирлик, я олюм! Сайла да чыкъ къаршыма, эй, Арслан! — деп багъырды.

Бизим Арслан ябанджыны таныды. О, Польша пельваны эди. Аякълары астындаки къолчакъны къылычынен итерип, Польша пельванына шойле бир джевап берди:

— Якътым, йыкътым юртунъны. Сёзюнъ догъру, пельваным. Учъ бинъ башны эсир эттим. Кефеде султан аремлерине саттым. Лякин буларны намуснен яптым. Атлыгъа къаршы ат айдадым, къылычлыгъа къаршы къылыч чектим, окълугъа къаршы окъ аттым. Юрту ичюн ольген пельвандыр, пельван. Эсир олып намусымны, сюлялемнинъ

адыны кирлетмем. Олюм олсун! — деп естиштиралмады, кылычыны чекерек, ортагъа чыкты.

Биз де эки пельванныӊ курешини ссейир этеджекмиз, деп чокъ севиндик. Лякин къаведе булунгъанлар арасында сарайда хызмет эткенлерден бириси бар эди. Бирден ябанджыны танып, ортагъа атылды:

— Мен бу польшалыны танийым. Эльчидир о, эльчи! Токътатынъыз Арсланны!.. Токътатынъыз Арсланны! — деп багъырды. Қъаведски дигер пельванлар Арсланны токътатылар. Арслан бей:

— Йиберинъиз мени! Алла эшкъына, йиберинъиз мени! — деп ялварса да къаведе отургъан сачы, сакъалы агъаргъан пельванлардан бириси:

— Токъта, Арслан, не япасынъ сен? Хан топрагъында эльчиге сия котерилирми? — деди.

Арслан:

— Мени чагъыргъан шу пельван дегиль эдими, агъалар? Огюме чыкъманъыз? Намусыма сыгъармы бу, агъалар, — деп тиренди.

Къарт пельванлар:

— Эбет, йигит Арслан, акъкъынъ бар, сени чагъыргъан шу пельван эди. Лякин эльчиге сия котергенинъ даркъалса, ярын улу Ханнынъ эмиринен башынъ кесилип, явурнынъ башы киби, къазыкъкъа кечирильмезми? — дедилер.

Арслан исе:

— Намусым кирленгендже, барсын, башым къазыкъкъа кечирильсин, — деп джевап берди. Лякин агъалар Арсланны бошамадылар. Эльчи де къаведе булунгъанлар тарафындан танылгъаныны анылагъанынен бир даа Багъчасарайда корюнмеди.

Арслан бей сарарды, солды. Намусым лекселенди, деп артыкъ, кимссенинъ бстине бакъып оламай эди. Аркъадашлары:

— Сабыр эт, Арслан. Сабыр адджыдыр, лякин мейвасы татлыдыр, — деп польшалы пельванны Арслангъа унутырмакъ истедилер. Лякин Арслан унутып оламады. Нишанлысыны унутты, польшалы пельванны унутып оламады. Намусым, намусым, деп агъалар эди. Бакътылар ки, оладжакъ киби дегиль, о акъшам къаведе булунгъан агъалар къалгъайнынъ янына барып, Арсланнынъ алыны онъа анылаттылар. Қъалгъай:

— Эбет, эбет, Арслан къоркъу бильмез бир йигиттир, лякин хан топракъларында эльчиге къол котерилир исе башы кесилер ве явур башы киби, къазыкъкъа кечирилир. — деди. Фурсат булгъанынен улу Хангъа бильдирмеге сёз

берди. Куньлерден бир кунь олып кечкен шейлерни улу Хангъа анылатты. Хан кьалгъайдан Арсланнынъ Польша эльчисине сия котергенини эшиткенинен пек ачувланды ве деръал башынынъ кесильмесине эмир берди. Кьалгъай ханнынъ аякъларына ятып, ялварды:

— Дингле, ханым, йигит кьабаатсыз... Арсланны эльчи чагъырды. Азаматнынъ огълу йигит Арслан, Буджакъта эшсиз Арслан, намусы огърунда кьылыгъыны чыкъарды. Къаведски агъалар ябанджы пельваннынъ эльчи олгъаныны анылагъанларынен эльчи Багъчасарайдан гъайып олды. Шимди сенинъ топракъларынъдамы, ёкъса кенди мемлекетиндеми, кимсе бильмей. Факъат йигит Арслан дертинден олеатыр.

Улу Ханымыз чокъ мераметли бир инсан эди:

— Кендисине изин берейим. Барсын, арасын булсын. Курешсин, не истесе оны япсын. Лякин меним топракъларымда эльчиге кьол котерсе башыны кестиририм, джессе-дини копеклерге ашатырым, эджадаыны лянетлерим, — деди.

Азамат огълу Арслан бей буны эшиткенинен пек кьуванды. Изин чыкъкъан куню мемлекетни терк этип кетти. Эки йыл душман топракъларында доланмагъан шеэри, бармагъан кою кьалмады. Польшалы пельванны ич бир ерден буламады. Куньлерден бир кунь пельван Днепр казакъларынынъ элинде эсир олгъаныны эшитип, Днепрге барды. Пельван керчектен де казакъларнынъ эсири экен. Казакълар пельваннынъ зенгин ве мешур Арслан тарафындан кьыдырылгъаныны анылагъанларынен кьаршылыгъына пельваннынъ агъырлыгъы кьадар алтын сорадылар. Лякин намусы ичюн курсешджек йигит ичюн алтыннынъ не кыймети бар? Арслан бей истенильген алтынны берди ве эсирни теслим алгъан куню, онъа:

— Корсинъми йигит, мен сени сатын алдым. Лякин сен меним эсирим дегильсиз. Сени азат этем. Ялынъыз, хан топракъларында олмамакъ шартынен бир мейдан тап, анда, тутушаыкъ, зира сен мени курешке чагъырдынъ, демек биз мытлакъа курешмек керекмиз, — деди.

— Польшалы пельван иссе:

— Азамат огълу Арслан бей, Буджакъ ордусында эшсиз бей! Арсыз казакъларнынъ элинден мени кьуртардынъ. Быракъ, сенинъ кьулунъ олайым. Эгер буны ляйыкъ корсенъ, сенинънен дегиль, сенинъ огърунда курешейим, деп джевал берди. Польшалынынъ бу джевабындан сонъ экиси аркъадаш олып, Къырымгъа кьайтып кельдилер. Арс-

лан бей кыызгъа эвлendi, польшалы пельван да чокъ кечмеден мусульманлыкъны кябул этти ве хан ордусынынъ садыкъ бир дженкчиси олды”.

Къартбаба икяесини битирип, еринден турды ве мангъа айланып:

— Сен кимсинъ! Мында не ишлеп юресинъ? — деди.

— Багъчасарайгъа кельген эдим, Хансарайны корьмек истейим, — дедим.

— Татарсынъмы?

— Татарым. Анам татар, бабам татар, союм-сопум, эписи татар...

Къартбаба козылерини козылсриме тикип, кене:

— Татарсынъмы? — деп сорады.

Мен башымны салладым.

— Мен бу ерлим. Багъчасарайны менден де яхшы билъген адамны тапмакъ пек кыйын. Юр, сангъа Багъчасарайны косътерсейим, — деди ве кетти. Мен де пешинден кеттим.

Биз кеткен сайын багъчанынъ бадем ве акация тереклери кет-кете сийреклешти. Вахший, къаранлыкъ бир ормангъа кире эдик. Биз адымлагъан ёл юзлернен йылдан берли инсан аягъы корьмеген киби. Огюмизде тикенли тереклер, этрафта зезрли чечеклер ачкъанлар. Аякъларыма тикенлер бата, чалылар мени эсир алмакъ истер киби бетимни, козюмни тырмалайлар. Бир анъ токъталдым. Этрафыма бакъындым. Къартбаба гъайып олгъан. Къартбаба ич бир ерде ёкъ эди. Этрафнынъ сукюнети ичинде юрегимнинъ урувыны эшитип башладым.

— Къартбаба-а-а-а! — деп кыгчырдым.

Сесимнинъ акс садасы кюлакъларыма:

— Юр, огълум, юр, — деген бир сес кетирди. Чаптым.

— Сен къайдасынъ, къартбаба?

Токътадым, динълендим. Джсвап кельмей. Башым устюндеки тереклерде бир кыуш “къар-р-р-р” деп кыгчырды. Къоркъудан элим-аягъым къалтырады. Этрафымда, мени парча-кесек этип ташламагъа азырлангъан къапланлар, къарталлар бар деп белледим.

— Къартбаба! Къайдасынъ, къартбаба?

Деминки сес яваштан:

— Юр, юр! — деди.

Аман огге атылдым. Аякъларыма, эллериме сарылгъан тикенли чалыларны кыра-кыра эп огге кетем. Баягъы кеткен сонъ тереклер арасындан тюзликке акъкъан бир ирмакъ корьдим. Кыан-терге батып ирмакъкыа чаптым.

Ирмакынынъ о бир ялысында къартбаба таштан ясал-

гъан бир эйкель киби тура эди. Чеврилип, демин кечкен къоркъунч ормангъа бакътым. Артымдан аля даа къаплацлар къувалайткъандай кельди. Къоркъумдан озюмни ирмакъкъа аттым. Тизлеримни ташларгъа урып къанатып, къартбаба булунгъан ялыгъа чыкъкъанымда деминки къоркъумнынъ устюнден кульдим. Энди бутюн тсюкелер арта къалгъан эди. Артыкъ, мен сербестим. Артыкъ, мен къоркъмайым. Лякин Багъчасарай къайда? Мен къайдам? Этраф юксек дагълар ве учурымларнен сарып алынган. Огюмде къыбырдамайып турган къартбабагъа:

— Къайда кетемиз, къартбаба? — деп сорадым.

Къартбаба джевап бермеди. Бираздан сонъ элиндски таякъны котерип огюмиздски дагъ башына ишарет этти ве бетиме бакъмадан ёлуна реван олды.

Артыкъ, къартбабанынъ ишаныладжакъ киби бир адам олмагъаныны, мен де чыкъымсыз бир вазистте булунгъанымны яваш-яваш аныламагъа башлагъан эдим. Лякин мен не япа билир эдим? Артымда кенъ ирмакъ ве къарацлыкъ орман... Огюмде дагъ ве сессиз къартбаба. Этрафта не бир ёл, не бир из. Къартбаба манъа айланып биле бакъмай, эп ёлуны девам этс. Бир таш устюне отурдым, агъладым, агъладым, сонъра яваш-яваш еримден турдым ве истер-истемез къартбабанынъ пешинден кеттим. Уфакъ бир тюземликтен кечтик, шимди тёпелерге тырмашмакътамыз. Къызгъан кунеш алтында янгъан тикенли топракъта, кескип ташларгъа аякъларымны якъып, тилип, йылан киби къыврылган къуру тереклерге сюрюнип, йыкъылып, туруп, эп адымлайым. Богъазым къуруй. Бу джехеннем кунешининъ алтында, къуру, изсиз тёпелерде меним ичюн сонъки умят кене де шу къартбаба эди. Факъат, кимерде къартбаба да козьден гъайып ола эди. Шунда бар сесимнен къычыра эдим:

— Къартбаба-а-а! Къартбаба-а-а-а!..

Къартбаба кимерде огюме чыкъа, кимерде чыкъмай. Артыкъ, аятымнынъ сонъу кельгенини анылайым. Къарбаба мени мында ольмек ичюн кетирген гъалиба. Юрмек истейим, туруп оламайым. Сонъки кере йыкъылам. Энди турмакъ да истемейим. Ольдюр мени, ал джанымны, Аллахым!.. Башымны котерип этрафыма бакътым. Бельки бу, дюньягъа сонъки бакъышымдыр. Сонъки бакъыш олса да аякъа, дюньягъа бакъып ольмек истейим. Къартбаба огюмде джанлы бир эйкель киби тикильди. Мен олсята эдим, о исс агъзыны биле ачмай. Бу адам пек ташпорск адам экен... Мен де артыкъ, ондан мсрамет, имдат истемейджегим. Тизлеримден къанлар акъа-акъа, сримден турдым, ве:

— Ольдюр мени, залым инсан! Ольдюр мени! Ольдюр, къртулайым...

Къартбаба яныма кельди ве таягынен коксюмден итерди:

— Бар да оль! Кяхпе эвляды! Сен яшамакъ ичюн догъмадынъ, ольмек ичюн догъдынъ... Бар да оль! Сенинъ юзюнъден бинълернен адам оледжек. Сен баскъан топракълар бинълернен ананынъ, бинълернен баланынъ козьашларынен сыланаджакъ, ферьядларындан инълейджек... Бар да оль! Кешкийди, догъмаздан эвель ольгейдинъ. Бар да оль! — деп сагъ тарафымдаки бир учурымны косътерди. Учурымгъа бакътым. Онынъ астында бинълернен инсан кемиги ве къафатаслары бири-бирине къарышкъанлар. Кемиклернинъ арасында зеэрли йыланлар бурма киби бурулып кунеште къызына эдилер. Олюм, иште, козьлерининъ огюнде озюнинъ бутюн дешетинен пейда олды. Къартбабанынъ аякъларына сарылдым. Токътамадан, элсери-ни, аякъларыны опем, ялварам:

— Афу эт, къартбаба! Афу эт мени... Мен яшамакъ истейим. Афу эт мени, къартбаба!

Къартбаба алчакъ бир сеснен:

— Тур сринъден, огълум, юр, — деди.

Юрдим. Агъламакътан шишкен ве ал кесильген козьлеримни юмып:

— Яшамакъ ичюн догъдым, яшамакъ ичюн догъдым, — деп адымладым. Озюмни туттым. Агъламадым, имдат беклемедим, бир даа да къартбабадан “къайда кетемиз” деп сормадым, тек кете бердим. Саатлер кечти. Ёргъунлыгъымны яваш-яваш унутып башладым. Яваш-яваш къальбиме бир къуванч, яшамакъ къуванчы, аят ашкъы толды. Къайда кетесяткъанымызны бильмейим, факъат къайда олсам олайым, яшамакъ ве къуванмакъ истейим. Башымны котерип огге бакътым. Шимди биз ешилъ отларнен тешельген яйлада эдик. Срин, хафиф рузгяр эсмерте. Токътадым, ичимде къоркъу къалмагъан, мен бахтлы эдим. Къартбаба келип яныма отурды. Мангъа да янындан ер косътерди. Отурдым. Къулагъыма эгилип, фысылдады:

— Кельдик огълум, ашагъыгъа бакъ, Багъчасарай юкъудан уяна!

Эгилип ашагъыгъа бакътым. Сисли бир саба, шеср кунешининъ ышыкълары алтында яваш-яваш айдынлаша, уджлу минарелер коклерге узана, эвлернинъ, сарайларнынъ джамлары кузьгю киби парылдайлар. Къартбабадан бу гузель шесрнинъ адыны сорадым. Кене де фысылдап:

— Багъчасарай, — деди.

Мен исс о ерни дженнет деп белледим. Багъчаларында чешит порлю чечеклер ачкъан... Эвлернинъ пенджерелеринде къуш къафеслери... шадырванлар, мермер аммалар... Темиз, йипек урбалы инсанлар сокъакъларда яваш-яваш кезинелер, шеэрге керванлар кирмеге башлай. Багъчасарай гъам-къасеветсиз, месут аятынынъ бир кунюни даа яшамагъа тедариклене. Апансыздан, узакъ уфукъларда тоздуман къопарып, шеэрге якъыплашаяткъан секиз — он атлы корюне.

— Къартбаба! Атлыларны коресингъми?

— Корем огълум. Олар Къазандан келелер. Бакъ, шимди сарайгъа киреджеклер.

— Сарайгъа насыл бир ишнен келелер, къартбаба?

Къартбаба яваштан:

Руслар Къазангъа уджюм эттилер, Къазан ханы Бике хабер ёллагъан, ярдым истей, — деди.

Атлылар йылдырым тезлигинде сарайгъа кирдилер. Аят бир аныге къатып къалды. Сонъра эм сарайда, эм де бутюн шеэрде азырлыкълар башланды. Ниаест, сарай къапылары ачылды. Давуллар гумбюрдеди, зурналар чалды, кенъ къапылардан парыл-парыл урбалы ве къылычлы бир адам чыкты. Онынъ янында сиялы агълар. Эвлерден, койлерден, къасабалардан, орманлардан аскер сафлары чыкъалар, сарайдан чыкъкъан Ханнынъ пешинден денгизге акъкъан ирмакълар киби кетелер. Эписи бир ерге топланып, аскер денгизини асыл эттилер. Улу Хан къылычыны чыпакълатып нуткъ айтты. Эр агъыздан, эр кокюстен “Интикъам! Интикъам!” седасы къопып ерни, кокни инълетти. Аскер денгизи бирден шимальге догъру акъты.

— Бу джесюр аскерлер къайда кетелер? — деп сорадым.

— Шимальге, — деди.

— Къайтып келеджеклерми, къартбаба? — деп текрар сорадым.

Сакъалы киби акъ кирпичлеринен козылерини къапатып:

— Къайтып келалмадылар, — деди ве кирпичлери арасында топлангъан козьяшлары янакъларындан ашагъы тыгъырды...

...Козылеримни ачып, агъырлашкъан башымны ктердим. Корьген шейим не эди? Тюш эдими?.. Эбет, тюш эди... Хансарайгъа кирген рус аскерлерининъ демирналлы чызма сеслери мени юкъудан уяндыргъан эди.

Рим, 03.04.1946

Бу акышам шимдигедже язган шейлеримни окъуйым да тюшонджеге далам: ким ичюн язам? Бу шейлернен ким меракъланаджакъ? Бир кимсе! Бир кимсе буларны окъумайджакъ. Кимсе бу языларнен меракъланмайджакъ. Буны яхшы билем. Языджы дегилм. Язган шейлеримде кимсени алякъадар этмейджек бир акыкъат бар. О акыкъат ялынъыз меним ичимде. Эляк олган къараманларнынъ эйкеллерини эляк олганлар дегиль, яшаганлар тиклерлер. Оларнынъ рухларыны ичимден чыкъарып, бир эйкель алына кетирмек ичюн мен аятта къалмакъ кереким. Олар артыларында гузель излер къалдырып кеттилер. Мен бузунъ аяттан къоптым. Оларнынъ излеринден, кендинден, инсанлардан, дюньядан къоркъам. Мен яшамайым: яшамакъ ичюн курешем. Мен огге кетип оламайым. Огюмде ялынъыз къаранлыкъ ве къоркъу бар. Мен огге кетип оламайым. Огюмдеки аятны корип оламагъанымдан даима арткъа бакъам. Бельки манъа ярдымгъа келир. Бельки манъа ким олгъанымны айтыр, огдеки аятнынъ сырларыны ачар, бельки бир кунъ кечмишим келир де мени о йылларнынъ къанлы фаджиалары арасындан кечиргени киби, бузунъ де зайыф, тюшкюн вуджудымны ве рухумны, огюмдеки къара куньлерден атлатаракъ къуртулышкъа ирдирир. Я, барып да, кельмесе... Бузунъ аяттан къачкъаным киби "Хатыралар"дан да къачмагъа баиласам... Эким, лакъырдыларымыз санъа ярдым этер, бир кунъ къоркъуларыны унутырсынъ, дей. Лякин мени шимдигедже яшаткъан шей эким дегиль, хатыраларымдыр, деп беллейим. Буны экимге айтмайым...

1938 сенесининъ кузюнде эски куместен Къазаскер сокъагына кочътик. Вазиетимиз кунъ куньден тюзельмекте эди. Бабам яхшы пара къазана, он беш яшындаки Бекир бабамнынъ янында иш огрене. Мен айны сененинъ августында "Янъы дюнья" газетасында иш таптым ве бир айда къазангъан парамны шеэр иджра комитетиндеки чиновниклерни ашатып-ичирип, янъы эв булмасы ичюн бабама берген эдим. Бу эв де эски, пис бир шей эди. Бир-эки ай тырышып, ичини темизледик, огюне багъча тиктик, къапыларыны боядыкъ, гуль киби, темиз бир эв алына кетирдик. Чокъусы вакъыт козьлери яшлы юрген анамнынъ биле бетинде теббесюм кене кендине темель тапты. Биз, бизим киби бутюн халкъымыз йигирми йылдан берли зуур эткен большевик зулумындан перишан олган эдик. Бу себептен, курешимизни вакътындже четке таппап, куньделик кечинюв огърунда чалыша ве яшай эдик. Рус идареджилери Къырымда къалган бир авуч татарнынъ укъометке за-

рарлы олмаз артыкъ, деп тюшпоне эдилерми, бильмейим, лякин топ-топ сюрдюлер токъятагъан киби эди. Ялыгъыз миллетнинъ арасындан чыкъкъан бильгили, намлы докторлар, профессорлар, шаирлер, чет-буджакъта къалгъан оджалар, иманлар миллетнинъ эсирлигини кенди намус ве виджадиларына сыгъдыралмайып ах чеккенлер; кимерде ракъы ичип ичини бошалткъанлар апансыздан гъайып ола эдилер. Миллет озъ ана юртуны севе эди. Эр шейден, озюнден де зияде севе эди. Бунынъ ичюн де сессиз эди. Эр зулумгъа, эр шейге разы, тек аталар, делелер топрагъында яшасын. Бу сонъки он йыл ичинде тарихлерининъ энъ къанлы фаджиаларыны яшап кечирген ялыбою койлюлери кене де яваш-яваш аякъкъа турып башладылар. Багъларнынъ колхоз малы оларакъ илян этильгенине бакъмадан, койлю эски ата топракъларыны козьбебеге киби севе эди. Махсулыны, мейвасыны топлап девлетке теслим эте, сонъра барып, кооперативнинъ къапыларында бир кило богъдай ичюн невбетке турар, яры геджегедже беклер эди. Элинден чекип алынган тарласында, багъында, багъчасында эки буюклип чалышыр экен, аталар топрагъына тѣккен козьашларыны ялынъыз озю билир эди. Кимсеге белли этмез. Чюнки бу топракъ, бу юрт онынъки эди.

Къазаскер сокъагъына кочъкен сонъ, аркъадашым Сулейман ве аилеси илс къомшу олдыкъ. Мен “Янъы дюнья” газетасына ишке киргенимден сонъ эким олмакъ хаялым бувгъа дѣнди. Сулейман эски фикирине къайтты. Лякин орта субай окъув юртуна менсиз кирмек истемей эди. Мен буны къаттиен рѣд эттим. Менден гизли, бу меселеде фикиримни денъиштирмек ичюн бабамдан ярдым сорагъан олса да, бабам Къаябашы мектебини таппагъанымдаки киби, шимди де къарар бермекни мангъа къалдыргъан эди. Даа энди къышкъа кирген эдик. Сулейманнен экимиз бир кунъде аскерликке чагъырылдыкъ. Бойлеликнен Сулейманнынъ офицерлик хаяллары акъикъаткъа чевирилъмеге башлады. Повестканы алган кунюмиз Акъмесджит район арбий комиссарлыгъына бардыкъ. Коридорда джемиданлары устюнде отуруп, беклеген секиз — он рус бар эди. Пис ве игренч инсанлар. Тютюп ичип ерге тюкюрелер. Къалын, памукълы пальтоларындан инсаннынъ нефесини богъгъан тер сасыгъы келе.

Коридорда дивар янында турып невбет беклеймиз. Бираздан сонъ ода къапысы ачылды, къырмызы бетли шишман бир субай къапы аралыгъындан башыны чыкъарып башта Сулейманнынъ, сонъра месим адымны окъуды. Бирликте одагъа кирдик. Ичериде учъ эким тарафындан яхшы

этип теңкерильгенимизден сонъ, айны шу субай келип, бизни озъ одасына алып кетти. Одагъа кирер кирмез:

— Меним адым Иван Александрович Шишков, — деп элини узатты, экимизнингъ де элимизни сыкъты, сонъра къырмызы ортоли масанынъ башындаки креслогъа отурды, бизге де ер косътерди. Отурдыкъ. Энди онынъ бетини даа яхшы корем. О эп кулюмсирей эди. Лякин бу тебес-сюмлернинъ артында бир макъсад гизли эди. Бу насыл макъсад эди? Ким бильсин... Лякин бутюн кунъ бу макъсад огърунда чалыша. Бельки юкълагъанда биле бетинде шу макъсаднынъ ёргъун излери корюнип турадыр. Устюндеки политрук униформасы шу макъсадны бир къат даа гизлей. Ири ве къурназ козылери бар. Уджлары ашагъы саркъкъан къалын дудакълары бетине насылдыр бир чиркинлик бере.

Бир анъ оданынъ таванына бакъты, сонъра экимизни баштан аякъ сюзди ве сёзюни башлады:

— Аркъадашлар, Къызыл Орду сафларына чагъырылдынгъыз. Элимдеки рапорттан бильгениме коре, экингийиз де окъумышлы яшларсынгъыз. Советлер Бирлиги сизинъ киби окъумышлы яшларгъа кениш инкишаф ёллары ача. Сизге орта командан окъув юртуна окъумакъ ве бильгингийизни арттырмакъ имкяныны беремиз. Сизлер берильген бу фурсаттан етерлик дереджеде файдаланаджагъынъызгъа ве ватаннынъ дегерли эвлятлары оладжагъынъызгъа эминим, — деди.

Бу теклифни ред этмекнинъ эм бизим, эм де бутюн аилемизнинъ башына янъы фслякетлер ачаджагъыны биле эдим. Сулейман мени ынджытмакъ истемесе де, комиссар Шишковнынъ бу теклифине ичинден къувана эди. Шу куню акъшам меселени бабама анылаттым. Шишковгъа ред джевабы бермекнинъ пек хавфлы оладжагъыны о да айтты. Сулейман кельди. Субай окъув юртуны, бизни беклеген янъы аятны узундан-узадие музакере эттик. Сулейман субайлыкъта яхшы ве сагълам бир келеджекни коре эди. Район арбий комиссарлыгъыннынъ коридорындаки русларны бильмем къачынды кере мангъа хатырлатып:

— Садыкъ, — деди, — сен анавы явур отрядынен эки йыл яшап оламазсынъ. Я субай олып оларгъа эмир береджесинъ, я да таяджакъсынъ... Бизим маямыз башкъадыр.

Бабам, Сулейманнынъ фикирини догъру таныдымы, я мангъа, гоңьюлиме къувет бермек истедими, бильмейим, Сулейманнынъ тарафыны туткъан киби олып:

— Ким ве не олсанъ ол, тек буюк адам ол, Садыкъ, — деди. — Эр анги саада чалышсангъыз чалышынъ, сиз бу юрткъа керексинъиз. Бильгингийизни арттырынъыз, янъы-

янгъы инсанларнен танышынъыз. Къырымда сюйрелип юрмекнен миллетке не файданъыз токъунаджакъ? Экимлеримизни ёкъ этип битиреяталар. Ич олмаса субайларымыз олсун. Олар да бир кунъ миллетке керек олурлар.

Ниает орта командан окъув юртуна кирмеге къарар бердик. Буны анамдан гизледик. Бичаре мени аскерге кете, эки йыллыкъ хызметтен сонъ къайтып келеджек ве айва-сыллы Сабри Мухтарнынъ къызынен эвленаджек, деп беллей эди. Акъикъятны анама мен кеткен сонъ анылатмакъ ишини Бекирнен бабама ташладым.

1938 сенесининъ къышы. Одесса орта командан окъув юртунда окъумагъа башладыкъ. Талим ве дженк назарие-синден зияде сиясий тасиль дерслери кече эдик. Алты айдан сонъ окъув юртуна политрук Шишков кельди. Бетиндеки тебессюмининъ артында айны шу гизли макъсад сакълы эди. Бу адам бизим эр бир адымымызны незарет этмеге тырыша эди. Эр бир сёзюмиз, эр бир тюшонджемиз онынъ шахсий малы киби эди. Онынъ бизге саатлернен марксизмни огретмеси, баты капитализмининъ чурюклигини, бутюн дюньяда эзилген пролетарларнынъ Советлер Бирлигинден, Къызыл Ордудан къуртулыш беклегенлерини анылатмакънен сынъырланмай эди. Кимерде манъа бетининъ гизлеген макъсады къальбимизге кирип, бутюн ис — дуйгъуларымызны сёндюрмек, мийимизге кирип, бутюн тюшонджелеримизнинъ саиби олмакъ истер киби келе эди. Бир къач азербайджанлы, бир къач къыргыз, татар бир ерге кельген вакъытларымызда арамызгъа сокъулып, куюмсируп не акъкъында лаф эткенимизни, нелер акъкъында музакере юрюткенимизни сорар эди. Эр тюрлю себеплер иле келип, бизни ялынъыз русча лаф эттирир эди. Кимерде шакъа эткен олып, юрттан кельген мектюплеримизнинъ насыл тильде язылгъанына бакъмакъ истер эди.

1940 сенесининъ язында окъув юртумыз Одессадан Румыния сынъгырына якъын бир ерге кочъти ве учъ ай девам эткен талимден сонъ кене Одессагъа къайтты. Августнынъ биринде имтианлар башланды. Август 9-да Одесса орта командан окъув юртуны битирдик. Манъа лейтенант унваны берильди.

Бир афталыкъ раатлыкътан сонъ 57-нджи дивизиянынъ 94-нджи батальоннынъ экинджи ротасына командан оларакъ таин этильдим. Аркъадашым Сулейман Азиз, айны батальоннынъ учюнджи ротасынынъ команданы оларакъ таин этильди. Красное мудафаасынадже берабер эдик.

1941 сенесининъ баари. Акъкерман якъыпларындаки бир

лагерьдемиз. Юрттан айырылганыма эки йыл олды. Команданлыккъа ариза язып, изин истедим. Берильмеди. Аскерлерге Суворов низамы огретильсин деген эмир алдыкъ. Агъыр танкларнынъ ичинде, мотор гурюльтисинден башым къабакъ киби ола. Талим, талим, талим... Эр гедже эки керс, кимерде учь кере тревога бериле. Танкларны койлерге, орманларгъа айдаймыз. Койлюнинъ тарласыны, экинини эзип ташлаймыз. Этрафтаки койлернинъ сакинлери бизге дост козюнен бакъмайлар. Политруклар да бизни эалиге якъыплаштырмайлар. Янъы “азат этильген” ерлерде коммунизмнинъ душманлары бар, дейлер. Танкларгъа якъыплашкъан койлюлерни якъалап, лагерьге алып келемиз. Сонъра НКВД аскерлери келип оларны алып кетелер. Анги тарафкъа ве къайда алып кеткенлерини бильмейим. Койлюлерде ойле бир къоркъу бар ки, манъа 1932—36 селеринде бизим койлерден сюрдюн этильген адамларны хатырлаталар. Талимден сонъ, чадырыма кирер экеним, санки эвимизге кирген киби олам. Бельки бир саат, бельки эки саат сербестим. Тревога берильгендже чадырымда янъгъыз озюм отурам. Озь тюшпнджелеримнен козь-козьге къалам. Тёшегимнинъ баш уджунда бутюн айлемизнинъ ве айрыджа Бекирининъ фотосуретлери булуна. Оларгъа, фотосуретлерине бакъып-бакъып лаф этем. Тревога дудюги чалынгъандже оларнен бераберим, оларнынъ селлерини эшиткен киби олам. Бекирининъ меним янымда олмасыны о къадар истейим ки! Шимди фотосуретине бакъам.

Бир аткъа минген. Къалемнен чызылгъангъа белгъезген къара къашларынынъ устюнде къоджаман бир черкез къалпагъы отурткъан. Устюнде черкез урбасы, белинде ханджери... Хатырымда, бу ресимни чаршыда тахтадан япылгъан ат устюнде алдыргъан эди. О вакъыт он учь яшында эди. Шимди исе он едини толдура. Лякин он учь яшындаки баланынъ козьлеринде биле къудрет ве шевкъат излери окъула. О манъа ошамайджакъ, гъалиба. Онда аятнынъ къаранлыкъларыны йыртып, бутюн сырларыны корьген бакъышлар бар. Анамнынъ мектюплерини Бекир яза. Эр мектюбини окъур экеним, собанынъ янына чёккен, белини шалнен багълагъан анам козьлеримнинъ огюне келе. Козьлеримни юмсам соба башында отуруп, серник къалынлыгъындаки тютюнлерини ичкенини, Бекирге мектюп яздыргъаныны корем. Эр мектюбининъ сонъунда Бекир озюнден бир къач сатыр къоша. Мектюбининъ биринде шойле яза:

“Аскерге кеткенинъе эки йыл олды. Бу эки йыл ичинде анамыз бираз даа къартайды. Сен бизимнен берабер олгъ-

анынгда анам белине бир шал багылай эди, энди учь шал багылай. Биз яткъан сонъ соба башына кечип отура, бири-бири артындан тютюн иче. Сабалары пек эрте тура. Биринджи иши бабамызнынъ яткъан одасына къаве алып бармакъ ола. Сёзюни сенинъ адынънен башлай”.

Башкъа бир мектюбинде: “Анамыз эр саба пенджере янында отурып почтаджыны беклей. Тюневин саба да пенджере янында эди. Почтаджы пенджере янындан кечер экен, оны ичериге чагырып, торбасына ягъ, шекер, армут, алма къурусунен толдура. Бичаре бойле япса почтаджы сенден даа сыкъ-сыкъ мектюп кетирир беллей. Сен де онынъ гонъюлини ал, агъам, вакъыт тапкъанынънен мектюп яз. Кечкен афта алгъан мектюбимизде Одессагъа баргъанынъны язасынъ. О акъшам мектюбинъни анамызгъа окъугъанымда, эвимизде къомшумыз Мемет агъанынъ къарысы Земи не тизе, бир къач танышымыз бар эди. Къаве иче эдилер. Мектюбинъни окъуп битирген сонъ, анамыз: “Одесса дедиклери ер де нереси?” деп сорады. Бабамыз сенинъ эвельдже булунгъан еринъден даа да якъын олгъаныны айтса да, заваллы Одесса Къырымнынъ ичинде, ёкъса тышында булунгъаныны бильмек истей эди. Янына бардым:

— А, ана, — дедим. — Ялтадан Акъмесджитке кельгенде Тавшан базарындан ич кечтинъми?

— Э-э, кечтик, огълум, — деди.

— Тавшан базарындан эппейи узакълашкъан сонъ ёлынъ эки тарафында къырмызы толадан ясалгъан биналарны корьдинъми?

— Э, корьдик, огълум, — деди.

— Иште, шу ерге Одесса дейлер, ана, — дедим.

Бабамыз ве мусафирлер шакъылдап кулюштилер. Анамыз да кульди, лякин кулер экен, бир анъ тюшюнджеге далды, ве асретли козылеринден эки тамчы яш тыгъырды. Эгильдим, омузларыны сийпаладым, манълайындан оптим. Заваллы:

— Сен де кетсенъ мен акъылымны бус-бутюн чылдырырым, — деди”.

Бугунъ саба эвимизден мектюпнен берабер бир де пакет алдым. Бутюн кунъ талимининъ битмесини дёрт козынен бекледим. Акъшамгъа якъын аскерлерни старшинагъа къалдырып, чадырыма кеттим. Ёргъун, аягъымда чызмалар, урбаларым, бетим-козюм тоз, чамур ичинде, тёшегиме узанып Бекирининъ мектюбини окъумагъа баппадым. Бекир шойле яза эди: “Чокъ сайгъылы ве севгили агъачыгъым Садыкъ! Мектюп язмагъапынъга бир афта олмакъта. Анамыз эвлядымны кене Одессадан узакъларгъа алып

кеттилерми, деп раатсызлана. Сенинъ эр мектюбинъ онъа шифа бере, сыкъ-сыкъ мектюп яз. Тюневин койден дайымыз Мансур кельди, бу акышам санъа посылка азырладыкъ, оны мектюпнен берабер ёллайым. Посылка ичинде дёрт демет Къызылташ тюпони, кой махсулларындан бурма, шефтали, алма, армут бар. Анамыз ямавлы безлерге сарылгъан бир шей даа къойды, тумар, гъалиба. Ятмаздан эвель Мансур дайымнен бабамыз янъгъыз къалып, баягъы лакъырды эттилер. Гъалиба, бабам койге кочъмек истей. Лякин бир къараргъа келип оламай. Къоркъа, гъалиба. Дигер тарафтан сенинъ Къызыл Орду субайы олгъанынъ онъа юрек бере. Мен шахсен бутгъа къаршым. Билссинъ де, сюрдюн этмеге башласалар субай-мубай деп отурмазлар. Сюрерлер бутюн кой халкъыны. Сонъра, эвимизде воронежли рус аилеси отургъаныны билесинъ. Даим: “Бизим дам астында эпимиз сыгъышырмыз”, дей.

Не оладжакъ бильмейим. Илериде санъа бу меселе хусусында не олгъаныны язарым. Газеталарны окъуймыз, Авропада чалынгъан давулларнынъ сеслерини та бу ерде эшитир киби оламыз. Аман, Аллахым, Акъмесджит ичиндеки аскер къалабалыгъыны бир коръсейдинъ! Эписи рус. Татарлардан да пек чокъ аскер алына, лякин оларны Къырымнынъ тышына ёллайлар... Анамыз дженк оладжакъ, дей, дуя экен... Дженк башламаздан эвель даима бойле къалабалыкъ ола экен. Эвлядыма не оладжакъ, авада дженк къокъусы бар, деп агълай. Догърусыны айта, гъалиба. Акъярдан кельген хаберлерге коре, анда биналарнынъ дамларына автоматлар ерлештирилсе экен... Ай-Петри дагъларында, яйлаларда топлар бар дейлер. Факъат газеталар ич бир шей язмайлар. Топлар бизге къаршымы, ёкъса, Тюркисгеми, бир шей бильмеймиз. Эм оларгъа, эм бизге къаршы ола билир. Газета дедим де, акъылыма кельди, посылка ичинде санъа эки дане газета ёллайым. Бири “Комсомолец” о бири “Къызыл Къырым”. Сен мемлекетте олгъанында бу газеталарнынъ ады “Яш къувет” ве “Янъы дюнья” эди. Энди адлары денъиштирилъди. Газеталарнынъ адларынен берабер арифлер де денъишти.

Бутюн татар мектеплеринде ве газеталарында латин арифлери ерине кирил арифлери къуулланыла, артыкъ. Татар тилинде рус арифлери латин арифлеринден даа яхшы уя экен. Ха! Ха! Агълайджакъ ериме кулъмек истейим. Янъы арифлернен меракъланаджагъынъа эминим.

Козылеринъден опемиз. Сагъ ве селямет олманъны, якъын вакъытта ватангъа къайтып кельмегъни Тагърыдан тилеймиз”.

Бекирнинъ мектюби ве газеталар мийимден ургъан киби олдылар. Ичимде къабаргъан аджджы дуйгъулар, хатырлар богъазыма келип тыкъалды, атта нефес алып оламадым. Башым айланды, козылериме къаранлыкъ чёкти. Газеталар элимде къысым ерлешкен территориянынъ о башындан бу башына чапып:

— Къатиллер! Къатиллер! — деп багъырмакъ истедим. Ичимде Къара денгизнинъ энъ вахший вакъытларындаки киби далгъалар копюре. Лякин, мен бу далгъаларнынъ ичинден чыккып оламайым, бир де-бир ерге уруламайым. Фуртуналарны, юмрукъларымны сыккып, агъызыма соккып, ичимде богъмакъ истейим, боггуп оламайым. Олар мени богъалар. Яваш-яваш янакъларымдан тыгъыргъан козьяшларнен, ниает, сакинлешкен киби олам. Не вакъыткъадже? Бильмейим. Газеталаргъа бакъам. Эп татар сёзлери, татар келимелери рус арифлеринен язылгъан... Шу арифлерге бакъкъан сайын кенди тилимден, аналарымызнынъ озъ сабийчиклерине айненни айтмакъ ичюн къуллангъан о татлы тильден аз къалдым нефретленмеге. О язылар ойле чиркин, ойле къаба ки!.. Не ичюн бильмем, бир баланынъ сыныфта къара тахтагъа рус арифлеринен татарджа язгъан элини корьген киби олам. Кучюк бир эль, вуджут, баш, козь ёкъ, ялынъыз зайыф бир эль козылеримнинъ огюнден кетмей. Агъламакъ, ёкъ, кульмек истейим. Бабама озъ мектоплерингъде мангъа эски дестанларымыздан бир къач сатыр ёлла, деп язаджакъ олсам, бабам мангъа “Сейяр-и-Неби”ни, “Чора Батыр”ны бу арифлернен язып ёллайджакъмы?

Энди агъламайым. Билем ки, татар огълу бу газеталарны окъумайджакъ. Бабамнынъ сёзлерини хатырлайым: “Олар бизден къоркъалар, Садыкъ! Олар бизим барлыгъымыздан къоркъалар” дей эди. Не къадар акълы экен? Энди агъламайым. Билем ки, душманларымыз бизден къоркъалар. Бизни бойле сюрбетлердже руслаштырмакъ истейлер. Чюнки бизден къоркъалар. Газеталаргъа ифтихарнен бакъам. Шимди месутым. Душман униформасы ичиндеки вуджудым челик киби сагълам.

Акышам олмакъта. Этрафкъа яваш-яваш къаранлыкъ чёке. Къара денгизден къопкъан бир рузгяр къальбиме ишанч ве раатлыкъ бере. Янъгъызым. Газеталаргъа кулюмсиреп бакъам. Тышарыдан Сулейман:

— Ичердессинъми? — деп багъыра.

— Ичердем, кир!..

Сулейман чадырыма кире. Тазе тыраш олгъан сачлары-

нынъ ортасындан джик ачылгъан. Униформа не къадар гүзель яраша! Бичаре, бу униформаны ойле бир севе ки! Ойле бир гъурурлана ки! Мангъа якъынлашып:

— Аля даа газета окъуйсынгъмы? — дей.

— Эбет. Ал, сен де окъу!

Газеталарны Сулейманнынъ огюне атам. Окъумакъ истей, лякин окъуп оламай. Языларгъа айретнен бакъа.

— Ээ, не тюшонесинъ?

— Сёзлер татарджа, амма арифлер рус...

— Иште, Бекирининъ мектюби... Бундан сонъ бупон язылар рус арифлеринен языладжакъ экен. Бунгъа не дерсинъ?

— Не дейим? Бильмейим.

Ичимде кене насылдыр бир яныкъ топлана. Лякин бу кереси Сулеймангъа ачувланам. Не ичюн о да меним киби тюшонмей?

— Не айтмагъа бильмейим! О языларгъа бакъ, окъу... Сен бунгъа не дерсинъ?

Газеталарны ерге ата:

— Не дейим? Насыл мунасиб олса ойле язылыр. Биз аскермиз... Эм де эндиден сонъ языларны къалемнен дегиль сюнгюнен язаджакъмыз... Немсе ордулары Польша сынъырларында.

Сулейман сёзюни битирип етиштиралмай, төшегимден атылып турам ве ерде яткъан газеталарны топлап, онынъ бурнуна сокъам:

— Сен мангъа униформа кийип форса сатмакъны, къадынларгъа селям бермекни огрет, сен бу шейлерни яхшы билесинъ. Лякин не меним, не де башкъа бирисининъ миллий дуйгъуларына токъунма!

Мени эр даим юваш бир аркъадаш сайгъан Сулейман неге огърагъаныны англап оламады. Бетиме шашкъын-шашкъын бакъа, мангъа бир шей олгъан киби, къоркъусындан бети сарара, дудакълары къалтырай.

— Садыкъчыгъым, сангъа бир шей айтмадым да!

— Айтмадынъ... Айтмагъа сёзюнгъ ёкъ да! Затен, даима ойле эдинъ. Мектепте де ойле эдинъ.

— Насылдым?

— Ойле, иште. Мектепнинъ янындаки фабрикада чалышкъан рус къызларына таш аткъан вакъытынгда мен къачар эдим, сен мени къоркъакъ тавшан, деп эриштирир эдинъ.

— Бунынъ сенинъ газеталарынгъа не алякъасы бар?

— Чокъ алякъасы бар!.. О къызлар сенден зайыф эдилер, сен де олардан къоркъмай эдинъ. Оларны ташкъа баса

эдинъ... Лякин буюк бир телюке огюнде аман къача эдинъ. Униформангъны ойле севсинъ ки, санки бабанъ, деденъ шу униформанен дюньягъа кельгенлер. Ярын Тюркие ве Русие арасында дженк чыкъаджакъ олса бельки Тюркиеге къаршы къуршун да сыкъарсынъ... Бу языларны корьмейсинъми? Эр ерде: ордуда, эвлеримизде, сокъакъларда, эр адымда бизни ватан севгисинен, ватан ашкъыннен беслейлер... Дюньяда скяне сербест ве урь ватан бу экен, э!

Мен бу шейлерни айтыр экеним, Сулейман экиде бир башыны чадырдан чыкъарып бакъа ве пармагъыны дудакъларына кетирип:

— Тш-ш-ш-ш! Яван лаф эт, Садыкъ, — дей эди. Сесимни бираз явашлатып девам эте эдим:

— Бу газеталаргъа бакъ. Сенинъ тилинъ, меним тилим. Аталарымызнынъ, деделеримизнинъ тили. Бир де-бир миллетнинъ мевджутлыгъы тили ве юрты иле белли олур, ойлеми? Юз элли йылдыр, эски, чарлыкъ идареси бизни дженнет киби юртумыздан айдады, асты, кести. Бугунъки къызыл рус идареси де шу ерчикте бир авуч татарнынъ джанлы тилини кесе...

Тёшегиме узанам, башымны авучларым ичине алып Сулеймангъа бакъам. Къальбимнинъ тереңликлеринден бир агъры чыкып, санки юзюндеки хафиф тебессюмнинъ артына сакълана: “Эй, Садыкъ, дей, бизни чамургъа батырдынъ да чыкъардынъ”.

Башкъа бир шей айтмай. Мени чекиштирмемек ичюн айтмай, гъалиба. Ятам ве эп Сулеймангъа бакъам. Онынъ лаф этмесини, айткъанларыма итираз бильдирмесини истейим. Сулейман сес-солукъ чыкъармай.

— Айтса бир шейлер...

— Бельки сен акълыдырсынъ... Лякин мен сангъа аскер олгъанымызны, бойле шейлернен алып береджегимиз олмагъаныны айтмакъ истедим. Бу киби шейлер ичюн алиmlер бар. Олар тюшонсинлер.

Аман еримден атылып турдым.

— Ёооокъ, Сулейман! Мен киби тюшонген алимининъ башына нелер келеджегини сен пек яхшы билесинъ. Сонъра, тиль, ялынъыз алимининъ тили дегильдир. Чобаннынъ, койлюнинъ, бутюн миллетнинъ... Эр кеснинъ...

— Буны джаиль бир койлюге анълатып олурсынъмы? Кечкен афта меним ротама янъы аскерлер кельди. Дёртю къыргъыз, бириси де бизим ватандаш, ады Керим. Ускют койлюси. Финляндия дженкинде аягъындаш яралангъан. Орду низамы иликлерине синъген... Бу акъшам танклар ягында бекчиликте. Эриф джаильнинъ джаили. Ольдюр

деселер ольдюрим, якъ деселер якъарым, дей. Мен сия-
сеттен аңламайым, язы язмагъа бильмейим, лякин кокю-
сима бакъ, эки орденим бар, бири “Къызыл Байракъ”, о
бири “Къызыл Йылдыз”, дей. Бу киби шейлерни онъа на-
сыл аңлатырсынъ? Газеталар русча чыкъамы, татарджа-
мы, онынъ ичюн эписи бир. Онынъ ичюн тильнинъ эмис-
ти ёкъ. О, ялынъыз эмир биле. Эмирни исе биз дегиль
руслар берелер.

Сулейманнынъ сёзлерини дикъкъатнен динълейим.
Ниает суса. Чадырда терен бир сукюнет асыл ола.

— Керим шимди невбетчиликтеми?

— Эбет. Мейдандан юз метр авлакъта, агъыр танклар
тарафында...

— Парольсиз кимсени якъын къоймаз, дединъми?

— Эминим. Юзде юз.

— Я, татарджа лаф этсем?

— Бала олма, Садыкъ. Эмирни билесинъ...

— Керимнинъ янына пароль айтмайып барсам бир ай-
лыкъ маашынъ менимки, яхшымы?

— Барып оламасаң?

— Меним айлыгъым сенинъ олсун.

Сулейман куле. Лякин ичинде бетиндеки тебессюмни
гизлемеге тырышкъан бир къоркъу бар.

— Я, санъа атеш ачаджакъ олса?

Джевап бермейим. Чадырдан чыкып, танк мейданына
догъру кеттим. Сулейман артымдан чалып келе ве къулагъ-
ыма фысылдай:

— Бу гедже пароль “Дон”. Унутма, пароль, “Дон”,
“Дон”... Вазгеч, Садыкъ, барма...

Сулейманны четке итерем. Артымдан:

— Дон, Дон!.. — деп къала.

Лагерьден чыкъам. Огюмдеки тарлаларны комюр киби
къап-къара бир гедже юткъан. Не бир ёл, не бир из. Ке-
римнинъ къайда олгъаныны кесен-кес бильмейим. Козъ
къарарынен кетем. Аякъларым астында йымшакъ бир топ-
ракъ бар. Аякъ сеслеримни кимсе эшитмез. Гедженинъ бинъ
бир дане телюкели козю бар киби, сагъыма, солума бакъ-
ам. Я, барып да башкъа бир невбетчининъ огюне чыкъсам?
Бирден тацларгъа, чалыларгъа сюрюнем. Чёмелип, динъ-
ленем. Сес-седа ёкъ. Еримден турам, ёл бильмеген кёр адам
таягъынен ёл арагъан киби, мен де сес чыкъармайым, деп,
адымларымны кёрнып таягъы киби атып, танк мейданы-
на догъру адымлайым. Я, огюме Керим дегиль де башкъа-
сы чыкъса? Къальбиме явап-явап бир къоркъу кире. Магъ-

лайымда сувукъ тер тамчыларыны ис этем. Ёлумны девам этейимми? Ёкъса, арткъа къайтайыммы?... Сулейман айтмасы киби, Керим койлюдир, джайльдир. Токътайым... Тюшюнсм... Ёлумны девам этейимми экен, аджеба? Къоркъам. Эллерим титрей, тизлерим къалтырай. Лякин арткъа къайтмакъ Сулеймангъа къоркъакълыгъымны белли этмек оладжакъ. Къоркъакълыгъымны кимсеге бильдирмек истемейим. Бизни бири-биримизге багълагъан къуветнинъ ватан севгиси ве тиль олгъаныны Сулеймангъа исбат этмек ичюн лагерьден чыкътым, та бу ергедже кельдим. Арткъа къайтмайым, ёлумны девам этем. Эп кетем. Гедже зифт киби къаранлыкъ, сессиз, къоркъунч. Этрафтаки гизли не-вбетчилерге якъыпашкъанымны ис этем. Шимди апансыздан бир сес “Пароль!” деп багъырса, бу Керимнинъ сеси олгъаныны къайдан таныйджам? Багъыргъан аскер бельки рус, бир рус оладжакъ... Керим олса биле не дсйджегим? Агъызымдан, къардаш” сёзю чыкъып етиштирмеден юрегиме бир къуршун сыкъса?... Ичим ойле къалтырай ки! Этрафтан коксюме, аркъама, башыма тюфеклер догърултылгъаныны ис этем. Къайдам, бильмейим. Ерге ятып, суюрклене-суюрклене, лагерьге къайтмакъ истейим. Дува этем... Аллахым, мени къорчала, деп бираз даа огге йылышам. Апансыздан, сессиз гедженинъ пердесини бир сес йырта:

— Стой! Пароль!

Артындан козь ачып юммагъа вакъыт къалмады, тюфек шатырдады...

— Къардаш, сен кимсинъ! Ватандашынынъ ольдюреджексинъми?

Сес-седа ёкъ. Беклейим. Рус олса къуршун сыкъаджакъ. Керим олса... Тилимнинъ уджунда “Дон” сёзю айланып тура, лякин айтмайым. Къаранлыкъта хафиф, лякин кескин бир сес:

— Улан, кимсинъ? Якъынджа кель, бакъайым...

Янына якъынлашам. Къара бир инсан кольгеси мени башымдан аякъларымаджа сюзди.

— Берекет берсин татарджа джевап бердинъ, лейтенант аркъадаш. Валлайы, аз къалдым, атеш ачмагъа. Огъурлар олсун, къайда кетесинъиз?

— Кезинмеге чыкъкъан эдим... Керим, сенсинъми?

— Меним. Парольни бильмейсинъизми?

— Ёкъ.

Къулагъыма эгилип:

— “Дон”, — деп фысылдай.

Сонъра башыны сагъгъа, солгъа чевире. Козылерини

къаранлыкъларгъа тикип, этрафны къурт копеги киби динъ-лене:

— Аякъ сеслери бар... Бириси келе.

Динъленмекни девам эте. Бирден кычыра:

— Стой! Пароль!

— Дон!..

Къаршымызгъа къаранлыкълардан чыкъкъан адам Сулейман эди.

— Парольге джевап алмадан, лейтенантны не ичюн якъынлаштырдынь?

Керим суса, Сулейман серт ве эмир этиджи бир сеснен:

— Не ичюн? Эмирни бильмейсингъми? — деп сорай.

— Мусульманджа лаф этти, Сулейман агъа. Атеш ачамаздым, я!

Сулейман суса. Янына бардым ве элимни омузгъа къоюп:

— Айды, Сулейман, кеч олды, — дейим.

Ян-янаша, индемейип, башларымызда бельки башкъа-башкъа тюшонджелер, лякин бир вуджут, бир эвляд дуйгъусынен арткъа, кысымымызгъа къайтмакътамыз.

Бир кунъ саба тангъа чадырыма небетчи кирип кельди ве мени аджеле суретте командан чагъыргъаныны айтты. Чар-чабик кийинип батальон команданынынъ чадырына ашыкътым. Лагерь даа терен юкъуда. Анда, мында бскчилер тюфеклерини омузларына асып юрелер. Базы чадырлардан чыкъкъан аскерлер агъыр ве ёргъун адымларнен, агъызларында тютюнлерини тютете-тютете ашханеге догъру кетселер. Кимер чадырларнынъ огюндеки старшиналар костекли саатлерине бакъып, аскерлерни турсатмакъ вакътыны беклей эдилер.

Лагерь четинде къурулгъан командан чадырына кирдим. Ичериси къалабалыкъ. Ава, ёргъушлыкътан ве юкъусызлыкътан саргъуш киби корюнген, тыраш олмагъа вакъыт буламагъан субайларнынъ нефесинден агъырлашкъан.

Сулейманнынъ янына барып отурдым. Батальон команданы арамыздан кечейткъанда эпимиз бирден еримизден турып, селям бердик. Комбат кырмызы ортюлю масанынъ башына кечти. Ешилъ козылерини къан баскъан, козыкъа-пакълары шишкен, сабагъадже юкъламакъ ерине, агълагъан адамгъа бенъзей. Бетинде кедер аляметлери бар. Ичиндеки бутюн дерт манълайына, эки къалын къашынынъ ортасына топлангъан, маса артындан бизни корьмеген киби тура. Богъукъ бир сеснен, агъыр-агъыр:

— Аркъадашлар, — деди. Сусты. Эпимизни козьден

кечирди, ярамай хабер айтмакъ зорунда къалгъан адам киби, девам этти. — Аркъадашлар! Учъ саат эвельси немсс фашист ава къувстлери Ватанымызгъа бастырып кирди ве Севастопольни, Кисвни, Минскни бомбалады... Буны хабер этмекнен, сизге дженк башлагъаныны бильдирем.

Богъазыма бир шей келип тыкъалды. Янымда отургъан Сулейман элимни тутты, бетиме бакъты. Чадырда агъыр бир сукюнет асыл олды. Бутюн къальблер ве бутюн козьлер бир олгъан, бу девамлы сукюнетнинъ ичинде дженкни корип, къоркъусундан къалтырагъан киби эдилер. Бир сес:

— Тютюн ичмеге мусааде этинъиз, комбат аркъадаш! — деди.

Къалтырагъан эллеримизнен бирер тютюн якътыкъ. Комбат даа сёз айтты, ватаннынъ бизден беклеген хызметлери акъкъында сёйледиди. Сёзюни битирген сонъ, чыкътыкъ. Сулейман янымда адымлай, меним лаф этмемни беклеген киби, бетиме бакъа. Ниает:

— Тюневин акъшам, ятмаздан эвель: Танърым, бизни бири-биримизден айырма, деп дува эттим, Садыкъ, — деди.

— Иншалла, айырмаз.

— Меним ротамда он эки татар бар. Бираз бош олсанъ кель, оларнен лаф эт. Энди инанам, тилимиз бизим ичюн пек къыйметли...

Меним ротамда исе Къырымдан, яни къырымлы ялынъыз бир рус бар эди. Татар ёкъ эди. Сулеймангъа ильк фурсат булдугъым заман келип, йигитлернен лаф этерим, дедим ве айрылдыкъ.

Аман шу саба чадырлар сёкюльди, бутюн батальон лагерьден учъ километр узакълыкътаки ормангъа чекильди. Аскерлер сияландылар. Орман этрафына бекчилер къоюлды. Ормангъа якъынлашкъан эр бир цивильни тутып, команданлыкъкъа кетирмек, итираз эткен я да сёз динълемеген сойларына къуршунгъа тизмек эмири берильди. Бутюн батальонда секиз данс талим танкы бар эди. Мен бу танкларнен тешкиль этильген хусусий танк ротасына командан таинлендим. Сулейман эмири алтынды булунгъан 22 топнен топчулар ротасына командан таинленди, къалгъанларнынъ эписи пияде аскер ротасына кечирильди.

Талимлерде Суворов низамыны тадбикъ этмек эмири кельгенинден берли команданлыкъкъа ичлеринден лянетлер окъутгъан ёргъун ве яры хаста аскерлернинъ орманда ишсиз-гучъсиз ятмасы ошума кеткен эди. Лякин бу ал чокъкъа сюръмедиди. Айпынъ йигирми белгинде батальон Аккерман станциясында поездларгъа юкленип, шимальге ёл алды.

Рим, 01.05.1946.

Дженк йылларында олюмнинъ козылерим ичине козылерини тиккен куньлерде биле мен чокъ месут эдим. Шимди манъа не ола? Не ичюн сокъакълардаки адамларнынъ арасына къарышып, мен де олар киби оламайым? Не ичюн мен озюмни олардан башкъаджа дуям? Не ичюн мен озюмни эр кестен ашагъы турам деп саям? Ичимде бири-биринен курешкен эки къувет бар. Бири аят, даа догърусы мени аяткъа къайтармакъ истеген къувет. Бу эки къувет ичимде токътамадан богъушалар. Оларнынъ богъушмасы мевджутлыгъымны темелинден сарсыта. Мени яваш-яваш йыкъа. Къоркъам. Мен, артыкъ, сокъакъларгъа чыккып, севген инсанларымнен бир олып яшап оламайджагъым. Элимден тутып, мени дюньяда кездиреджек бир кимсени къыдырым. Ойле бир адам бар экенми? Бельки бар. Я, олмаса? Къальбим ве тюшонджелеримнен кене де ер юзюнде эр шейни яраткъан: джанлыны, джансызны яраткъан Аллахыма узанам. Аллахым, сен мени быракъма! Сен мени къорчала, Аллахым!

Акышам олмакъта. Римнинъ дамлары къарара. Мусафирхане одасында янъгъызым. Мен янъгъызлыкъта яшап оламынъ. Чыкъмакъ кереким. Озюмден, ичимден къуртулып, келиши гузель бир инсан олмакъ кереким. Чыккып, парккъа кетем. Тена бир ерде отуруп коюмиз акъкъында тюшонем. Бугунь майыс 1. Багъчалар ким билсин анда не къадар еншилди! Эр алда еншиликлерге камюльген эвлерни узакътан абайламакъ къыйын олур. Шимди анда акышам олмакътадыр. Кунеш яилаларнынъ артында энди гъайып олгъандыр. Язда койлюлер акышам емеклерини эвлерининъ огюндеки еншил чардакълар астында ашайлар. Козылеримни юмам: о эвлер, о багъчаларны корем, о койлерде кезем...

1943 сенесининъ язында бабам Акъмесджиттен койге кочъкен эди. Бабам койге кочъмезден эвель мен, устюмде немсе униформасы, Къырымгъа изинли кельген эдим. Файдасы ёкъ эди... Шимди заваллы не япа? Руслар апсханеге аттылармы, аджеба? Эгер апсханеге аткъан олсалар даянып оламаз, олер... Я, заваллы анам? Къайдадырлар, аджеба?

Кене башым агъыра. Аятны ташлап, къачмакъ истейим. Анги тарафкъа? Анги тарафкъа? Къайда олса олсун! Тек бу ерде къалмайым. Бу ерде яшап оламайым. Мен эвельки Садыкъ дегилим. Манъа не ола, Я — Раббим?

Янымдан, сарышын, боялы бетли эки итальян къызы эки американ зенджисининъ къолтукъларына кирип, шакъылдашып, кечип кетелер. Сессиз Рим оларнынъ шакъылдамасыны дингълей. Ойланам: айгиди сени, къоджаман, безз.

мермерли Рим! Сеннен берабер бутюн аят да оларнынъ аякълары астында. Бирисининъ гъайып эткен шейини дигери тапар ве къуваныр. Факъат сен агъламайып, асырларнынъ азабыны озюнде сакъламакъны билесинъ. Мен де агъламамалым. Мен де сен киби магърур корюнюште олмалым. Чюнки мен джоймадым. О ешилъ юртны, къанымны тѣккен сонъ, душманларыма теслим эттим.

Акышам олмакъта. Сокъакълар къарара, Локъанталарнынъ ачыкъ пенджерелеринден музыка сеслери этрафкъа яйыла. Мусафирханеге къайтмакъ ичюн еримден турам. В. Эммануэльнинъ эйкелине якъынлашаяткъанымда кенъ сокъакъ бойлап манъа тараф, ташкъан бир озен киби далгъланып кельген инсан къалабалыгъыны корем. Къалтырайым. Себеби, гъалиба, шу: эки кулъ эвельси киногъа баргъан эдим. Гарри Купернинъ бир фильминде Бельсен топлама лагерьлеринде олып кечкен фаджиаларны акс эттирген бир фильм косътердилер. Экранда бинълернен инсаннен олюм алында коръгенимде ис эткен къоркъумнынъ буюклигинден башымны скемлелер арасына сокъмагъа аз къалдым. Янымда отургъан шишман италян мырылданып, бир шейлер айтты. Эр алда, мени сѣгди, гъалиба... Иште, шимди де устюме догъру кельген инсанларны бир анъ, Бельсеннинъ тикенли тель къораларындан къуртулгъан зайыф, этсиз, бинълернен скелет киби корем...

Къоркъумнынъ тесиринен эйкельнинъ таш басамакъларына котерильдим. Огюмден акъкъан инсан сели: “Яшасын Советлер! Яшасын Сталин!” деп багъыра-чагъыра кечип кетти. Таш басамакълардан эндим, башым ёргъун, ичим бош, мусафирханеге къайттым.

Бу акышам хатыраларымны язам. Ярын не оладжакъ?

Орта бойлю, кенъ омузлы, къырмызы бетли, мавы козьлю, кирпичклери, къашлары, сачлары экин киби сап-сары Гриша Калачев алушталы бир балыкъчы эди. Адынен гъурплана эди:

— Къайдан билесинъ, — дер эди, — бельки къанымда бир тамчы олса да татар къаны бардыр. Ботен ерде бизге Къалач деменгендилер, я!..

Сулеймандан ве о бир къырымлы яшлардан айырылгъан сонъ бу сары сачлы рус ичюн къальбимде, къайдан кельгенини бильмесем де, индже дуйгъулар булдым ве онынъ манасыз мавы козьлерине бакъкъан сайын севгимнинъ самимий олгъаныны ис этмеге башладым. Озю акъкъында ич де икье этмей, юваш бир адам эди. Янына кельгенимде, деръал еринден тура, къырмызы бети бираз даа къызара, бутюн къальбинен манъа аркъадаш олмакъ истей эди.

— Отур, Гриша, отур, — дер эдим. — Экимиз де кырымлымыз, аркъадаш оладжакъмыз.

Бир кере бойле дегенимде, отурды ве башыны авучларынынъ арасына алып:

— Эх, Алушта, Алушта, — деди. — Бу дженк кимге керек? Санъа керекми? Манъа керекми? Дженк олмагъан олса мен Алуштада отурыр, балыкъ тутар эдим. Сен де Кырымда отурыр эдинъ. Дженкнинъ сеннен манъа не кереги бар, командан аркъадаш?

— Догъру, догъру, Гриша, лякин ватанны кърчалайджакъмыз, — дейим.

— Меним, сенинъ ватан Кырым. Не олса да мен Алуштагъа кетеджегим.

— Я, Кырымны немсслер алсалар не япарсынъ, Гриша?

— Фаркъы ёкъ, командан аркъадаш. Германлар да яхшы пезевенклер, бизим руслар да...

— Сен буны башкъасына айтма. Сени апсханеге атарлар.

— Айтмам мен, къркъма! Лякин санъа айтырым. Сени билем мен. Лякин неден къркъаджам? Менде де ёкъ Кырым.

Озюнинъ татарджасынен Гришаны къальбиме кеткен сайын даа якъын корип башлай эдим.

Аккормандан арекет эткенимизден бир афта кечкен сонъ баты Украинанынъ бир коюнде поездлерден тюштик. Тобан дамлы эвлернинъ сачакълары астында яткъан тырашсыз, ёргъун, тозлу урбалы аскерлер, багъчаларда Кызылхач машиналары, чешмелерде ич бир низамсыз атларыны сувараяткъан кавалерияджылар, койлю арабаларында яткъан яралы аскерлер, команданлыккъа къан-терге батып чапкъан субайлар баты джебэсини туткъан дивизияларгъа къатылгъанымызны косътерсе эдилер.

Аскерлер танкларымызны поезддан тюшюрир эксилер, мен койнинъ о бир чстинде ерлешкен команданлыккынынъ чадырына кеттим. Эвлер, ёллар, багъчалар, эр ер аскернен толу. Эр ерде Сулейманны арадым, ич бир ерде буламадым. Командан чадыры юксек рутбели субайлар тарафындан забт этильген киби эди. Чадырдан чыкъаяткъан бир субай:

— Садыкъ Туран, сенсинъми? — деди.

— Меним.

— Тамам вакъытында кельдинъ. Сени комбат коръмек истей.

Чадыргъа кирип, комбатнынъ огюнде турдым:

— Танк ротасынынъ команданы лейтенант Садыкъ Туран. Эмиригъиздем, командан аркъадаш.

Комбат узун бойлю, огюзнинъ бойнузлары киби бурма, безз мыйыкты, эмен тереги киби сагълам, серт корюнген, лякин корюнгени киби серт олмагъан бир рус эди. Эмири алтында булунгъан, кендинден кучюк рутбели субайларнынъ элини тутмакънен хошлана эди. Дженк онгъа бу адетини унуттырмагъан, кене элимини сыкъты:

— Ротада къач дане танк бар, Туран?

— Секиз дане, командан аркъадаш.

— Эписи де Б-27-ми?

— Эписи де Б-27.

— Олар дженк ичюн бираз зайыф шейлер дегильми?

— Эбет, командан аркъадаш.

— Билем... Зайыф. Зайыф, лякин башкъа чаремиз ёкъ.

Кедерли бакъышларыны о бир юксек рутбели субайларгъа чевирди. Бири-бирилерининъ бетлерине бакътылар.

— Генерал Максименкогъа бундан башкъа ярдымда булунып оламайым. Фикиримдже, бутюн батальоннен Котовск-Балта джебэсине, Максименкогъа ярдымгъа кетмек, Красноени дженюпте йылышкъан немсе дивизияларынынъ сагъ къанаты огюнде ачыкъ ташламакъ демектир. Буюк мессулист.

— Максименко эки куньден берли танксыз, топсыз, ялынъыз тюфек ве сюнгюлернен душмангъа къаршы тура экен.

— Учъ кунъ дегиль, бир афта даа даянса биле, бутюн къуветлеримизнен ярдымгъа стишип кельсек биле Балтанен Котовск арасындаки немсе ордусынынъ белькемигининъ къырылмайджакъына эминим.

— Буг да къырылырмы?

— Бельки къырылмаз. Факъат эгилир. Красноенинъ табиий мудафаа уджюмини токътатамаз, факъат Максименконы Котовск-Балта алкъасындан къуртармагъа ярай билир. Душман дивизиялары Красноени быракъып, Вознесенскке тараф йылышып оламайджакълар, Максименко исе...

Команданлар сия сандыкълары устюне ачылгъан харитагъа эгильдилер. Максименко ве Красное мудафаасы акъкъында баягъы лаф эттилер. Бираздан сонъ командан мени янына чагъырды.

— Танкларнынъ янына бар, Туран. Кимсе танклар янындан айырылмасын. Эмримни бекле!

— Есть! Командан аркъадаш!

Чадырдан чыкъып, танклар олгъан ерге къайтып кельдим. Эртсен купно Сулейманнынъ бутюн топчулары ве ба-

тальян политрука Иван Александрович Шишковнен берабер Вознесенсктен чыккып Красносге тараф кеткенлери-ни аңлады. Сентябрь 1-де саба секизде танкларнен Котовск-Балта джебэсине тараф кетмек эмирини алдым. Дерал арскет эттик. Бутюн кунь изсизлик ичинде ёл арадык. Койлер бош ве сессиз эдилер. Санки, аят топрак астына сакланган. Этрафта айван биле корюнмей. Анджак, акшамга якын, сагьымыздан, солумыздан буюк сурьатларнен аскер толу машиналар кечмеге башладылар. Машиналардаки аскерлер, субайлар эллеринен ишарет этип, бизге хабер бермеге тырыша эдилер. Базылары эль ишаретлери-нен кери чекильгиз, демек истейлер. Биз исе эп огте догьру кетемиз. Танкнынъ кьуллессинде бир озюм эдим. Кетейткян ёлумыз эп кьалабалыкылаша. Машиналардан сонъ, топ арабалары, пияде аскерлер, койлю арабаларында субайлар, зайыф, сакъаллы, тьюфексиз, башлары беяз, кьанлы безлернен сарылган яралылар, ара-сыра атлылар кечэ эдилер. Араларындан базылары танкларымызга баккып башларыны саллайлар. Базылары да бизге эрише: “Берлинге кетесингизми?” деп багьыралар.

Ярым сааттен сонъ ёл коктен ине атсанъ ерге тьюшмей-джек бир алга кельди. Инсан, ат, араба кьалабалыгьы тапкян бир озен киби танкларымызга сьюрюнип, гурюльти ве айкьырмалар ичинде арткя, Красное тарафкя акя эди. Танкларымызны ёлдан тьюземликлерге чыкьарып, ёлумызны девам эттик. Узакьлардан, кьапылары кьапалы эвлерде чалынган давулларнынъ сеслери киби, топ сеслери келе. Токьтадык. Огюмизде кьара, буюк бир орман бар эди. Топ гумбюрдилери базан сагьдан, базан солдан келип, орманнынъ багьырындан кьопкян акс садаларга урулып, орманнынъ теренликлеринде богьула эдилер. Артымдаки еди танкнынъ кьуллессиндеки аскерлер шашкьын-шашкьын маньа бакьалар.

— Старшина Васильев! Яныма!

— Старшина Васильев! Команданнынъ янына!

— Старшина Васильев! Команданнынъ янына!

Энъ арттаки танк гьырылдады, эки дакькьадан сонъ старшина Васильевнинъ тапкы танкыма янашты.

— Васильев!

— Эмирингиздем, командан аркьадаш!

Орман артында кене бир топ гумбюрдеди. Солда, тобан дамлы бир эвингь янындаки сазлыкьтан кьазлар кьанатларыны кьакьып байыр артына учтылар. Васильев:

— Бу бираз даа якьын тьюшти, — деди.

— Тахминен не кьадар якьынга?

— Беш верст, бельки дёрт, командан аркъадаш. Душманнынъ агъызына кирятамыз, гъалиба. Арткъа чекильген колонналаргъа къошулсакъ...

— Сени фикиринъни бильмек ичюн яныма чагъырмадым.

— Эбет, командан аркъадаш.

— Танкънъны айда. Опомизде беш юз метрге къадар месафени тутып, йылыш. Огде не корьсенъ манъа бильдир.

— Есть! Командан аркъадаш!

Васильевнинъ танкы гъырылдады. Танкнынъ мотор сеслери ве яш-яш Васильевнинъ козылериндеки къабаатсыз, юваш бакъышлар къальбиме санчылдылар.

— Эй, Васильев! Олюмден къоркъасынъмы?

Факъат, танкнынъ гурюльтисинден сесим Васильевге барып етмеди.

— Эшитмедим, командан аркъадаш!

— Олюмден къоркъасынъмы, дедим!

— Олюмденми?

— Къоркъасынъмы?

— Ха! Инсан омюринде бир догъар, бир кере олер! Я, шимди, я сонъ. Не фаркъы бар?

— Эляк олмаздан эвель, менден бир тютюн якъ. Мени ярамай адам, деп сайма!

— Танкнынъ къуллесине бир пачка тютюн фырлаттым. Васильев пачканы алды ве аман джебине сокъты:

— Тешеккюр этерим!

— Бир данс дедим санъа!

Янымда Гришанен топчы шакъылдап кульдилер.

— Бунъа да тешеккюр!

Пачкадан бир тютюн алып, къалгъаныны манъа атты.

— Огъурлар олсун!

Этрафкъа хафиф бир къаранлыкъ чёкмекте. Топ сеслери бирден кесильди. Арттаки танклар бири-бирилеринден он беишер метр мессафе тутып, агъыр-агъыр йылышмакъта-лар. Мен танкнынъ къуллесинде эдим. Ярым саат къадар бу вазиятте огге догъру йылыштыкъ. Сагъда, солда, огюмизде уфукъларнынъ аллыгъына къарышкъан къара думан-лар кокке котерильмекте. Дженк о тарафлардан устюмизге бутюн дешетини сафкъа тизип келсяткъангъа бенъзсей эди.

Ашагъыда Гришанынъ сеси эшитильди:

— Командан!

— Не бар, Гриша?

Къулледен ашагъы эндим. Къулакълыкъларны манъа узатып:

— Старшина Васильев! — деди.

Къулакълыкъларны къулакъларыма такъты. Ичинден Васильевнинъ сеси кесик-кесик келе:

— Алло! Алло! Къаршыдаки орманда душман къуветлери. Ачылынъ!.. Ачылынъ!..

— Алло! Старшина Васильев! Эшитесинъми? Васильев!

— Эшитем. Мен...

Васильевнинъ сеси бирден кесильди.

— Васильев! Васильев!..

Къулакълыкъларнынъ ичинде Васильевнинъ сеси ёкъ, ялынъыз манъа ич бир шей айтмагъан девамлы бир гъырылты бар...

— Гриша!.. Танкны сагъгъа ал, чабик ол!.. Къамышыкъ артындаки байыр...

Сёзюмни битирип етиштиралмадым, санки бир янаргагъ патлады... Ич де унутмагъан шейим: башым Гришанынъ тизлеринде, козылеримнинъ огюнде далгъалангъан ренкли кольгелернинъ арасында Гришанынъ манъа бакъкъан ешилъ, атеш киби козылери. Озюме кельгенимде, мотор къысымынынъ думанларнен къарышыкъ алевли бир рузгъары бетиме пускюрди. Гриша танкнынъ къапагъыны ачкъан, вуджудынынъ ярысы тышарыда:

— Къач, лейтенантым! Къалма анда, къач!

Танктан чыкътым. Юз метр авлакъкъа чекилип, сараргъан экинлер ичинден о бир танкларымызгъа бакътым. Немсе топчулары, еди танкны ярым саат девамында атеш алтында туттылар. Яваш-яваш атеш кесильди. Ара-сыра тёпемизде шрапнеллер патлай эдилер. Гриша суюрекленип яныма кельди:

— Сен яраланды, лейтенант? Чокъ яраланды? — деди озъ татарджасында Гриша.

— Ёкъ, Гриша.

Янагъымны косътерип:

— Бак, кан вар бура... — деди.

Янагъымны туттым. Насыл олгъаныны бильмейим. Агърысыны биле дуймайым. Дженкнинъ ильк аджджы опюши, деп тюшюндим ве элимни штаныма сюрттим. Гриша кене гъарип козылерини манъа тикип:

— Сен чокъ яраланды, сен аз калды оледжек, — деди.

— Бир шей дегиль, Гриша. Бойле кучюк ярадан инсан ольмез. Бизден башкъа къуртулгъан бармы?

— Вар а... эки анда, учъ о ердс... Яралы вар ёкъ, мен бильмез. Танктан чыкмады, эписи ольди.

Ярым сааттен сонъ янымызгъа суюреклене-суюреклене старшина Васильев кельди. Къанлары, кирпичлери ян-

гъан, бети, козю къан ве чамур ичинде олмасына бакъмадан, кулжумсирей эди. Янгъан танкнынъ ичинден насыл чыкъып къуртулгъаныны озю де бильмей. Мени Алла къуртарды, командан, дей... Атеш ичинден инсан чыкъармы? Бакъ, мен чыкътым, иште! Эндиден сонъ Алла ёкъ дегенинъ башыны урып парларым, — дей. Бир сааттен сонъ урулгъан, якъылгъан танкларымызны ташлап, йигирми еди танкчыдан сагъ къалгъан еди танкчынен кери чекильген орду колонналарына барып къошулдыкъ.

Бу секиз танкнен мени не деп, душман топларынынъ агъызына айдадылар? Алгъан малюматларыма коре, къыркъынджы километрде Котовск—Балта арасында мудафаа туткъан Максименконынъ къуветлерине къошуладжакъ эдик. Лякин немсе топчулары бизни алтынды километрде тар-мар эттилср. Максименконынъ роталарына не олды? Къайда эдилер? Бильмейим...

Саба олмасына бакъмадан, кунеш пек къыздыра. Красноге киремиз. Даа бир къач кунъ эвельси бу ерлерде аят къайнай эди. Шимди исс эвлер бош ве сессиз, азбарларда тотлу сабанлар, араба копчеклери, артыкъ, кимсе кирип чыкъмагъан, яры девирильген араба къапылары...

Бир къора астында безз, лякин кирли бир копек, къулакъларыны тиккен, эски саиплерини таныгъан киби, къуйругъыны саллап, индемейип бизге бакъа. Копекте ойле бир бакъыш бар ки!.. Сагъымда старшина Васильев. Къара сакъалы ве гуръ мыйыкълары арасындан индже дудакъларыны бираз даа инджертил, куле.

— Танкларны гъайып этмеген олсакъ анавы копекни алыр эдим, — дей. — Энди пияде аскери оладжакъмыз. Пияде аскернинъ чеккенлерини копек биле чекип оламаз...

Сарышын Гриша исе умятсиз дегиль.

— Къайдан билесинъ? Бельки етмиш тонналыкълар кельгендир? — дей.

— Агъызынъны авагъа ач! Етмиш тонналыкълар кельгендже немселер бизни сагъ къалдырсалар пияденинъ пексиметине де шукюр этерсинъ.

Солумда Гриша. Чамур ве топракъ ичиндеки бетинде ялынъыз сшилъ козьлери ве къырмызы дудакълары белли ола. Янымдагъ айырылмай. Менден артта къалмамакъ ичюн кимерде чапкъандай ола. Агъызында туташтырылмагъан бир тютюни бар. Ич биримизде серник ёкъ. Тютюни бир сааттен берли дудакъларында. Ярысыны тишлеринен къопа-рып, тукюрди, о бир ярысыны дудакълары арасында эки тарафкъа ойнатып:

— Атеш тапып, тютюнимни якъмагъандже, бир чеким думан ютмагъанымдже раат олмайджам, — дей.

Буны эшиткен старшина Васильев:

— Акъылынга труп сыкъайым. Даа демин атеш ичинден чыкътынъ да тютюнинъни не ичюн якъмадынъ, эриф? Атеш керек олса немселерге бар... Олар санга атеш берирлер, — дей.

— Рус башы бу, старшина. Топракъ чокъ отъмегимиз ёкъ, аскеримиз чокъ танкымыз ёкъ, тютюнимиз бар сернигимиз ёкъ. Эр шей бир тамам олгъан олса Русие Русие олмаз эди...

Йигитлер ильк атеш ве барот къокъусундан сонъ сербестче лаф этмеге джесаретленелер. Даа эки афта эвель кимнинъ агъызындан бойле сёз чыкъта билир эди? Дженк оларнынъ юреклериндски урриет, шахсий урриет дуйгъуларыны уяндыра, гъалиба. Айткъанларыны эшитмегендай олам. Факъат, ичимден свинем. Меним къальбимнинъ де бойле ачыкълыкъкъа ихтияджы бар. Ким бильсин, бельки дженк бизге яхшы кунълер кетирир. Сагъда, солда, багъчаларда аскер группалары расткеле. Тереклернинъ астында, ешилъ чалыларнен орьтюльген топлар бар. Анда-мында ссийяр ашханелер тютейлер. Багъчалар артында, байырларда аскерлер окоплар къазалар. Базан, янымыздан тоз-думан къопарып арбий машиналар кечип кетелер. Бизим роталарга якъынлашамыз, гъалиба. Огюмиздеки багъчадан секиз — он адам чыкъты. Эписининъ сакъаллары бир къарыч, урбалары йыртыкъ, эписи зайыф, аджыныладжакъ алдалар... Адымламагъа тырышалар. Ким олгъанларыны бильмейим, лякин къызыл аскерлерге беиъземейлер. Элери артларына сып-сыкъ багълангъан. Чокъусы ялына-якъ. Бетлери мевта бстине бенъзсей, акъ кесильген, лякин эписининъ козылеринде бир гъурур окъуна. Оглеринде, артларында тюфекли, сюнгюли НКВД аскерлери. Меракъланам, янларына якъынлашам, сиялялы аскерден сорайым:

— 94-нджи танк батальонынынъ команданлыгъы къайда, аркъадаш?

— Бу ёл бойлап даа ярым саат кетингиз, ёлнынъ, сагъында, багъча ичинде.

Эллери аркъаларына багълы адамларга бакъып:

— Булар ким? — деп сорайым.

— Эсирлер, Польша субайлары.

— Оларны къайда алып кетесингиз?

Аскер чиркин бир тебессюмнен:

— Къасапкъа!.. — дей.

Олюмге алып кетилеяткъанларыны аңғалайым. Ичим сызлай.

— Я, къабаатлары неде?

Аскер кене куле ве кулер экен, къурназджа бакъышындан, козылеринде бир анъ яшнагъан шемшектен ичини, ичинигъ бутюн вахшийлигини аңғалайым.

— Аз геберттикми буларны?.. Къабаатларыны сорайсынъыз...

Артыкъ бир шей сорамайым. Олар багъчагъа кирип, терсклернинъ ешилликлери арасында козьден гъайып олдылар.

Аскерлеримге къайтам. Менден бир шейлер сорайлар. Аңғаламайым, динглемейим биле. Ичимде бир яныкъ бар. Ойле бир яныкъ ки, бутюн вуджудымны сарып, мийиме сокъула. Истер-истемез, бу миллет къальбинде хиянет ве зулумнен дюньягъа кельген, гъалиба, деп тюшонем.

Ёлдамыз. Ярым сааттен сонъ ёлнынъ сагъ тарафындаки вишне багъчасына келип киремиз. Чадыр огюнде майор рутбесинде бир политрук тура. Шишманджа, кунештен бети янган, багъырмакътан дуақылары копюрген бир кимсе... Къыяфетимизден джебэден кельгенимизни аңғалай, гъалиба, козылерини бизден айырмай. Мени башымдан аягъымадже джиддий козьден кечире. Сонъра янымызгъа якъынлаша. Токътап, кене манъа бакъа ве бирден къолларыны ачып, чапа:

— Садыкъ Туран! Садыкъ Туран!

Иван Александрович Шишков бойнума сарыла. Дженикнинъ бу адджы куньлеринде якъын бир адамгъа ихтияджым бар, гъалиба, Шишковнынъ мени бойле къаршыламасы къуwandыра.

Бой, омуз, кевде-эписи еринде. Козылеринде эм къуванч, эм де къаарь-къасевет окъулмакъта. Сол элинен, белиндеки, кемерине къыстырылган къылыфсыз тюфегини тутта, сагъ элини омузыма ата:

— Татарин! Татарин! Сени о танкларнен немселерге къаршы ботен ерде айдадылар. Факъат, сагъ-селямет къуртуладжагъынъдан эмин эдим.

— Эпимиз къуртуламадыкъ, политрук аркъадаш!

— Зарары ёкъ, олюмсиз дженк олмаз. Айды, кель, меним чадырыма кирейик. Бетинге яхшы этип бакъайым.

Чадыр янында тим-тик турган аскерге:

— Митька! Лейтенанткъа сув кетир! Тез ол, марш! — деп эмир бере.

Этрафтаки вишне тереклерининъ талдасында яткъан аскерлер бизге меракънен бакъалар. Чадыргъа киремиз.

Митька сув кетире ве Аккермандан чыккыкан купомизден берли биринджи кере эллеримни, бетимни сабунлы сувнен ювам.

Шишков:

— Ачсынъмы? — деп сорай.

Митьканынъ элиндеки тахта синиде пишкен сувукъ тавукъкы бакъам:

— Ачыммы? Хастандан кейф сорайсынъызмы?

Яшик устуне отурып, тавукъ ашар экенмиз, Иван Александрович чызмаларына бакъып нелердир тюшуне.

— Мен энди танксыз, аскерсиз не япадажъым, комиссар аркъадаш?

Достлугъыны косътермек истер киби лаф эте:

— Бакъ! Мен сени де, Сулейманны да пек яхшы субайлар оларакъ таныйым. Одесса окъув юртунда сизге буюк умуятлер багълагъан эдим. Батальон команданы да сизге ишана. Батальонда сенинъ киби, Сулейман киби адамларымыз бар экен, не партиямызнынъ, не халкъымызнынъ огюнде бетимиз кызыарыр...

Башыны огге эгип, тюфекке бакъа:

— Сынгъырдан бу ергедже немседен котек ашап кельдик. Лякин бу ер сонъу. Красное сонъки нокъта, Туран. Красноеде де турып оламасакъ бири-биримизни къуршунгъа тизмек керекмиз. Артымызда Днепрге чекилесткыкан эки дане къоджаман орду бар, Туран! Эки ордунынъ мевджутлыгъы бизим элимизде.

Шишков буларны айтыр экен, мен ичимден: “Алла бергейди де немселер эки афтагъа бармадан Москвагъа кирселер”, деп тюшуне эдим.

Шишков еринден тура. Бир эли эп тюфегинде, чадыр ичинде де анда де мында юре:

— Сулеймандан не хабер?

— Айны суальни мен сизге бермек истей эдим, политрук аркъадаш.

— Сулейманны сонъки кере Аккерманда коръдим. Вознесенскте берабер олгъан экенсинъиз...

— Кель, мен сангъа бир шей косътереджегич.

Чадырдан чыкъамыз ве политрук Шишковнынъ машинасында кой багъчалары арасындаки тозлу, оюкълы-чукълурлы ёл бойлап кетемиз. Эр ер аскер толукъ. Эр ерде азырлыкъ кете, эр ерде чапышма, багъырышма, гурюльти. Шишков этрафта кетесткыкан тедарикке бакъа. Мен Шишковнынъ бетине бакъам. Бети пек кедерли. Акъмессжитте онынъ козылеринде мен анылагъан о гизли макъсалны артыкъ, ичине сыгъдырып оламай. Бундан себеп, кяде бир

кьоркьугъа къапылгъан киби бир алгъа дёне. Котовск—Балта ёлагъында мудафаа туткъан генерал Максименкодан сёз ачмакъ истейим. Максименконынъ адыны анъмакънен ичиндеки бир ярагъа токъунгъан киби олам. Ченгелерини сыкъа, къырмызы мантлайында пармакъ къадар бир дамар къабара. Тишлери арасындан:

— Максименко... Максименко... — дей. — Юзь элли бинъ аскернен немселернинъ тарафына кечти. Ватан хаини. Онынъ киби инсанларны дегиль эсаретте, ер астында биле тапар, мейдангъа чыкъарыр ве джесасыны берирмиз.

Кульмек истейим. Генераллар душман тарафына кечелер, аскерлер комиссарларнынъ устюнден кулелер... Старшина Васильев, Гриша кибилер дженк этеджеклерми? Фурсат булсынлар бир... Олар да къачаджакъ. Кульмек истейим: Шишковгъа бакъып, шакъылдап кульмек истейим. Иште, не вакъыттан берли бизлерни титресткен рус-большевик акимиети козылеримизнинъ огюнде чёке.

Красноседен чыкъамыз. Асфальт шосседемиз. Эки байырнынъ арасында токътай ве машинаны сол тарафтаки байырнынъ этегинде ташлап, байыргъа тырмашамыз. Отсыз, чыплакъ бир байыр. Ашагъыда ешиллик ве ешилликнинъ артында къамышлы сазлыкъ. Къамышлыкъкъа якъын акъкъан сакин озенчикнинъ артында экин тарласы. Экиилер сараргъан, алтын башакълар хафиф рузгяр алтында джанлангъан киби, далгъаланалар. Эки килострге къадар узангъан тарла къаршыдаки къара ормангъа барып тиреле. Сагъда асфальт шоссе кунеш астында буз кесилген пенир киби парылдай. Бири-бирине багълангъан бу байырлар тизлери устюне чёкип ял алгъан девелер киби, та ормангъа узаналар. Шишков байырларгъа бакъа.

— Учюнджи байыргы коресинъми? — дей.

— Корем.

— Сулейман озь топчыларынен о байырнынъ артында.

— Душман уджюмини анги тарафтан беклейсинъиз?

— Самолётларнынъ берген малюматларына коре, душман къысымлары къаршыдаки орманда топланалар. Тюневин алгъан къарарымызгъа коре, Сулейман бугунъ саба озь топчыларынен байырнынъ артында позициягъа кечти.

Узун бир сукюнет асыл ола. Шишков:

— Сен не дейсинъ? — дей.

Огюмизде узангъан тарлагъа, ормангъа, байырларгъа бакъам:

— Красноседен пек узакъ ве ормангъа пек якъын бир ноқта. Биз тургъан ерде позициягъа кечкен олсалар, даа да яхшы олмаз эдими?

— Шоссеге яктын олмасындан себеп, бу ерни комбат да, мен де телюкели, деп сайдыкъ. Сулейман булунгъан байырнен орман арасында бир километрден зияде месафе бар. Сонъра душманны, тахминен учь саат атеш астында тутабиледжек къадар снаряждлары бар. Тарла авуч ичи киби пом-поз. Солда Сулейман, Красноедс бизимкилер; ормандан ич бир немсе башыны чыкъармаз, Туран. Чыкъсалар биле, орманныгь огюндеки юксекликкедже чыкъа билирлер. Юксекликнигь артындан башларыны котерип оламазлар. Немселернигь башы о къадар ахмакъ дегиль. Тарлагъа кирип, Красноеге уджюм этеджсклерине инанмайым. Уджюм этеджек олсалар даа яхшы. От киби чалармыз. Макъсад душманны бир афта орман ичинде тутмакъ, сонъра да Буг... Бу вакъыткъадже агъыр танкларымызнынъ кельмесине эминим. Бизге танк керск, сенигь танкларынынъ киби танклар дегиль, Т-34-лер, стмиш тонналыкълар.

Машинагъа отуруп арткъа, команданлыккъа къайтамыз. Алчакъ, тобан дамлы эвчикнигь огюнде бир къалабалыкъ бар. Тер ичинде субайлар ичсриге кирип чыкъалар. Ялынъыз, яралы субайлар индемейлер. Олар дженкнигь бутюн дешетини яшап кечиргенлер. Дюнъягъа ве аяткъа куськен, макъсадсыз инсанлар киби, индемейип тютюн ичелер. Эки аскер токътамадан, телефонлардан хабер алып, берелер.

Комиссар Шишков телефонгъа тараф кете. Мен къапыда аякъ устюнде туруп телсфонда лаф эткен Шишковгъа бакъам. Бираздан сонъ элинен ишмар этти. Мен янына бардым. Телефонны манъа узатып:

— Телефонда Сулейман, сенинънен лаф этмек истей, — деди.

Телефонны Шишковдан алып, трубканы къулагъыма кетирдим. Ичинден Сулейманнынъ сеси келе. Янымда тургъан Шишков эп манъа бакъа. Онынъ бакъышларынынъ артында кене хайндже бир макъсаднынъ сакълангъаныны корьген киби олам.

— Афу этинъиз, политрук аркъадаш, Сулейман ана тилимде лаф эте.

Шишков кулюмсиреп:

— Говори, говори, — дей ве харита башындаки команданларнынъ янына кете.

Телефонда Сулейманнынъ сеси эшитиле:

— Сенсинъми, Садыкъ? Не сусып отурасынъ?

— Меним, мен. Сен насылсынъ, Сулейман? Ватандашлар насыллар?

— Эписи яхшылар. Шимди янымдалар. Сенинъ акъкъында лаф этелер.

— Тюневин танкларымызнен немсе атеши астында къалдыкъ, мен беллесем, политрук анълаткъандыр. Еди танкчынен командалыкъкъа къайтып кельдим.

— Сеними сени беджериксиз! Политрук айтты манъа. Лякин сени трибуналгъа бердиртмейджек экен. Яхшы субай экенсинъ. Къабаатны сенде дегиль, сени душман топларына къаршы ёллангъанларда коре. Недендир бильмес, бу сонъ вакъытларда политрук Шишков сенинънен чокъ меракълана.

— Ойлеми?

— Ойле, шаир эфенди.

— Не ичюн шаир?

— Бизим яшлар, Аккорманда манъа берген дерсинъден сонъ, санъа шаир лейтенант, дейлер.

— Сулейман, булунгъан еринъиз душмангъа пек якъын олгъаныны билесинъ дегильми? Мукъайт ол!..

— Къоркъма, къоркъма. Атеш ачагъа эмир берильсин бир. Орманшы, ичиндеки немселернен берабер ернен эксан этерим. Айды, энди кетмек кереким.

Харита башындаки командалар одадан бирер-бирер чыкътылар. Шишковнынъ яшына бардым, берабер багъчагъа чыкътыкъ.

Акъшам олмакъта эди. Багъчаларгъа яван-яван сессиз къаранлыкълар чёкмекте эди. Ёл кенарларында, сачакълар астында пияде аскерлер къоюнларында севгилелерини къучаклагъан киби тюфеклерини къучакълап, ерде ята, ярынны ойлана эдилер.

О гедже политрук Шишковнынъ чадырында яттым. Мени уяндыргъанда ава даа агъармагъан эди. Шишков чадырдан чыкъты, кене къайтып кирди. Явантан, фысылдап:

— Самолёт сеслери... Эшитесинъми? — деди.

— Эшитем...

Красное устюнден кечкен самолётларнынъ гурюльтилери къальблеримизни алт-устъ эте. Шишков суса ве динълене. О сеслерде кенди келеджегини сезе, кенди келеджегинен лаф эте, бельки де ынъжынып агълай. Мен де индемейип Шишковгъа бакъам. Лаф этмейим. Тютюннининъ бирини сёндюрюп, дигерини якъа. Тютюн ичмесине бакъып, акъылындан келип-кечкен шейлерни анълагъан киби олам. Айны заманда онынъ тюшюнджелеринининъ меним тюшюнджелериме не къадар зыт олгъаныны ис этем. Шиш-

ковгъа бакъмагъа тырышам, Берабер бир чадыр ичинде булунгъанымызгъа ачувланам. Бизлер башкъа адамлармыз. Башкъа маядан, башкъа къандан. Биз бири-биримизге ич бир вакъыт къошуламамыз. Не ичюн бир чадырдамыз? Янымда Сулейманшынъ булунмасыны о къадар истейим ки!.. Шишков аля даа тютюн иче. Красноенинъ устюнде аля даа самолётлар гурульдейлер. Козылеримни къапатам ве башында черкез къалпагъынси Бекирни, бурюшюк янакъларындан козьяшлары тыгъыргъан анамны, эки букленген бабамны корем... Кой багъчаларында, чайырларымызда, дженнет киби багъларымызда, бостанларымызда кезем. Иште, мени яшаткъан шейлер. Иште, мени аякъта туткъан, мени бу шартлар ичинде биле аяткъа багълагъан шейлер. Шишков! буларны ичимден, къальбимден сёк, ал, аякълар астына ат!.. Шунда мен джансыз ве дуйгъусыз бир неснеге чевирилирим. Ич бир шейге кечмеген адам олурым.

Красноенинъ багъчалары артындан къып-къырмызы кунеш догъа. Шишков чадырнынъ къапысыны ачыкъ тапплап чыкъкъан. Онынъ чадырдан чыккып кетмесине аза-чыкъ къувангъан кибим. Аля даа коюмизнинъ теэссурутлары алтындам. Сини киби кунешке бакъып, коюмизде олгъанда айванларны чобангъа айдагъан саба мааллеримде Аювдагъыннъ артындан мавы кокке котерильген кунешни хатырлайым. Кунеш, айны кунеш. Лякин шу кунешнинъ айдышлаткъан топракънынъ къызынмасы башкъа, нефес алмасы башкъа. Чадыргъа Иван Александрович кирип келе. Къараманджа бакъа, лякин о бакъышларда къоркъу да ёкъ дегиль.

— Къач аскернен кериге дёндинъ, Туран?

— Еди.

— Къайдалар?

— Багъчадалар...

Четге тургъан сияяларгъа ишарет этип:

— Оларгъа сия бср, акъшамки байыргъа кетемиз. Бир сааттен сонъ бизим топлар атмагъа башлайджакълар.

Аскерлерни сияландырып, байыр тарафкъа ёлгъа чыкъамыз. Красноенинъ сокъакълары бош ве сессиз. Бугюн аят, санки, топракъ астына сакълангъан. Багъчалар четинде, чукъурларда, аскерлер уджюмге азыр туралар. Кимерде, эвлернинъ сачакълары алтында бир группа аскер йылан киби къыврылып, эвнинъ артында козьден гъайып оалатар. О бир янда, байырлар артында, ешил чалылар астында топлар тура, топлар артында чукъурлар ичинде топчы аскерлер эмир беклеп отуралар. Этрафнынъ сессизлигини къде

бир мотор гурюльтиси боза. Арада бир серт ве кыска команда сеси эшитиле. Биз йылышкан сайын сессизлик даа да теренлеше, дешетлеше. Красноенинъ бу сессизлиги манъа вахший бир орманны, аскерлер исе орман ичиндеки, бири-бирилерини богъмагъа, парчаламагъа къаст эткен кийик, вахший айванларны, къапланларны, шакалларны анъдыралар.

Ярым сааттен сонъ акышамки байырыннъ устюндемиз. Шишков саатине бакъып:

— Беш дакъкъадан сонъ Сулейманнынъ топлары атеш ачмагъа башлайджакълар, — дей ве дюрбинини козылери не кетирип, артында Сулейманнынъ топлары булунгъан байыргъа бакъа.

Иван Александровичнинъ янында юзюкююн узанам. Дакъкъалар манъа саатлер киби келе. Эр саниеси инсаннынъ юрегине ине киби баткан дакъкъалар. Байыргъа бакъам. Козылерим огюне Сулейман келе. Онынъ янында булунмакъ истейим. Кендими сучлы дуям. Сулейман манъа аятынынъ сайылы дакъкъалары къалгъан бир адам киби бакъа. Не ичюн онынъ янында дегилим? Янымдаки комиссар яваштан фысылдар киби:

— Яхшы бакъ, Сулейман атеш ачаджакъ, — дей.

— Ялынъыз Сулейманмы?

— Ялынъыз Сулейманнынъ топлары...

— Я, Красное багъчаларындаки топлар?

— Макъсад душманнынъ бутюн атешини Сулейманнынъ узерине топламакъ ве бойлеликнен бизим пияде аскер роталарымызгъа орман огюндеки юксекликлерни забт этмек фурсатыны бермек. Сулейманнынъ топларынен орман ичиндеки душман топлары арасында атеш диалогы ярым саат къадар сюресе ишимиз беш.

Буны яхшы анълайым. Комиссар Шишковнынъ макъсадынъ яхшыдан яхшы анълайым. Дюрбинимни ташлайым ве башымны саба кунешинен кыызгъан топракъкъа къоюп дува этем:

— Аллайым, Сулейманны къорчала! Сен, ватандашларымны къорчала, Аллайым! Сен садакъ къулларынынъ къорчала, Аллайым!

Сулейманнынъ топлары тильге кирелер. Джехеннсмей бир гурюльти.

Къара орманнынъ багърындан ренкли думанлар коте-рилсе. Сонъра мудхиш ингильтилер. Ингильтилерни богъгъан кенс де вахший гумбюрдилер. Дёрт-беш дакъкъадан сонъ орман бир январдагъ алына келе. Шишков эджанлы элини омузыма къоя:

— Браво, Сулейман! Браво, татарин! Ах, молодец, Ах, молодец, Сулейман!..

— Тра-та-та... Трак-та-та-та-та...

Автоматларнынъ къ узун, къ къыска атувлары арасында чукъурларындан атылып чыккъан пияде аскерлер уджомге кечелер. Орман аля даа янардагъ киби алев пускюре. Не ичюнدير къуванам. Сагъдан, солдан яры эгилип чалкъан пияде аскерлер сары экинлер арасында джоюлып кетелер. Орман яры яралангъан адждера киби улуй, джан дертинде тепинген бир айван киби багъырындан алевли нефеслер чыкъара.

Орман артында эки самолёт авагъа къотерилип, Сулейманнынъ топлары олгъан ерге учалар. Самолётларгъа бакъамыз. Бирден Красное тарафкъа бурулалар. Красноенинъ устюнде айланып, кене Сулейманнынъ топлары узерине къыйталар. Байырнынъ устюнден учар экенлер, самолётлардан бириси янтайып, орман ичине тюше. Буюк гудюрдинен берабер, ормандан кокке къап-къара бир думан котериле, думанлар арасындан къыврыла-къыврыла алевлер фышкъыра. Сулейманнынъ топлары бу мувафакъиетни алгъышлар киби, даа да кучлю гумбюрдейлер.

Тамам ярым сааттен сонъ байырнынъ огюне ильк немсе снаряды тюше. Дюрбини козылеринде, эп ормангъа бакъып тургъан Иван Александрович:

— Аха, немсе джевап къайтарды, — дей.

Эки дакъкъадан сонъ байырнынъ артында экинджи снаряд патлады. Шишковнен мен диккъятнен Сулейманнынъ вазиятини козетемиз. Учонджи снаряд сол къанаткъа ура. Сулейманнынъ атеши азачыкъ зайыфлаша. Шишков озь озюнен лаф эткендай, яваштан:

— Сулейманны макъаскъа алалар, копеклер, — дей.

Бунынъ манасыны аңламакъ истейим. Дёрт-беш саниеден сонъ байырнынъ артындан мудхиш бир атеш ве думан пердеси котериле. Бу янгъын не битеджекке бснъзей, не сёнеджеккес. Шишков:

— Иште, бунгъа макъас атеши дейлер, — дей.

Байыр артында топраклар атеш парчаларынен къарышып кокке савурыла. Огюме бакъам. Шишков эп озь озюнен лакъырды эткен киби, девам эте:

— Сулейманнынъ иши битти, артыкъ. Кимсе къурталмаз андан...

— Бир тюрлю чаре ёкъмы, комиссар аркъадаш?

— Ёкъ, бир тюрлю чаре ёкъ, Туран...

Иван Александрович орман огюндеки байыргъа ишмар этип косътерс:

— Шу байырны коресинъми?

Байыргъа бакъам:

— Эбет.

— Атеи шу байырнынъ артындан келе, деп беллейим. Душман топлары шу байырнынъ артында ерлешкен олмалы. Оларнынъ атеини кесмек ичюн бутюн экин тарласыны кечмек керек. Байырдан бираз солда кучюк бир байыр даа бар. Коресинъми?

— Эбет, корем...

— Шу алчакъ байырдан душман миномётларынынъ аркъасы корюне, деп беллейим. Лякин байырнен арамызда эки километрден зияде месафс бар. Экинлер арасындан, тизлеринъ, эллеринъ устюнде эки километр кете билирсинъми?

Дюрбинини козылеринден чексе, джевап къайтарам:

— Пек телюкели ве файдасыз. Сулейман аля даа атеи тюбюнде. Андан сагъ чыкъылмаз.

Арамызда къыскъа бир сукюнет асыл ола. Къаршыда думан, атеи ве топракъ багъаналары арасындан Сулейман магъа къызаргъан козылеринен бакъып, имдат беклегендай ола. Эллерим, аякъларым къалтырай. Къоркъам. Олюмден дегиль, Сулеймандан къоркъам. Джессаретсизлигимден къоркъам. Сулеймангъа ярдымгъа барсам биле, Сулейман:

— Бу вакъыткъадже къайда къалдынъ? Не ичюн бирден чапмадынъ? — деп ачувланаджакъ, магъа къычыраджакъ деп къоркъам. Дингълемейим. Юрегимде Сулейман бар. Менимнен лаф эте. Мени чагъыра. Ниает, Шишковгъа мураджаат этем:

— Изин берингиз, комиссар аркъадаш, мен барайым.

Комиссар Шишков куле ве омузларыңы силькип:

— Бар, — дей.

Байырдан сюйрекленип энем. Яныма яры эгильген алда Гриша келе. Менин джаны агъыргъандай лаф эте:

— Сен комиссаргъа не лаф этти, мен эшитти. Сен мени севмесз, э! Мен билир... Мен бир явур, э! Мен билир. Амма мен де Крымда догды... Мен де Кырымы север, татарны да чок север. Мен сеннен берабер кетер. Сен олер мен калыр, мен олер сен яшар. Лейтенант Сулейман меним де аркадаш...

Юрегимнинъ энъ терен кошслеринде бир севги пейда ола. Шимди бу сатырларны язар экеним, Гришаны хатырлайым. Гришанен берабер раметли Амст Озенбашлынынъ: “Къырым халкы чешит тюрлю чечеклерден ясалгъан десттир”, деген сёзлерини хатырлайым...

Янымызгъа Шишков келе ве баклашкасыны мангъа узатып:

— Ал, Садыкъ, сизге керек олур, — дей.

Алам. Байырдан энемиз. Къамышларны кечип, экин тарласына кирмезден эвель чалылар четинде тиз устю чёкип баклашканы Гришагъа узатам. Гришанынъ козылеринде эсджан ве къуванч пейда ола.

— А-а-а-а! Рақы... Сен мусульман, рақы ичмез, э! Мен билир, мен билир.

Ракъыны элимден, алып, къамышлыкъкъа кирип кетти. Мен аля даа тизлерим устюнде, бойнумдаки тумарны сым-сыкъ тутып, дува этем:

— Аллайым, сен бизни къорчала! Сен садыкъ къулла-рынъны къорчала, Аллайым!..

Кунеш къыздырмакътан къыздыра. Сагъымда Гриша, тизлеримиз, эллеримиз устюнде дёрт аякълап кетемиз. Гриша ара-сыра токътап озь озюнен лаф эте, кимерде насылдыр бир тюркю йырай.

— Мукъайт ол, Гриша, башынъны чокъ котерме, — дейим.

— Коркма, лейтенант. Немсе мени корьмез. Бак! — деп, башына такъкъан япракълары къуругъан бир чалы далыны косътерс. Гимнастеркасынынъ эр бир дёгме делигинде сары экинлер бар. Озю де къуругъан чалы киби юзюкююн йылыша. Кимерде токътап, бетининъ терини сюрте ве баклашкасыны мангъа узата:

— Сен де ич, лейтенант, — дей.

Ред этем. Мангъа зорлап рақы ичирмек истей. Саргъущ инан олюмден къоркъмай экен.

— Ёкъ, Гриша, — дейим, — Ракъыны энди сакъла... Красносге къайткъан сонъ берабер ичермиз.

Разы ола ве ёлумызны девам этемиз. Кимерде бир башымны котерип, артында Сулейман булунгъан байыргъа бакъам. Душман атеши бираз хафифлешкен. Факъат аркъадашларымызнынъ вазистлерини козь огюне кетирсем эр срим къалтырай...

Экин тарласынынъ четиндемиз. Огюмизге ем-сшиль тюземлик, уфакъ бир байыр чыкъа. Токътаймыз. Теримни силп:

— Азырсынъмы? — дейим Гришагъа.

Гриша яныма бираз даа якъындаша, алчакъ, лякин эсджанды бир сеснен:

— Мен азыр, лейтенант, мен азыр. Амма экимиз кетмез... Ер ачыкъ. телюке бар. Башта мен кетер, сонъ сен келир. — дей ве джевабымны беклемеден огге атыла. Тю-

землики йылдырым тезлигинде кечип, байырнынъ ёкүшына ята. Мен даа экиндерининъ ичинде олгъанымда бирден атеш кесиле ве этрафны терен, агъыр сукюнет къаплап ала. Кимерде бир, башымны котерип, Сулейман ве топчылар булунгъан байыргъа бакъам. Топракънен къарышыкъ бир барот думаны сельби бою котерилген сонъ инджелепинджелеп экин тарласына чёке. Гриша автоматынынъ янында къыбырдамайып, олю киби ята. Ичиме къоркъу кире. Тизлерим къалтырай. Тамам шу анъде Гриша мангъа айланып, элинен кель деп ишмар эте. Айны сурьатнен тюземлики кечип, Гришанынъ янына барып ятам. Фысылдар киби:

— Коресинъми? — дей.

Корем. Солдаки байырнен орман артындаки тюземликте учъ дане душман миномётыны коре. Эр топнынъ башында дёрт-беш аскер бар. Аскерлерининъ чокъусы тиз чёккен. Бир къачы аякъ устюнде. Бир къач аскер де чапа-чапа, ормандан снарядлар ташыйлар... Къалтырагъан эллеримнен автоматымны атеш ачмагъа азырлайым. Гриша индемейип немселерге бакъа. Бираз артта олгъаным ичюн бетини корип оламайым. Явагъан сарайым:

— Азырсынъмы, Гриша?

Мангъа чевирилип бакъа. Беяз тишлерини косътерип кулюмсирей:

— Мен азыр, — дей.

Атеш ачмагъа эмир берем.

Къыскъа, къырыкъ, вахший бир гурюльти. Бешинджи миномётнынъ янында тургъан эки немсе бирден ерге сепиле. Экиси де башларындан урулдылар, гъалиба. Къыбырдамайлар. Къыскъа автомат невбети даа. Эки сание сессизлик ве сонъра узун автомат невбети. О бир топлар янындаки немселер шашмалайлар, ормангъа къачалар. Гриша шу анъ автоматынен тикиш тиккен киби чалышып, инсан вуджутларыны тике. Бираз арткъа чекилем. Гриша элиндеки джэннем оюнджагъынен, бутюн дюньясыны унутып, токътамадан атеш ача. Бир яндан да:

— Сен кет! Кет! — деп багъыра.

Гришаны ташлап, Сулейманнен топчылар булунгъан байыргъа тараф чапам. Сулейманны къуртараджагъым, деп ичим къуванчкъа тола. Бу къуванчнен Сулеймангъа сарыладжагъым:

— Баласынъ сен. Сен урушмакъ дегиль, ананънынъ этегинден тутып, юрмек керексинъ даа, деп Сулеймангъа эришеджегим.

Байыргъа якъынлашам. Байыр артындаки топлар янын-

да кимсё ёкъ. Топларны ташлап, къачтылармы, аджеба? Байырдан. Энди топларны даа да яхшы корем. Къопкъан бир копчк, топтан дёрт метр авлакътa ята. Байырдан энем, адам къыдырам. Кимсё ёкъ. О бир топкъа чапам. Топтан он-он беш адым узакътa эки, учь... дёрт джесет ята. Янларына барам, бетлери къоркъунч. Дигерлери къайда? Этрафта терен сукюнст...

Токътайым, динълснем. Дерсинъ, янымдаки олюлер де менимнен берабер динълснелер. Узакътан бир инъильти эшитилс. Узун ве гъарип бир сес. Кяде, бирден кесиле, бир-эки саниеден сонъ кенс: “О-о-о-ф, о-о-о-о-ф!” деп туттыра. Сес кельген тарафкъа чапам. Авдарылгъан топнынъ янында аякълары къан ичинде бир яралы ята. Янына барып тиз устю чёкип сорайым:

— Команданынъыз къайда?

Элинен сагъ тарафкъа ишарет этс.

— Быракъма... быракъма мени, лейтенант! Я, мени мындан алып кет, я да ольдюр!

— Къоркъма, къоркъма, сени де алып кетеджегим. Команданынъыз къайда?

Кене элини узата:

— Анда, лякин сен анда барма. Сени де ольдюреджеклер..., барма...

Яралы не айткъаныны пек яхшы бильмей, гъалиба. Этрафыма бакъынам. Он беш адым авлакътa эки дане тахта ящик козюмс илишти. Яралы яшиклерни косътерип:

— Анда... Быракъма мени, лейтенант, — деп ялвара.

Яралыны ташлап яшиклерге тараф кетем. Эки ящикнинъ арасындан чызмалы эки аякъ корюнс. Якъынлашам. Шимди чызмаларнынъ субай чызмасы олгъаныны яхшы корем. Коксюм ичинде юрегим токъмакъ киби ура. Сулсйманмы? Яшиклерни авдарам. Эки ящикнинъ арасында, ерге юзюкъоюн йыкъылгъан, башы къан ичинде ята. Сулсйманнынъ джессединден сскиз — он адым авлакътa ян-янаша тизильген киби яткъан секиз олю даа бар. Оларнынъ янына барам. Эй, аятта къалгъан ве шимди: “эвлядым къайда?” деп агълагъан, ана, бабалар! Бу сатырларны язгъаи элимнен о куню гузель юзлю эвлятларымызнынъ козылерини къапаттым. Иште, акъмесджитли Асан, дуванкойлю Мемет, ускютли Керим ве Зекки, озенбанлы Халиль, ялталы Усни, Халит, Бекир, кезлевли Осман...

Сулсйманнынъ джесседини оларнынъ янына кетирдим ве араларында тиз чёкип не къадар вакъыт агълагъанымны бильмейим, узакътан кимдир багъырды ве мен озюме кельдим. Къысыкъ бир сес:

— Эй, кельген тарафынға кет! Айды, чабик ол! — деп багыра эди. Башымны котерип ссс кельген тарафкыа бакътым. Йигирми беш адым узакълыкъта мангъа догърултылгъан тюфекни абайладым. Деръал еримден турдым. Бир взвод къадар аскер чѣмсельген вазиятте, автоматларыны мангъа чсвирип, тим-тик бакъа эдилер. Араларындан бири-си, деминки ссс, кене багырды:

— Деф ол, къара татар! Ёкъса, сенинъ лешинъни де янына серсерим. Бар, политруккыа айт, бизим ичюн дженк битти!

Этрафымда олып кечкен шейлернинъ фаркына барып оламадым. Чукъурдаки аскерлерге тараф адымладым, шу анъ къулагымнынъ тюбюнден бир къуршун вызылдап кечти. Деръал ерге яттым. Деминки ссс куфюр сѣзлер айтып, артындан бир къуршун даа вызылдатты. Арткыа чскилип, экишлер ичинде гизлендим. Гришаны ташлагъан байырма ашыкътым. Солумда къара сачлары мангъалайынна япышкъан бир баш, ве шу башны тапчыгъан зайыф бир кевде корьдим. Бу шей гедже олгъан олса бир къашкыыр корьдим деп беллер эдим. Бу адамнынъ узун бетинде, парылдап янгъан козылерининъ гъарип бакъышларында о къадар айванджа бир шей бар эди ки, деръал тапанджама япыштым:

— Сен кимсинъ?

— Мен сенинъ адамынгъым, агъай...

— Къыргъызсынъмы?

— Къыргъызым, адым Къылычбай.

— Яралысынъмы?

— Джокъ.

— Насыл къуртулдынъ?

Ерге отурды, яшлы козылерини ерге тикип:

— Немселер атеш ачар-ачмаз топны ташлап къачтым. Явур руслар ичюн дженкленшмеге смин эттим. Не ичюн олар ичюн дженкленшеджегим, агъай?... — деди.

— Сен мангъа команданыгынынъ насыл эляк олгъаныны агълат!

— Мен бу ерден корьдим: командан душман къуршунындан эляк олмады, агъай. Илък атеште бизим мусульман йигитлер эляк олдылар. Душман атеши бираз сакинлешкен арада командан аркъадаш джесетлерни бир ерге топлады... Сонъра, сол къадаттаки руслар баш къалдырдылар. Команданны атешке туттылар. Бичаре, къайда сакъланаджакъыны билип оламады. Дѣрт бир тарафтан сыкъыштырылгъан ав айваны киби чарссиз алда эки бош ящикнинъ арасына сокъулды ве анда... пичлер, команданны къуршуладылар.

Кыргыз Кылычбайнын эр сёзю юрегиме ханджер киби саплана эди.

— Не ичюн ярдымга бармадын?

— Не япа билир эдим, агъай? Не япа билир эдим? Янымда сила биле ёкъ.

Суусты. Башыны эки авучынын ичине комьди:

— Энди оларнын гуняхыны мен чекеджем...

Кылычбай бала киби окюр-окюр агълай эди. Янына бардым, элимни омузларына кьойдым. Онын козьашлары манга Сулейманнын ве дигер ватаандашларымнын олюми кьадар тесир эттилср. Биз индмейип бири-биримизнин бетимизге бакьып отургьанда Гриша булунган байырда снаряд патлады. Байырга бакьтым. Гриша байырдан ашагыга чапа. Экинлсрге далмаздан эвель сагъ тарафында даа бир снаряд патлай. Гриша ерге юварлана, еринден туруп кене экин тарласына чапа. Солунда даа бир снаряд... эки, учь, дёрт... Ренкли думанлар ве авагъа котерильген топракьлар арасында Гриша козьден гъайып ола... Лякин атеш чокькьа сюрьмей. Атеш кесильгенинен Гришага тараф чапам. Снарядлар ачкьан чукьурларда Гришаны кьыдырам. Чукьурларнын биринде кьанлар ичинде Гриша ята. Кучюк козьлери не кьадар ирилешкен, чиркин бети не кьадар гузеллешкен! Бичаре Гриша! Аля бугуь козьлеримнин огюнде тура. Башы тизлеримде, козьлеримнин ичине бакьып:

— Сен кельди, лейтенант, сен кельди. Мен оледжек, оледжек, — дей.

Кылычбай чокь тюшюнуп отурмадан кольмегини чыкьарды. Гришанын аякьларыны сарды. Кольмекнин устюнден кьушагымыны багъладым ве Гришаны Красноге алып кеттик. Красноге кирмезден тозлу ёлда кеткен кьызыл хач арабасыны расткетирдик. Арабаларнын биринде бети тобаннен орьтюльген бир вуджут ята эди. Чып-лакь, шии ве мор аякьларында кьуругьан кьанларыны чибинлер эме эдилер. Арабаджы бизни корьмген киби, тююн сара эди. Медсанчасть кьайда, деп сорадым. Башыны саллап, сагъ тарафта, багьчалар ичинде, алчакь, тобан дамлы бир эвчикни косьтерди. Ёлнын о бир тарафына чыкькьанымызда, багьчадан чыкьып, бизге тараф кельген Шишковны корьдим. Янында манга таныш олмагьан бир кьач субай даа бар эди. Шишковнын бети гьаст асыкь эди. Пек джиддий корюне. Янымызга кельдилср. Шишков:

— Яралы ким? — деп сорады.

— Гриша... Менимнен берабер кеткен...

Сонъра Къылычбайгъа бакъты:

— Бу къара шей де ким?

— Сулейманнынъ ротасындан...

— Ялынъыз о къуртулдымы?

— Ялынъыз о...

Гришаны санитарларгъа теслим этип, команданлыкъ-къа кеттик.

Красное мудафаасы бутюн хатыраларымнынъ арасында дженкнинъ энъ къанлы фаджиясы оларакъ къалды.

(Девамы бар).



ГЪАЛИП ОРДУНЫНЪ АСКЕРИ

(“Йыллар ве ёллар” эсеринден парча)

1944 сенеси. Сентябрьнинъ биринджи кунълери эди. Ава сыджакъ, тереклерде япракъ тепренмей. Иштыхан-Митан топракъ ёлунен келип район памукъ къабул пунктына етмеден токътагъан юк машинасы озю котерген тоз булуты ичинде къалды. Машинадан тёкюльген ёлджылар тоз булуты синъген сонъ яваш-яваш таркъаштылар. Ёлджылар арасында юз чересине бакъкъанда бизимкилерине ошагъан бир ябанджы бар эди. О эски аскер гимнастеркасы ве галифе кийген, аякъларында чизма дегиль де, парусина папичлер бар эди. Сач, сакъал оськен, къара, гуръ перчеми манълайындан козьлерине саркъа эди. Машинадан тюшкен ёлджылар къабул пункты алдындаки адамлар арасына къарышып кеттилер. Ябанджы исе ёлнынъ бу тарафына отип чайханеге догърулды. Омузындаки аскер торбасыны ве къолундаки къышлыкъ аскер шинелини чарпаянынъ къоллугъына ташлады. Шинельнинъ омузларындаки погонлардан бири ачыкъ салынып къалды. Бу къара тёшемели танкчылар погону устюнде дёрт дане кичкене йылдызчыкълар йылтырап тура эди. Ябанджы бираз вакъыт тикке туруп о якъ бу якъ къарагъан сонъ сув хаузына тараф адымлады. О бети-козюни ювмакъ, тоздан арынмакъ ниетинде олса керек. Ябанджынынъ арекетлерини козь этип тургъан чайханеджи о хаузге барып етмезден: “Эй, солдат, там умыться нельзя!” — деп бакъырды. Ябанджы токътады, чайханеджиге айланып бакъты. Чайханеджи онъа бинанынъ о бир тарафында тургъан умывальниклерни косьтерди. Ябанджы анълады. О умывальникке янашып ашыкъмайып элини-бетини ювды. Бу ерде агъач къазыкъъа асылгъан юзьбезге бакъты. Юзьбез чокътан ювулмагъан къара мешин тюсте эди. Скюртюнмеден келип озь торбасындан юзьбезини чыкъарып бир тыныш аякъ устюнде скюртюнип, боюныны, энъсесини окъалап турды.

Ябанджы бир арпа питесинен бир кичкене чайник кок чай ичкен сонъ чокъ вакъыт кечирмей турды. Чайханеджиден базаргъа къайсы бир сокъакънен барыла, къасабанынъ меркези,

район идаре биналары анги бир сокъакъларда олгъаныны сорап бильди.

О Митан къасабасыны экиге больген, кень топракъ ёлнынъ устюне асылгъан юксек чинар тереклерининъ талдасынен юкъары догъру кете эди. Яваш-яваш кете, этрафкъа козь ташлай, къаршысына раст кельген адамлар арасында таныш-билиш, семетдеш къыдыра эди. Чокъ кечмей къаршысына келеяткъанлар арасында кийими ве юзьчересине бакъкъанда бизим халкъымызгъа менсюп бир къадынны токътатты. Бири-бирине эгизлер киби бенъзеген огъланчыкъларнынъ къолларындан тутып кеткен къысаякълы сокъакътан чекилип токътады. Ябанджы онъа якъын барып — Багъышланъыз, — деди, мында Фотисала, я ки Гавир койлеринден кимселерни бильмейсизми?

Къысаякълы бираз сусты, ябанджыгъа башындан аягъына къадар козь ташлагъан сонъ. — Бу районда бизим койлерден чокъ эдик. Шимди 8—10 къоранта къалдыкъ — деп, къысаякълы ябанджыгъа даа зияде якъынлашып дикъкъатнен юзюне къарагъан сонъ:

— Олан, сен Абдулмейин дегильмисинъ? — деди.

— Меним, Абдулмейиним, янъылмасам сиз Сайде апте, Мухтеремнинъ анасы-Сайде олсанъыз керек, ойлеми? — деп, Сайде аптени къучакълап багъырына басты. Сайде апте де балачыкъларнынъ къолларыны йиберип Абдулмейинге сарылды. Олар апте-къардашлар, тувгъанлар киби корюштилер.

Сайде апте Абдулмейинни сагъ-эсен корьгенине акъикъатта джан-юректен севинди. Дигер тарафтан исе юреги буз ичинде къалды. О озь-озюне "бу гъариппинъ озь къорантасынынъ такъдириден хабери бармы, экен-деди. Я барып да, шимди сораштырып башласа, мен не дерим, неден башларым... деп къасеветлене эди. Сайде апте къара хабер айтмакъны, эр кишининъ козьлеринден ынджынув яшлары кельгенини корьмек истемей эди.

Сайде апте, яшы эллиден отькен, лякин даа джесаретини джоймагъан, къатты ирадели бир ана эди. Койдешлернинъ айткъанларына коре, о еди баланынъ анасы. Дженктен звель колхозда энъ корюмли ударниклерден бири. 1939—40 сенелери Бутюн Иттифакъ кой хозяйствосы сергисини зиярет эткен Къырым АССР делегациясынынъ азасы эди. Онынъ буюк огъланлары: Мухтерем 1940 сенеси, экинджи огълу Эскендер исе дженк башламаздан эки ай звель ордугъа кеткен эдилер. Къорантанынъ бабасы — Мемет агъа 1941 сенесининъ кузюнде район активлеринен бирликте дагъгъа кеттилер. Ондан бери Мемет агъадан хабер-тебер ёкъ. 1942-нинъ январында Акъмесджит—Алушта ёлу устюнде, Ангара кечитиндеки "партизан

урушларында эляк олды" деген, ызым-сызым лафлар акъикъат олса керек.

Сайде апте аслында акъикъый инсан олгъаны мында, сюр-гюнликте беян олды. О сюргюнликнинъ биринджи кунълеринден башлап чешит мушкюллуклерге огърагъан койдешлерине элинден, тилинден кельген эр тюрлю ярдымны аямай. Сайде апте бу этрафта учь колхоз боюнджа халкъымыздан чаресиз къартларны, кимсесиз хасталарны ве етим къалгъан балачыкъларны, эр кунь дегендай ёкълай, олардан хабер ала. Ёлда къалгъан балачыкъларны вакътынджа олса да, эвине алып бара, усть-башларыны юва, тапкъанына коре ашата. Детдомгъа алып кетилген балачыкъларнынъ эсабыны тутта. Оларнынъ акъикъый адларыны, сойадларыны, тувгъан акърабаларынынъ адларыны язып ала. Базы бирде "Сайде апте, бу да кимге керек?" дегенлерге: "Акъылсыз олма, илери бакъ, бу балаларны биз, бир кунь келеджек, къыдырып тападжакъ, къайтараджакъмыз!" — дей. Давушыны бираз сакинлештирип: "Сен не дейсинъ биз халкъымызнынъ бойле адсыз-адрессиз, ботен ерде ёкъ олып кеткенине бакъып тураджамызмы? Корерсинъ бизим йигит эрлеримиз ордудан къайтып кельсинлер, э...эй... О ватан ичюн даа не давалар, насып къавгъалар оладжакъ, корерсинъ алем шашаджакъ!" — дей эди. Табий Сайде аптенинъ джесаретине джесарет къошкъан онынъ ярдымджылары: буюк къызы Муневвер, он алтыгъа кирген Рустеми ве дигер кенди эвладлары эди. Азбар саиби инсанпервер, узбек къадыны Гулхан апа да, Сайде аптеге бир ябан, кираджы къадын, деп бакъмай, чин юректен ярдымлаша эди.

Сайде апте Абдулмейинни ильки кере 1936 сенеси корьген эди. О Ялта оджа Юртыны битирип Фотисала коюндеки татар орта мектебинде оджалыкъкъа тайинленди. Дженкке къадар мында яшады. Бу койден къыз алып эвленди. Абдулмейин оджа къыскъа вакъытта кой джемаатынынъ самимий севги ве урьметини къазанды. Онынъ омюр аркъадашы Зейнеп койнинъ энъ дюльбер, ишкыр ве окъумыш къызларындан эди. Кой джемааты Зейнепни 7-джи сыныфны битирген сонъ мектепке къадар балаларны тербиеджилери курсына ёллагъан эди. Бу курсларны мувафакъиетнен битирип кельген Зейнепни колхоз балалар багъчасына мудир тайинледилер. Бойледже эки болюк фотисаланынъ 220 ханеден ибарет джемааты озь балаларынынъ тербие ве тасилини бу яш, аджайип айлеге: Абдулмейин оджагъа ве онынъ омюр аркъадашы Зейнепке авале эттилер. Джемаат янъылмады. Балалары бир къусурсыз тербиеленди ве мувафакъиетли окъудылар. Аллах-таала бу къорантанынъ озюне де эки огълан ве бир къыз эвлад багъышлады.

1941 сенеси дженк башлагъанынынъ экинджи куню эди.

Джебэ ёлагына кире эсапланган Кырым ярим адасында генераль сеферберлик тедбирлери башлады. Аскерге чагырылганлар арасында Абдулмейин оджа да бар эди. Кой совети реиси Мемет Къуртамет мейданга топланганлар арасындан Абдулмейин оджаны кенарга чагырып: "Абдулмейин, сен чагырув кягытынъны манъа бер. Мен сизлер келип еткендже Арбий Коммиссарлыккыа киреджем. Санъа оджа оларакъ "бронь" ляйкъ, мен оны ресмийлештирейим" деди. Абдулмейин буюк бир саф гонъюлликтен кулюмсиреп: — Чокъ сагъ олынъ, эр кес джебэге кеткен койде мен не юзынен юреджем. Ойле олмаз мен эр кеснен бир кетмек кереким, — деди. Къарт теджрибелери реис:

— Сен оджасынъ, дженкми, тынчылыкъмы, балалар окъумакъ керек. Бу омюр къануны, Абдулмейин, сен яныласынъ! — деди.

— Ёкъ, Мемет агъам, шимди язлыкъ татиль кунълери. Балалар раатлана. Яны окъув йылы башлагъандже бизлер келирмиз деп, кулюмсиреди, Абдулмейин оджа.

Бу лафлардан сонъ Абдулмейин оджа койдешлерини озгъарып чыкъкъан кой-джемаатынен, озъ тувганлары киби эр биринен айры-айры къучакълашып савлыкълашты, эяллашты. Сонъра учъ эвляды ве омюр аркъадашы Зейнепни, эпсини бирликте къучакълап къайта-къайта юзьлеринден опти.

Кузовлары рыкъма-рыкъ чагырылганларнен толукъ машиналары энди кочъмеге азырланган эдилер. Абдулмейин буюк бир эйджанле сонъки машинага етип минди. Ярынки дженкчилер толышкъан дёрт юк машиналары Бельбек озени устюндеки агъач копюрге еткендже оларны озгъарып чыкъкъан джемаат, къолларыны саллап, козьяшларыны сюртип къалдылар. Сайылы йыллар ичинде олып откен бу аят левхалары Сайде аптенинъ козьлери алдындан бу дакъикъада бир кино лентасыдай отип кетти. Алла биле о нелер-нелер даа хатырлады. Хатырламакъ ичюн чокъ теляшлы, фаджиалы вакъиалар да бар эди.

Кырымлы сюрдюлер кельгенинден бери, район боюнджа оларнынъ арасындан кунъде учъ-дёрт, базан 5—6 ерде дженазе чыкъа. Къабир къазмагъа, чареси, дженазе джиймагъа джуръаты олган къалмайята. Мевталар бу сыджакъта невбет беклеп 2—3 кунъ эвде къала. Етим балачыкъларнынъ сайысы кунъден-кунъ артмакъта. Олар ач чыппакъ ёллар бою къаравсыз юрелер. Геджелери исе диварлар астында, базарда бештахталар устюнде геджелейлер. Сайде апте бу умумхалкъ фаджиясынынъ ичинде юрген, корип янып куйген, эр джеэттен ярдым этмеге ынтылган эки-учъ адамдан бири эди. Лякин шимди аякъ

устюнде, Абдулмейиннен биринджи расткелиште бу фаджияларны анъмакъ сыра дегиль эди.

Абдулмейиннинъ Сайде аптенен сокъакътаки субети узакъ сюръмеди. Сайде апте бундан учъ кунъ эвель МГБ-нинъ район боюнджа опер темсильджиси-майор Матохинге къабулгъа язылгъан эди. О саат 11-ден кеч къалмай барып етмек керек. Абдулмейин исе къорантасыны бундан дёрт ай эвель къырымлы сюрпонлерни район колхозларына такъсим эткенде "Озгъарыш" адлы колхозгъа алып кеткенлерини Сайде аптеден анълады. Шубесиз Абдулмейин де озъ ёлуна ашыкъа эди.

Сайде апте Абдулмейиннинъ къадыны ве балаларындан кимсе къалмагъаныны биле эди. Бир кереден ачыкъ айтамады. Бу ерде уйгъунсыз дурумда къалгъаныны сездирмей:

— Абдулмейин, мен къабулгъа ашыкъам, бу етимлернинъ такъдирини чезмек керек, бельки балалар эвине йиберирим. Эгер къабулгъа кечиксем даа бир афта беклемек керек оладжакъ. Абдулмейин индемей балаларгъа бакъып тура эди. "Балалар эви" "етим" сёзлерини эшиткенде юреги ирий, юзю агъара эди.

— Я бу кимнинъ огъланчыкълары? — деди Абдулмейин, балаларны охшап-эгизлердай бири бирине ошайлар.

— Олар агъа-къардашлар, бу — Диявер, деди Сайде апте, буюгине косътерип, яшы едиге кете, Энвер исе бешни битирди. Балалары бухгалтер Халиль койде гизли тешкилятынъ ребери эди. 1943 сенесининъ кузюнде гестапо якъалап аткъан эди. Балаларнынъ анасы Фатманы кечкен афта джыйдыкъ, деп Сайде апте кокюс кечирди. Балалар исе Абдулмейинге бакъып сусып тура эдилер.

Сайде апте балаларнынъ къолчыкъларындан тутып:

— Айды, Абдулмейин, мен савлыкълашмайым, сен догъру бизге бар. Бу ерден учюнджи аралыкъ Ахунбабаев сокъагъы, 5. Муневвер звде, сув къыздырыр, эль бетинъни юварсынъ. О ерде бербер тюкяны да бар, берберлер арасында бир козю багълы йигит бизим балалардан. Сач сакъалны да бир шей этерсинъ. Я бизнен кетесинъми. Коменданткъа да кирермиз?

— Ёкъ, мен эки айдан бери о джанаварларны корип тойдым. Бармайым, къана къасаба бою кете береим. Бельки сизге де кирерим, деп савлыкълашты.

Сайде апте ичинден: "Шукюр раббиме Абдулмейиннинъ къорантасы акъкъында къара хаберни биринджи олып юзюне айтмакътан мени къутарды" дей дува эте эди. Лякин видждааныны нелердир тырмалай, яланджы олдым, деп озъ-озюни азаплай эди.

Акъикъатта Абдулмейин сонъки эки ай ичинде Ташкент, Андижан, Фергъана улькелерининъ сюргюнлер ерлештириль-

ген районларындаки бутюн колхозларында олды. О сюрдюнер устюнден бу диспотик режим къаиделерини амельге ашыргъан комендантларнынъ аман-аман эписини озъ козюнен корьди. Майыс 18-ге къадар Гъавир коюнде яшагъан ана-бабасы ве аскерге чагъыргъанда Фотисала коюнде къалгъан къорантасынынъ такъдиринден хабер алмакъ ичюн яры Узбекистанны айланып чыкъты. О сонъки учъ афта ичинде Бекабадда олды. Бир къач койдешлерини расткетирди, оларда къонды. Мында пек чокъ семетдешлерини, бу джумледен анасы, бабасы ве эки къыз къардашларыны къыска вакъыт ичинде ачлыкъ, хасталыкъ ве инсан чыдамаз шараитта, комендант зулумы астында олюп кеткенлерини анылады. О пек афакъанланды, янды, куйди. Бир кунъ, озю киби миллети себебиле совет ордусындан аджеле суретте бошатылгъан къырымтатар офицерлеринен расткелишти. Олар да озъ къоранталары изинден Бекабадкъа кельгенлер, лякин къоранта азаларындан ич бири сагъ къалмагъан эди. Озь ана-бабалары ве аилесининъ дигер азалары устюнден, бутюн халкъына нисбетен бу зулумны корьген сабыкъ дженкчилер Бекабад спецкомендатурасында бир акълы дава котердилер. Озь джинаетлерини акъкъа чыкъармагъа тырышкъан комендант, опер ве дигер азманлар бир группа милиционерлернинъ къолунен оларны КПЗ-ге сурип къападылар. Невбетнен чагъырып дегген сонъ айры-айры бир адамлыкъ уджрелерге къападылар. Бутюн бу акъарет ве акъсыз резалеттен сонъ бу "хулиганларгъа", эр бирине 15 суткадан арест берилгенини илян эттилер. Бу вакъиада оларнынъ шахсий документлери ве джебздеки арбий джесаретлери ичюн такъдирленген орден ве медаллерини де алып къалдылар.

Абдулмейин бу фелякеттен сонъ кене ёлгъа чыкъты. Сагълыгъы осаллашкъанына бакъмай Джизакъкъа кельди. Джизакъ-таки татар къоранталарында бир эки кунъ къонды. Оксюрмеси зувур эте, атта тюкюргенде къан келе эди. О, бир ерде токътап ерлешсем ятып къалырым деп къоркъа ве къорантамны тапмай токътамам, деген къараргъа келе эди.

Абдулмейин Сайде аптенен расткелишкен сонъ бираз чийленди. Къасаба бою кете ве озъ озюне: "Сайде апте не ичюндир меним звлядларым ве Зейнебимнинъ сагъ-эсенлиги акъкъында бир шей айтмады". О чешит фикирге келе эди. Бельки эки къысаякълы арасында бир опыкели ал олгъандыр, Сайде апте бир шейге ынджынгъандыр. Ондан себеб Зейнебим акъкъында истексиз лаф эткендир. Ич ынджынмайым бу атик, дюньядан хабер олгъан алидженап къадын бу ерде, 21 км месафедеки койдешинден эки афтада бир хабер алмасын... учъ айдан бери олю-тирисини бильмесин... деген фикирлер Абдулмейиннинъ гонълюни эзе, раатсызлай эди.

Сайде апте опер темсильджининъ одасында бираз эгленди. Майор Матохин Сайде аптени динълеген сонъ "Бу кунълерде балалар эвине даа бир группа татар балачыкълары йибермек къарарына кельдик, бу эки огъланчыкъны мутлаккъа джедвельге къошармыз" — деген сонъ да Сайде апте опернинъ якъасыны бошамады. О, энди учъ айдан бери балалар эвине йиберильген дёрт-беш группа балалар къайда, къайсы бир шеърлерде олгъаныны, балалар эвлерининъ адреслерини бильмек истей эди. Ондан да гъайры бу эки бала: Диливер ве Энверни озъ сой ядына яздырмакъ ниетини оперге сёйледди. Опер Сайде аптенинъ бу теклифине пек меракъланды. О ялма кюлюмсиревнен:

— Меншаева, бойле тедбирнинъ кимге кереги бар? — Менимдже бу муреккеп бир меселе. Сайде апте сакин бир сеснен:

— Билесизми, бу пек керек бир тедбир. Бу балаларнынъ бабасыны гестапо атып ольдирди. Аналары исе раметли акъсыз сюргюнликте эджельсиз олип кетти. Тувгъанлары да олип биттилер. Мен балаларны озъ адыма яздырсам бир-эки йылдан Кырымгъа къайткъанда бу балаларны озюмнен алмагъа ве баба Юртларына алып бармагъа акъкъым ола. Мен беллесем сиз бу къадар саде шейлерни фаркълайсыз, — деди Сайде апте. Майор еринден турды, кенъ иш одасы ичинде юре, сынъырсыз бир гъурурнен китап рафларнынъ джамында озъ сымасына къарап фералана эди. О Сайде аптеге якъынджа келип, онынъ омузы устюнде бираз эгилип:

— Меншаева, бу насыл лаф, (мыскъылнен дудакъларыны бурюп)" бир эки йылдан Кырымгъа къайткъанда..." дейсинъиз. Бу кимден чыкъкъан тешвикъат, бу антисовет пропаганданы ким таркъата? — деп, Сайде аптенинъ къаршысында козьлерининъ ичине бакъмагъа тырышты. Сайде апте не чырайыны, не де тавурыны денъиштирмеден: "Мен озюм айтам, мен — Меншаева Сайде, манъа кимсенинъ айткъаны керекмей. Манъа озюм фаркълагъаным ете. Сиз, Анатолий Александрович, эгер биз эрте-кеч Кырымгъа къайтаджакъым акъкъында лафларны кимден чыкъкъаныны бильмек истесенъиз, олардан бири меним", деди. Узакъ сюрген лафлардан безген Диливер ве Энвер скемледе отургъан Сайде аптенинъ эки тарафындан эки омузына асылып индемей бакъып тура эдилер. Опер темсильджи ёл тарафтаки буюк пенджереден тышары къарады. Мында комендант Сабировгъа къабулгъа кельген сюргюнлер тереклерге таянып чивильдешип тура эдилер. Опарнынъ эксериети къартанайлар, бала-чагъа къадынлар ве къартбабайлар эди. Майор телефонны котерди, кимдир сесленген олса керек:

— Невбетчи къайда?... Сен сокъакъкъа бакъасынъмы, ойле олса бакъ! Айда оларны! — деп, трубканы ерине салды. Арасы сайылы дакъикъалар кечмеден сёгюнчли сёзлернен узбекче русча бакъырып шубадагъан эки милиционер коменданткъа шикаетнен кельген бу гъариплерни Митан район МГБ идареси алдындан айдап ташлады. Майор Матохин иш столы артына кечти. Япма бир муляйимликнен:

— Ёкъ, Меншаева сиз янъыласыз. Къырымтатарлары мында кезинтиге дегиль, даимий къалмакъ ичюн алып келинди. Анълайсызмы? Даимий, даимий! Мына якъында кочюрильгенлерге эв япмакъ, айван алмакъ ичюн ссуда береджекмиз. Мында межан тикмеге тырышынъ. "Тезден къайтаджамыз"! — деп халкъны бозгъанларгъа дарбе эндирынъ. Мына акъикъый патриотлыкъ неде! — деп опер даа бир кере Сайде аптенинъ козьлерине тикильди.

— Билесизми, Анатолий Александрович, мен сизден ахлякъ дерси алмагъа кельмедим. Немсе баскъынларына къаршы куреште эримден айрылдым. Эки огълум дженк башлагъанынынъ биринджи кунюнден джебзде. Учъ йыл оккупация хорлугъы чектим. Нетиджеде сюргюн де олдым. Бугунъ озюмнинъ беш эвлядымдан гъайры мында себепсиз-эджельсиз ольген койдешлеримнинъ алты баласыны къорчалап турам. Бутюн бу фелякет манъа омюр берген ахлякъ дерси дегильми? Бу халкънынъ адалет арзыны, ватан умютини де алмакъ истейсизми? Ёкъ.., ёкъ.., янъыласыз! — деп турды. О аякъкъа тургъан сонъ да, манъа не къабаат юклејсив, менден не истейсиз! — деп, балаларны къолчыкъларындан тутып чыкъмагъа тедарикленди.

Анатолий Александрович Матохин ериндже айнеджиликнен муамеле япмагъа бильген, лякин асылында догъма карьерист ве гъаддар чекист эди. О джебэ коръмеди, барот къокъусы сезмеди, бир кере танъ юкъусы болюнмеди. Бу бесленген къочкъаргъа ошагъан, бу йыл 29 яшына кирген шовинист, СССР девлет хавфсызлыгъы майоры нышанлары астында къабарып юре эди. О сюргюнлер арасында озъ шахсий ролюни котермеге, район МВД начальниги, ве комендантларгъа коре озюне арткъачча дикъкъат ве "уръмет" талап эте эди. Матохиннинъ къафасынен ойлагъанда бунъа эсас бар эди. Чюнки о район боюнджа, иш мертебесине ве акъыл дереджесине бакъмадан, истеген адамыны устюнден "сиясий ишанч догъурмай" — деп материал топлай сиясий джинаетчи, атта халкъ душманы эте биле эди. Бу фаалиетни семерели алып бармакъ ичюн эр бир ишханесинде, мектеплерде, ве дигер идарелерде онынъ озъ доносчиклери бар эди. Энъ лафазан берберлер, сытма хасталыгъына къаршы эв-эвден хинин, акрехин таркъаткъанлар, атта

бу олю мемурлигинде дженазе кылып юрген "моллаларнынъ" эксериети опер темсильджининъ козю, кыулагъы эдилер.

Озь зенааты боюнджа ишке кирмеге тельмирген бир намуслы мутехассыс, идаре башлыгъы адына Матохинден ёллама алмакъ керек эди. Матохин, онынъ къара ниетлери огърунда хызмет этмек меджбуриети алмагъан бир сюрдюни атта хастаханеде санитарка яхут ассенизатор хызметине кыабул эттирмез эди.

Сайде апте балаларынен бирликте оданынъ чыккыш кыапысына еткенде: майор еринден турды кыапыгъа догърулды:

— Меншаева, деди о, кыапыны туткыасыны тутып, бизим субетимиз битмеди. Мен сизге чыкмагъа изин бермедим.

— Анатолий Александрович, меним сизнен субетим битти. Сиз не тюшюнгенинъиз меним кыасеветим дегиль. Мына, меним кыасеветим бу балалар, даа еди бала да эвде. Мен оларгъа уйлелик не бериим, акъшамлыкъ не ашап ятарлар, дейим, — деди Сайде апте. Матохин ясама бир незакетнен, Сайде аптеге дивар бою сыранен тургъан йымшакъ скемлелерни косътерип:

— Риджа этем, даа беш дакыкыа отурынъ, лафымызны битирейик, — деди. Сайде апте отурды. Балачыкълар да онынъ эки тарафтан кыолтугъына кирдилер. Матохин аякъ устюнден:

— Меншаева, сиз аджайип инсансыз, ондан да аджайип анасыз! Лякин сиясеттен анъламакъ истемейсиз. Бу агъыр кунъде бизге ярдым этмек дегиль де, аксине душманларымызнынъ тешвикуатыны таркыатасыз. "Татарлар кыабаатсыз халкъ", бугунъ, ярын Кырымгъа кыайтаджамыз! — кибиде сёзлер — бу партия ве укюметни кыабаатламакъ ола. Сиздай аджайип ана бойле фикирни башына, акылына кетирмез. Насылдыр бир аксинкыляпчынынъ джасуслыгъыны озь боюнынъызгъа алманъ, ким о, манъа айтынъ, буны кимсе бильмез, кыоркъманъ, кимсе бильмез, деди.

Сайде аптенинъ артыкъ сабыры битти:

— Сиз мени ким беллейсиз, мен насыл бир меселенен кельдим. Сиз насыл бир макъсад этрафына доланасыз. "Сизлерге кыабаатлы халкъ олгъанынынъызгъа бакъмадан, девлет паек бере" — дейсиз. Барып коринъ не вакыт бериле, пирнич языла, курпе бериле, 8 кг языла, 5 кг бериле, не Сабиров, не Кыадыров, не де сиз анда олмайсыз.

— Меним ичюн, билесизми, Меншаева энъ муими, сюрдюнлер арасындаки девлет хаинлерини сечип алмакъ. Олар аз дегиль, оккупация девиринде яптыкълары ичюн кыуршунгъа ляйыкъ унсурлардан даа 25 фыйзы сербестликте юре. Сиз исе олардан кыутулмакъ истемейсиз. Бир тюшюнип бакъынъ, истемейсиз, деп стол артына барып отургъан сонъ да-кимсесиз

балаларгъа кельгенде биз оларны мутлакъкъа балалар звине йибериর্মиз. Олар факъат анда акъыкъый совет адамы олурлар! — деди.

Сайде апте еринден турды, эки баланынъ къолларындан тутуп Матохиннинъ столына якъын барып:

— Билесизми, Анатолий Александрович, мен бу яшыма къадар саткъынлыкъ япмадым. Эндиден сонъ шпион оламам, веселям! — деп, балаларны джетип, чыкъып кетти.

Сайде апте балаларнен бирге эвге келип еткенде уйле авгъан эди. Арадан чокъ кечмей азбар къапы урулды. Эв саиби Гульхан-апа Сайде апте яшагъан оданынъ къапы пердесини бираз ачып:

— Сайда-хан, сизни бир эр киши сорай, деп кетти.

Азбаргъа чыкъкъан Сайде апте ёлкъапыдан бакъып тургъан Абдулмейинни коръди. Сайде апте Абдулмейинни къаршылап ёлкъапыгъа етмеден, самимий бир урьмет ве незакет иле:

— Кель, Абдулмейин, кель джаным, деп, азбаргъа чагъырып алды. Ава сыджакъ, кунешнинъ агъувлы нурлары инсаннынъ мийине оте эди. Азбардаки чарпаяда отурмакъны чареси ёкъ. Сайде апте Абдулмейин оджаны одагъа давет этти. Онъа пенджере янында, топракъ сет устюнден ер косътерди. Абдулмейин сетке отуруп диваргъа таянды. О сес-солукъ чыкъармай бир нокътагъа бакъып къалды. Сайде апте субетни неден башлайджагъыны бильмей ерине отурды. О балалар звине кетеджек Дилявер ве Энвернинъ урбачыкъларыны козьден кечире, ювуладжакъ, ямаладжакъ, дегендай азырлай эди. Бу агъыр сукюнет Сайде аптени гонълюни эзе, къальбини къырпалай эди.

— Абдулмейин, къайда бардынъ, кимлерни коръдинъ? — деди Сайде апте.

— Сораманъ... деп бираз сускъан сонъ, девам этип — базаргъа къадар бардым, узакъ дегиль экен. Бир къач койдешлерни коръдим. Оларнынъ арасында Ашагъы малледен Сеитмемет агъа да бар эди, — деди Абдулмейин.

Сайде аптенинъ чирайлары денъишти. О Абдулмейин оджагъа даа бир кере дикъкъатнен бакъты. Ичинден: "анълашыла, Сеитмеметни коръген олса эр шейден хаберни олды" — деп ойланды. Акъыкъатта къырымлылар кельгенинден бери отъкен учъ ай ичинде не къадар джан вефат эткен олса, оларнынъ эпсини бир дередже адетинен дженазе мерасимини отъкермеге ярагъан 4—5 адамдан бири Сеитмемет акъай эди. Онынъ эр кимден, эр шейден хаберни бар. Я аслында бойле хаберни гизлемек мумкюнми? О эрте-кеч билинеджек шей де...

Абдулмейин оджа яры даушнен:

— Сайде апте, сиз манъа сёйлемеге юрегинъиз чыдамагъ-

ан къара хаберлернинъ эпсини аңлады, — деп, нефеси кесилип толықты, къатты-къатты оксюрди. Явлыгынен козылерини, агъыз-буруныны сюрткен сонъ:

— Мен артыкъ кимсесизим. Бильмейим, ким ичюн, не ичюн мен учъ йыл атеш ичинде олжуге кършы курештим. Мен ана-бабамны, къадыным, балаларымны, халкъымны, ватанымны кърчалайым, деп биле эдим. Меним кимсем ёкъ, озюм де кимсеге керекли дегилим, деп кирли явлыгынен даа бир кере козылерини сильди. Абдулмейин оджа учъ саат звель сокъакъта раст кельгенинден бу якъ кърардан зияде денъишти. Онынъ ювалары ичине оюлып кеткен козылери къызаргъан, козы къапакълары шишкен торбалангъан, чырайы топракъ тюсте эди. О сыкъ-сыкъ оксюре, оксюргенде агъзыны джеп явлыгынен къапата, онъа да тюкрюгини сюрте эди. Сайде апте кошедеки тешеклер арасындан бир ястыкъ суворуп чыкъарды. Оны Абдулмейин оджа отургъан сетке ташлап:

— Абдулмейин, сен бираз раатлан, деди.

Акъикъатта Сайде апте о, фаджиалы 18 майыс танъындан Абдулмейиннинъ кърантасынен бирге эдилер. Олар Багъчасарайдан Каттакурган демир ёл станциясына къадар бир вагонда кельдилер. Сюръюнлерни Каттакургандан Митан район меркезине къадар 40 км месафеге арабаларнен алып кельдилер. Район реберлери оларны узакътан корип къой сюрюлери киби колхозлардан кельген муштерилерге такъсимлеп бердилер. Бу такъсим вакътында Абдулмейиннинъ омюр аркъадашы — Зейнепни учъ баласынен бирге район меркезинден 21 км месафедеки “Озгъарыш” колхозына кеткен 29 кърантагъа къошып йибердилер. “Озгъарыш” колхозы Къара-Дарья озенининъ сагъ ялысында сазлыкъ, къамышлыкъ ичинде. Ерли къартларнынъ айткъанына коре бу вади звель-езельден сытма хасталыгынен метинли бир дияр ола. Бу колхозгъа келип тюшкен 132 нефер къырымтатар сюръюнлеринден учъ ай ичинде сагъ къалгъанларнынъ сайысы отуздан зияде дегиль эди.

Мында ачлыкъ, хасталыкъ, рухий тюшкюнлик ве икълимнинъ эзиджи тесири нетиджесинде сюръюнлер топ-топ ольдилер. Ана-бала, эри, къадыны бири-бири артындан, къыска вакъыт ичинде къранталар тамамиле ёкъ олып кеттилер. Бу джумледен Абдулмейин оджанынъ аилеси де, кельгени бир ай кечер-кечмез, башта эки баласы, сонъ Зейнеп озю, бундан эки афта звель исе ортанджы звляды — Алимчик кечинген эди.

Абдулмейин сет устюнде созулып къалды. Сайде апте балаларны ювуладжакъ урбаларыны оглюгине толдырып азбаргъа чыкъты. Кунешнинъ атешли синиси Зарбанд къырларына салынгъан, нурларынынъ агъувы бираз эксильген эди. Сыртларында бирер котерим одун юкленген эки огълан бала ёлкъапы-

дан келип кирдилер. Одунларыны тертипнен кошедеки йыктырма астына ташлап эль-бет юлмагъа тедариклендилер. Олар Сайде аптенинъ янындаки буюк балалары Рефат ве Рустем эди. Бираздан Муневер де кельди. Сайде апте буюк балаларына мусафирнинъ ким экенини анылатты. Чокъ кечмей къорантанынъ дигер азалары да топландылар.

Бу емек вакъты эди. Сайде апте яры давушнен Муневерге нелердир буюрды. Муневер стол ерине къулланылгъан фанера къутуны эв ортасына отуртып устюне софра без тешеди. Бир къач арпа питеси, бир фурун отъмеги, бир табакъ устюнде юзюм ве бираз да зердали алып кельди. Бир аныде софра башына, Муневер ве Рефаттан гъайры, даа он бир бала топландылар. Оларнынъ яшлары бешнен он бирнинъ арасында олып, эпси бири-бирлерине догъмушлардай бенъзей эдилер. Акъикъатта исе олардан факъат он бирге кирген Ферат, докъузны битирген Серат ве кичкетай Фуат Сайде аптенинъ озъ эвлядлары эдилер. Бунъа бакъмадан, балачыкълар эпси Сайде аптени "Анай" — деп чагъыралар. Сайде апте де озъ сырасында "балам", "къозум", "эвлядым" — деп, эспини бирдай корип, севип, охшап алыштырды. Бу балалар бири-бирине о къадар сыйыкып къалдылар ки, айрылмакъ лафы чыкъса эр бирининъ козьлери яшара эди.

Сайде апте сет устюнде байылып яткъан Абдулмейинге хитап этип:

— Абдулмейин, тур джаным, софрагъа кель, сен ачтырсынъ, "къул барына джумерт олсын!" — дегенлер, кель буюр! — деди. Абдулмейин башыны ястыкътан котерип:

— Ёкъ, сагъ олынъ, мен ачлыкъ сезмейим, деп бираз арткъа джылышып диваргъа таянды. О кеттикче меджалсызлана, озюни артыкъ бу ерден туралмаз дередже фена сезе эди.

Сайде апте софрадаки ниметлерни бир къысымыны къарарнен такъсимлеп балаларнынъ эр бирининъ пайыны къолчыкъларына туттырды. "Бисмилля!" — деп башланъ, эпинъиз тоярсыз, деп шакъалады. Муневер хорай атешине къайнатып бир чайдан чай демлеп кельди. Сайде аптенинъ джебринен, зор беля софрагъа кельген Абдулмейин оджа арты-сыра эки фильджан сьджакъ чай ичти. О алдында тургъан башкъа емеклерге узанмады. Факъат бир эки дане юзюм къопарып къапты. Джебинден явлугъыны чыкъарып юзюни боюныны сюртти, софрадаки балалар сабийледже гъамсыз, шень-шамата турып чыктылар.

Мында эр кимнинъ озъ месуль иши бар. Олар эмир беклемей, бири одун азырлай, дигерлери хауздан сув алып келе, савутларны толдырып къоялар. Даа биревлери азбарны, сокъакъ-

ларны суvara, салкъынлаталар. Олар Гульхан-апанынъ къойларына от орип кельмекни де эстен чыкъармайлар.

Сайде апте уйле емегинден сонъ ёлгъа азырлангъан бала-чыкъларнынъ урбачыкъларыны ювуп къурутты. Энди оларны буклей, дестелей. Фикринде исе Абдулмейиннинъ такъдири. Абдулмейин озю ичериде, сет устюнде байгъуш ята. О бутюн бу фаджиалы хаберлерден сонъ девамлы шок вазиятинде къалды. Буны корип тургъан Сайде аптенинъ джаны аджына, юреги ирий. Лякин не чареси бар... къолундан бир шей кельмей. Эгер Абдулмейинни озъ тувгъан къардашыдай, эвимде къалдырайым, къорчалайым, десе, о бала дегиль, айырды ятакъ, туракъ, ер керек. Бир одалыкъ хорай — ханада докъуз бала, озю ве къызы Муневер ятып туралар. Шимдилик геджелер сыджакъ, Рефат, Рустем азбарда яталар, я огюмизде къыш келея да... деп, Сайде апте озъ суаллерине озю джевап тапмай азаплана эди. Кунъ бою сыджагъы таш чатлаткъан кунеш артыкъ Къошрабат къырлары устюне саркъты. Ёл боюндаки чинар тереклернинъ салкъыны азбаргъа ятты. Сайде апте азбар саиби Гульхан-апанен бирге, эв алдындаки чарпаядан бираз кенарда эски агъач къутулардан ве агъач тешемеден бир адамлыкъ ятакъ ери такъыштырдылар. Бу Абдулмейиннинъ геджелеп къалмасы ихтималына тедарик эди.

Бир кунъ дегиль, бир къач кунъден бери Абдулмейин Сайде аптенинъ эвимде. Онынъ сагълыгъы уймай, оксюрюги зуур эте. Геджелери сыджагъы котериле. Буны корип тургъан Сайде апте: "Шимдилик мында ол, сагълыгъынъ онъгъа бакъкъан сонъ бир ода киралармыз" — деп, гонъюль ала эди. Арадан кунълер кечти. Абдулмейин оджа азбарда, кунъ бою бир талдадан дигерине авуша, балаларнен эглене, вакъыт кечире. Базы бир балаларны бераберине алып базаргъа чыкъа, балаларгъа емиш алып бере, эвге де бир шейлер алып келе эди. Бир кунъ Сайде апте, къызы — Муневер ве огълу Рефат, учъ киши олып памукъ къабул пунктына ишке киргенлерини сёйледиди. Олар ярын сабадан ишке бараджакълар. Бу буюк къуванч эди.

Бир кунъ акъшам, салкъын тюшкен сонъ Сайде апте ве азбар саиби Гульхан апа бир чайдан чай башында субетлешип тура эдилер. Абдулмейин келип къалды. Онъа буюк урьметле чарпаядан ер бердилер ве чай тектилер. Абдулмейин чайны ичти, субетке де къошулды. О аскерлик, дженк йылларыны, даимий атеш ичинде эр дакъыкъа олюм беклеген кунълерини дегиль де, койде оджалыкъ йылларыны хатырлай, омюр аркъадашы Зейнебини, балачыкъларыны анъа, ана-баба, къардашларыны койни, мектепни, кой джемаатыны хатырлай, янып — кую "ах" чеке эди. О беклемеден:

— Сайде аптем, билесизми мен не тюшюнем, Алламнынъ

язысы мен бутюн дюнья зевкъындан аджизим. Ярын памукъ къабул пунктына барайым, бельки мени де ишке алырлар. Умумий ятакъханеден бир ода сорап алырым. Сизге риджам, о балачыкъларны детдомгъа бермей турынь, олар менимнен олурлар, — деди.

— Билесинъми Абдулмейин, деди Сайде апте, — оларнынъ тамагындан гъайры усть-башларыны юбмакъ, ямамакъ бар. Санъа шимдилик сагълыгынынъ бакъмакъ керек. Сен пек шубели оксюресинъ. О бир якъы сонъ... Сен даа яшсынъ, хисмет олса якъында дженк битер. Юртымызгъа къайтырмыз. Бельки янъы аиле тизерсинъ, деди Сайде.

— Ёкъ, Сайде апте, мен янъы къоранта тизип оламам, артыкъ кимсени северим, деп тюшюнмейим,.. Абдулмейин сёзюни битирмеден оксюрип башлады. О еринден турып ёлкъапыгъа тараф юрди. Бираз узакълагъан сонъ токътап, тюкюрип башлады. Чарпая устюнде чай ичкен еринден буны корип тургъан Гульхан-апа, Сайде аптеге:

— Бу йигитнинъ эхвалы чатакъ къу... деп, сол къашыны хотерип башыны къайгылы чалкъады. Козюни алмай Абдулмейинге къарап тургъан Сайде апте:

— Мушкуль, пек мушкуль, мен бу вазиятти бир афтадан берли сезем, юрегим ирий, — деди.

Сайде апте балалары Муневевер ве Рефатынен бирликте ишлеп башлагъанына бир афта олды. Абдулмейин бир озю, ишсиз юре. Бу вазиятке о сыкъыла, тарсыкъа эди. Акъшам емеги вакътында Абдулмейин, Муневевер ве Рефаттан иш ери акъкъында бираз лафтан сонъ, ярын сабадан ишке башламакъ фикирине кельгенини сёйледди. Софрадакилери бир агъыздан: "Пек яхшы этерсинъ, эм ишлер, эм эгленирсинъ!" — дейиштилер. Атта пек сийрек лафкъа къошулгъан Муневевер:

— Оджам, догъру япасыз, эгер бизим цехке ёлласалар, сизни бригадамызгъа башлыкъ сайлармыз, деп севинди.

Абдулмейин оджа паковшиклер цехинде ишлеп башлады. Бу цехте хам памукъны къанарларгъа толдура, машиналаргъа юклеп заводларгъа ёллайлар. Шубесиз памукънынъ тозы, серс къокъусы ве дигер хасиетлери Абдулмейиннинъ нефесини тутта, богъа, оксюрюгини къозгъай эди. Бунъа бакъмадан, о вакъыт къачырмай, ишке чыкъа, аркъадашларындан къалышмай чалышмагъа тырыша эди. О иш еринден чокъ узакъ олмагъан бойдакълар ятакъханесинде ятып тура. Джебиндеки капигине коре ашы сувы да бу ерде чайханеден эди. Чокъ кечмей Абдулмейин тамамиле алсызланды. Ишке ярамады. Онынъ сагълыгынен эвге келип таныш олгъан эмшире: сагълыгъы шубели, мутлакъ хастаханеге къоймакъ керек, деп кетти. Лякин

хастаханеде ятакъ ичюн ятакъ бошагъандже афталарнен невбет беклемек керек.

Абдулмейин эвде къалды. Онъа бюллетень ачтылар. Авулардан къымыш тапкъан арада Сайде аптеге келе. Балачыкларнен эглене, базы бир вакъытлар балачыкларны янына алып базар майданына чыкъа. Сюрюнлер кельгенинден бери, чешит колхозларгъа къуллукъкъа сепильген семетдешлерге корюшмек, дертлешмек ичюн бир ер олса, о да — базар эди. Сонъки чулыны саткъан да, башындаки къалпагъыны бир арпа питесине деньишкен де, геджелемеге ери олмагъан да эпси мындалар. Базар къаравулларынынъ айткъанына: коре сюрюнлер кельгенинден бери базар бештахталары бу гъариплер ичюн умумий ятакъхане олды.

Митан базары буюк дегиль, онынъ тѳпеси къамышнен орътюлип устюнден тобанлы чамырнен сивамлангъан. Онынъ бир кошесинде ачыкъ эт салоны. Мында дженктен эвель пек аджайип къой, тувар этлери сатылгъан. Шимди къой тувар этлери базаргъа келип етмей, къасапханеде буюклер арасында такъсим ола дейлер. Деве, ат, эшек кевделерини бутюн алып келелер. Бу ерде буюк кутюклер устюнде догърап сатмагъа азырлайлар. Мында эт къокъусына топлангъан быралкъы копеклерден юриш ёкъ. Олардан да чокъ секиз — он яшлы бакъымсыз къалгъан балачыклар. Олар эпси бирдай ачлар. Бу ачлыкъ зувурынен къасап салоны этрафында бирге чѳплене, себебленелер.

Мында къасаплар мал кевделерини балталагъанда этрафкъа кемик парчалары ве сук мийи атылып кете. Адетиндже къасап сатыладжакъ этнинъ устюнден синъир ве чатыр безлерни кесип ала, копеклерге ташлай. Сычрагъан ве ташлангъан шейлерге копеклернен бирге балачыклар да атылалар. Атиклик эткен къолуна илингенини алып, сюрюден чыкып кете.

Базарнынъ о бир кошесинде бир къолунда агъыр сув къопкъасы, дигеринде исе мешрепе алып юрген балачыклар: "Сув!" "Кимге якъдай сув!" деп бакъыралар. Олар базар майданындан эки километр месафедечи "Сай-булакъ"тан темиз, салкъын чокъракъ сувы алып келелер. Базарына коре мешребесини учъ, базы бир кунълери беш капиктен саталар. Кунълук келирлерине пите, юзюм, зердали алалар. Узакъ колхозлардан кельгенлер бир къач кунъ мында къала, базарда бештахталар устюнде геджелейлер. Олар эвде къалгъан къардашчыкларыны да унутмайлар. Бираз капик топлагъан сонъ ашамагъа бир шейлер алып, оларгъа алып кетелер. Лякин шу ери аджыныкълы ки, эксери бу эйи ниетли агъалар келип еткендже къардашчыклар ачлыкъ ве сытма себебинен дюньядан кечелер.

Бугунъ Абдулмейин эки баланы янына алып базаргъа чыкъ-

къан эди. Олар бештахталар арасындан эт салонына келип етилер. Эки къасап ярым ат кевдесини кутюклер устюнде балта-лай эдилер. Оларнынъ этрафында биринджи алкъа ири — уфакъ бралкы копеклер... экинджи алкъада балачыкълар... Эпси бирликте къасапларгъа бакъа... Оларны козьнен кездирелер. Къасаплардан бир догъралгъан парчаларны беш тахта устюне ерлештире, ара-сыра синъир ве чантыр безлерини кесип ала, бакъмадан сюрюге тараф ата. Эр кере, къасапларнынъ балтасындан, яки къолундан бир шей къутулгъаныны корьген балачыкълар ве итлер гъыр-фыкъыр олалар. Бу сефер кемик парчасына ювургъан арыкъ огъланчыкъны чуллы — бир, къара, мазаллы копек урып йыкъты. Копек баланынъ къолундаки кемикке атылгъанда кескин тишлеринен билегини де тырнап алды. Абдулмейин бу вакъианы корип, аджынып тура эди. Бу арада, беклемеден алдына келип тюшкен синъир парчасына эгильгенини озю де сезмей къалды. (О шубесиз бир анъ ичинде, бу ерде къарылгъач чипчечиклери киби бакъып тургъан балачыкълардан бирини севиндирмек истеди). Бу нефакъагъа чапкъан мазаллы бир кок баракъ Абдулмейинге келип урды. Абдулмейин абынып йыкъылса да, къолундакини баракъкъа бермеди. О еринден котерилип о якъ, бу якъ бакъты, бу вакъианы корьгенлерден утанса да къолундаки синъир парчасыны о ерде чивильдешип тургъан балачыкълардан бирининъ къолуна берди.

Бу бекленильмеген эдиеге къуванчындан шашмалагъан чантыр огъланчыкъ тозлангъан синъир парчасыны эки къолунен коксюне басты. Сонъ Абдулмейин оджагъа чеврилип:

— Эмджем, бу манъамы?... озюмеми?... — деди. Кенди усть-башыны тоздан арытмакъта олгъан Абдулмейин оджа, эки къолунен огъланчыкънынъ омузларындан тутып:

— Санъа балам, санъа озюнге, чап, пиширип аша, тузлап хорда пишир, сакъын, чий ашама, хасталанырсынъ! — деди.

— Сагъ олынъ!.. Сагъ олынъ эмджем! — деп, огъланчыкъ тез-тез сюрюден чыкъып кетти.

Абдулмейин даа бир кере захире, ун, пите ве емиш бештахталары арасындан отти. О балаларгъа уйлелик бир къач пите ве бираз да юзюм алды. Олар къайтмакъ ичюн базар мейданына чыкътылар. Мейданда эр джума куню олгъаны киби бугунъ де чул-чубур базары эди. Мында юзлернен адамлар, сентябрь кунешининъ агъувлы нурлары астында мейдан бою дёрт — беш къатар олгъанлар. Олардан бир къысымы тикке тура, дигерлери тоз-топракъ демей астында бир шейлер тёшеп отургъанлар. Абдулмейин къатарлар арасындан сейирджи ве муштерилерге къошулып, яваш-яваш кете, адамларнынъ

юзюне, сатмакъ ичюн къолунда яки огюне джайып ташлагъан эшьяларына козь ташлай, фикир эте эди. Сатыджылар арасында эки адамдан бири бизим семетдешлер. Бу гъариплер-къарт, яш, келин-къыз сонъки урбасы яки аякъкъапыны, кишлиги ве олюмлигини ёкъ фиятына теклиф этелер. Бир сув гугюми я да къапакълы Къарасув синисини бир кило джугъарагъа яки бир кило арпа унуна денъишмек пешинделер. Абдулмейин базарны бираз долангъан сонъ топракъ къалдырымгъа котерильди. Балачыкълар да адым кери къалмай бирге олмагъа тырышалар. О юксек къалдырымдан базар тарафкъа чеврильди. Узакъ вакъыт бакъып, ойланып турды. Абдулмейин бу дакъ-икъалар ичинде нелердир ойлагъан олмасын, шубесиз о тюшюнджелер оджанынъ озь козюнен корьгенлерининъ ифадеси эди. Чюнки Абдулмейин оджа озь халкъынынъ якъын кечмишини ве узакъ тарихыны бильген, учь йыл девам эткен джебз омюринден догъру хуляса чыкъармагъа истидаты олгъан адам. О артыкъ учь-беш бинъ адамны, я ки бир къач юз къорантаны дегиль, бутюн бир миллетнинъ бу фаджиасына эсаслы себеб тапамай. Ич бир укюмдарнынъ бойле бир тедбирге эмир бермеге акълыдыр — деп оламай азаплана, афакъанлана эди. Бу дешшет, бу мутхиш — къоркъунч тюшми, ёкъса бир аджджы акъыкъатмы? — анылап оламай эзиле эди. О базар тарафтан козюн алмай бакъып тургъан еринде, озюни сезмеден: "Чулчубур базары дегиль, бу-джан базары!" — деп йиберди. Абдулмейиннинъ аякъларына сарылып тургъан балачыкълар бир агъыздан:

— Сиз кимнен лаф этесиз я, эмджем? — дедилер. Озюни къолайсыз сезген Абдулмейин: "Ич кимсенен дегиль, озюмнен, деп тез-тез къалдырым бою кете берди. Балачыкълар да онынъ пешине такъылдылар.

Митан базарындан Ахунбабаев сокъагъына чыкъмакъ ичюн йыкъынтылар арасындаки тар аралыкъ бою даа эки юз метр кетмек керек. Бу сокъакъкъа дженк себебинен талие этильген ве фурсаттан файдаланып сюрьгюн этильген халкълар кельгенинден бери "тиленджилер аралыгъы", я да "тюшкюнлер мекяны" — дегенлер. Бу аралыкъта пахса дивар бою онларнен чаресиз къартлар, сакъатлар ве бакъымсыз къалгъан балалар мында, сабадан акъшамгъа къадар сыранен туралар. Бир чокълары атта бу ерде геджелейлер. Олар кельген, кечкенге сёз къата, къол узатып хайыр, садакъа тилейлер. Базылары сусмай-тынмай, дувалар, аетлер, иляхийлер айта, озьлерине дикъкъат джелъп этмек ичюн ара-сыра: "Эй Аллам!", "Я панайы Худа!" — деп бакъыралар. Буларнынъ арасында бизимкилери де барлар.

Абдулмейин дивар талдасында, ерге отургъан къартийлер-

ден бирининъ алдында бираз токъталды. О кырымтатарджа кийинген, къара марама орытунген бу къартийге сездирмей бакъып турды. Къартий башыны ашагъы алгъан фысырдынен нелердир окъуй, ич бир якъкъа къарамай теспи чекмекте. Къар-танайнынъ эки тарафындан, эки тизине башыны салып яткъан кызычыкълар отъкен кеткенни козьнен озгъара, базыда бир котерилип оглеринде тургъан тепистеки капиклерни къайта-къайта сая эдилер. Теписте исе эпси олып бираз кумюш капик-лер ве бир къач дане де бирерликлер сабадан бери артмай тура эди.

Абдулмейин оджа къартийни таныды. О койдеши Азиз-нинъ анасы — Сафие битай эди. Азиз 1936—38 сенелери кы-зыл орду сафында олды. Арбий хызметини кичкене командир рутбесинде битирип кельген Азиз район арбий комиссарлыгъ-ында ишледи. Онынъ ичюн де койдешлери буюк урьметнен оны: "военком Азиз" деп анъа эдилер. 1941 сенеси, мартнынъ башларында, район боюнджа резервдеки кичкене командир-лерден бир къач адамны, бу джумледен Азизни де, арбий би-лимини кенишлетмек ичюн текрар арбий талиматкъа ёллады-лар. О къорантасына ёллагъан бир мектюбинде "Воронеж арбий окъув юртында мувафакъиетнен окъумакътам. Алты ай талимден сонъ (взвод) такъым командири рутбеси алып къай-таджам", деп яза эди.

Сафие битай да Абдулмейин оджаны зор-бея таныды. О еринден котерилип огюнде эгилип тургъан Абдулмейинге са-рылды.

— Вай огълум, эки козюньнен муляйим давушынъдан гъай-ры бир шей къалмагъан да, деп агълап йиберди. Абдулмейин оны тынчландырып ерине отуртты. Озю де кенаргъа айланып козьлерини сюртти.

Абдулмейин ичюн къартийден бир шей сорамакъны ич ад-жети ёкъ эди. Къартийнинъ вазieti корюнип тура, ач, чыплакъ, эки торунчыгъы ве озю хайыр садакъанен кечинселер керек. Абдулмейин балачыкъларнынъ анасыны да сорамады. Эгер Азизни омюр аркъадашы — Селиме сагъ олгъанда, не къар-тий, не де кызычыкълары бу хайыр — садакъа аралыгъында кунъ бою отурмаз эдилер, деп ойланды Абдулмейин. Онынъ ойлагъаны акъикъатнынъ озю эди. Азизнинъ такъдирине кель-генде Абдулмейин онынъ 1943 сененинъ бааринде Курск ке-мериндеки дешетли урушларнынъ биринде эляк олгъаныны чокътан биле эди. Къартийнинъ алыны, эхвалыны коре — биле ондан биревлерни сораштырмакъ онынъ даа савулмагъан яра-сыны тазертмек, дертлерини къозгъамакъ оладжакъ эди. Буны яхшы анълагъан Абдулмейин къолундаки пителерден бирини эки болип къартийнинъ тизлеринде яткъан балачыкъларнынъ

къолларына туттырды. Даа бир питени Сафие битайгъа уза-
тып:

— Анай бу сизге, меним олюлеримнинъ джанларына бир
дува окъурсыз, деп, савлыкълашып кетти. Къартий баладай се-
винип, алгъышлап къалды.

Абдулмейин балаларнен бирге Сайде апте яшагъан азбар-
гъа келип еткендже саат экиден отти. Сайде аптенинъ кичке-
непери: Ферат, Фуат ве даа учь бала йыкътырма астында, сал-
къында ойнай, чувулдаша эдилер. Акъранларыны корьген Ди-
лявер ве Энвер оларгъа барып къошулдылар. Абдулмейин эвге
кирди, биринджи куню корьгени киби, къона ерине къулланыл-
гъан агъач къутуны эв ортасына къоюп устюне софра безини
тешеди. Юзюм ве пителерни, бир къарарынен еди балагъа такъ-
симлеп софрагъа къойгъан сонъ балаларны чагъырды. Олар
сабидже мемнюн, шень-шамата ашап чыккып кеттилер. Аб-
дулмейин баш агърысы ве оксюрюктен барынмай сет устюнде
ятып къалды.

Сайде апте, Муневе ве Рефат иштен кеч кельдилер. Бу табий
ал. Памукъ тымары башлагъан сонъ къабул пунктында иш куню-
нинъ башы, сонъю ёкъ. Базы вакъытлар саба саат едиде ишке тюш-
кен адамларны саат дёрт, бештен сонъ да даа бир муддет, саат секиз,
докъузларгъа къадар ишлемеге меджбур этелер. Бунгъа ич кимсе
шикает этмей, чюнки шикаеттен факъат зарар келе. "Дженк вакъты!"
деген келиме эр кесни агъзыны къапата. Ач чыплакъ адамлар ин-
демей кечке къадар, козюне къаранлыкъ чёккендже ишлей бере-
лер. Бугунъ де шай олса керек.

Сайде апте Абдулмейин ичериде яткъаныны балалардан
анълады. О эвге кирмеден акъшамлыкъ аш тедариги башла-
ды. Емек азыр олгъандже азбаргъа салкъын саркъты. Рефат-
нен Рустем азбарны даа бир кере суварып чыккытылар. Муне-
вер де анасынынъ эмрини беклемеден, азбарда, буюк чарпая
устюнде софра тедариги башлады. Арадан чокъ кечмей Аб-
дулмейинден гъайры эр кес софра башында эдилер. Оны чагъ-
ырмакъ ичюн Сайде апте озю одагъа кирди. Абдулмейин козь
ачмай, тер ичинде ята эди:

— Абдулмейин, сен юкълайсынъмы, ёкъса алынъ ёкъ-
мы? — деди Сайде апте, мерамет ис эткен яры давушнен.

— Юкъу къайда?.. Алым ёкъ, башым пек авура, бираз да
ушюйм.

— Демек сыджагъынъ бар.

— Гъальба... аркъам, белим яна, бобреклерим авура... деп
Абдулмейин текрар башыны ястыккъа ташлады.

Сайде апте теклифинден къайтмады. Турып эли, бетини ювып,
софрагъа кельмеге меджбур этти. Абдулмейин Сайде апте-

нинъ зорбасындан къуртуламай джылап курпесинден пишкен боткъадан да бираз ашады. О лафкъа къошулмай сусып тура ве тез-тез кетип ятмагъа ашыкъа эди. Юзюм къурусынен бир фильджан чай ичкен сонъ артыкъ отурмагъа меджалы къалмады.

— Сайде апте, — деди, Абдулмейин — мен кетейим, озъ одама барып ятайым.

— Мында ятсанъ да ола, мына азбарда, балаларнынъ къатында ер къояйым, санъа ярын экимге корюнмек керек.

— Ёкъ... Мен озъ одама барып ятсам яхшы олур дейим. Абдулмейиннинъ бу дередже къатты тургъаныны корьген Сайде апте:

— Яхшы,.. эгер пек исрар этсенъ Рефат сени озгъарып барсын, насыл барып еткенинъни билип келир, деди.

Абдулмейин "ляйкъ дегиль, даа эрте, мен озюм де яваш-яваш кетерим", дегенине бакъмадан, анасынынъ ишмарынен Рефат оны озгъарып кетмеге тедарикленди. Абдулмейин бираз темиз кягъыт ве къарандаш сорап алды. Рефат Абдулмейинни озгъарып одасына къадар барды, Рефат къайтмагъа чыкъкъанда Абдулмейин оны токътатып, озгъарып кельгени ичюн алгъышларындан сонъ:

— Рефат, даа бир риджам бар къардашым, деп токъталды, нефеси бираз тюзельген сонъ — саба мени ёкълап кель, деди.

Рефат къайткъан сонъ Абдулмейин керосин чырагъыны бираз тертипке чекти. Оны ятагъыны сол тарафындан дивардаки михкъа асты. Тёшегине кирип фанера тахтачыгъыны тизлерине къойгъан сонъ нелердир язып башлады. О башыны котермей яза, вакъыт-вакъыт токътап, къалемини уджлай, керосин чырагъынынъ фитилини тюзете, текрар язмагъа тутуна эди. О кечке къадар язды. Бутюн бир мектепли дефтерини толдыргъан сонъ, онынъ кок картон джылтларына да язды. Абдулмейиннинъ кягъыты битти. Лякин язмакъ истеген юрек аджджыларынынъ сонъу ёкъ эди. Вакъыт кеч. Яры гедже чокътан отти. Қайда барсын, кимни уянтсын,.. Кимден бир табакъ кягъыт сорасын... Алла биле Абдулмейин нелер даа язмакъ истей, насыл фикирлер къафасында долана, юрегини эзе, ирите эди. О башыны котерип этрафына козь ташлады. Керосин чыракънынъ тютюнинден оданы къара туман баскъан, сияргъан тавандан къурум ягъа эди. Абдулмейин кягъыт, къалемини джыйып еринден турды. Усть-башына, тёшегине къонгъан къара къурум тозыны силькип, сюртип ятагъына созылды. Ким биле о юкълап къалдымы, ёкъса аджджы хатраларнынъ къучагъында имдат къыдырып ялдаймы...

Катта-Къургъан памукъ заводы ишчилерининъ айткъанына коре, олар гедже саат учътен сонъ, сменадан къайткъанда Абдулмейиннинъ одасында чыракъ янмакъта ола. Акъикъатта

Абдулмейин бу гедже юкълап оламады. Онынъ сыджагъы котерильди, эрареттен агъызы къуруй, бобреклеринде амансыз, аджджы санчылар сыкъ-сыкъ текрарлана. Атешли бир кисев нефес ёлларыны къурутып, якъып багъырына къадала эди. Бу вазиятте онынъ бир истеги олса, о да — сагъ эсен сабагъа етмек, даа бир къач табакъ кягъыт тапып фикирлерини азып битирмек эди.

Бу гедже Сайде апте де пек раатсыз юкълады. О, саба ерге ярыкъ тюшкенде уянгъан эди. Этрафында балыкъдай тизилип яткъан балачыкълардан эр бирининъ юкъусыны сейир этип, нефесини динълеп бираз хаялланып турды. Онъа Абдулмейиннинъ “Саба мени ёкълап келинъ” — деген риджасы тынчлыкъ бермей эди. Сайде апте азбарны айланып кельген сонъ атешни тутандырды, балалар уянгъандже ишке кетеджеклер ичюн сабалыкъ азырлады. О бармагъа ер тапмай тарсыкъа, тез-тез Абдулмейинден бир хабер алмакъ истей эди. Сайде апте даа бир кере азбарны айланып кельген сонъ чарпая янынъда бираз токъталды. Мында Рефат ве Рустем юкълай эдилер. Бир тыныш бакъып тургъан сонъ, сакин бир давушнен:

— Рефат, огълум турмайсынъмы? — деди. Керек вакътында даима, буюклердай озю турып алышкъан Рефат, абдырап еринден котерильди:

— Не бар я, анам, бир шей олдымы? — деп о якъ, бу якъ бакъты. Сайде апте мазум бир давушнен, чарпаядан аякъларыны салындырып отургъан Рефаткъа:

— Ёкъ балам, бир шей олгъаны ёкъ. Абдулмейин оджанынъ риджасыны хатырлатмакъ истедим.

— Ёкъ, анам ич унутмадым, ярым саат звель чыкъарым. Оны кирип корер, ишке де етерим, — деп Рефат урбаларыны кийип башлады. Рефатнен бирге Рустем де турып кийинди.

Рефат Абдулмейин яшагъан оданынъ къапысыны къайта-къайта урып эпгий вакъыт беклеп турды. Къаршылыкълы давуш олмады. Не япсын, даа бираз бекледи. Не олмакъ мумкюн, ёкъса эрте турып азбаргъа чыкътымы... Мында яшагъан бойдакълардан эписи дегендай иш урбаларынен чыкъып кеттилер. Факъат Рефат не япмасыны бильмей, “Бир хабер алмай къайтмакъ олмаз, саат докъузларда, кичкене балаларны ашаткъан сонъ анай келир. Онынъ биринджи суали Абдулмейиннинъ ал-эвалыны сорамакъ олур”, — деп тюшюне эди. Бу фикирлерни эсапкъа алгъан Рефат меселени аспына ирмек макъсадынен оданынъ къапысыны бираз тартты. Къапы мандалсыз олып ич тарафтан иппен чаты мыхына илинген экен. О къолайлы ачылды. Абдулмейин ятагъында эди. О аркъа устюне яткъан, козьлери ачыкъ, теренден хырылдап сыкъ-сыкъ нефес ала, дудакълары къуругъан, бурун тешиклерини чыракъ

къурумы къапаткъан, Узун гурь кирпичлери тююрленген, топланган алда къыбырдамай ята эди.

Абдулмейин Рефатнынъ ич бир суалине анълашылган бир джевап берамады. О акъикъатта дюньядан бихабер, эссиз эди. Рефат аджеле суретте къапыны къаршы ортып, иш ерине дегиль де, ёлгъа чыкъып анасы келеджек тарафтан эвге догъру чапты. Сайде апте кичкене балаларны сабалыкъ ашатып, тенбийлеп чыкъкъан эди. О къаршысына келеяткъан Рефатны корип меселенинъ фаркъына барды. Ёл ичинде Рефатнен бираз сёйлешкен сонъ чокътан танышы олган, район тропстанциясынынъ уйкен эмширеси Анна Васильевна Комаровагъа ювурды. Анна Васильевна район боюнджа сытма маразына къаршы куреш болюгининъ башлыгъы эди. Онынъ эмириндеки учъдёрт эмширининъ бу саада япа бильген бир хызмети олса, о да — иш ерлерине барып акрехин, хинин тозу таркъатмакъ ве вакъыт-вакъыт сагъанакъ озенчиги боюнда къашлыкъны иляджламакъ эди.

Сайде апте Анна Васильевнаны эвинден барып алды. Олар Абдулмейиннинъ одасына келип еткенде Рефат Абдулмейиннинъ башы уджунда, онынъ дудакъларыны сылата, сув юттыра, хастанынъ бетини, козьлерини сюртип тура эди. Анна Васильевна Абдулмейинге сёз къатты, нелердир сорады. Лякин къаршылыкъ аламады. Абдулмейинге Сайде апте де сёз къатты, алыны сорады, авурган ерини бильмек истеди. О Сайде аптени таныды, нелердир айтмакъ истеди. Лякин давушы манасыз бир ынъырды эди. Юзюни чевирмеден, къолунен стол ерине къулланылган фанера къуту тарафкъа ишмар-ишарет этти. Фанера къуту устюнде Абдулмейиннинъ базы бир къагъытлары, ян дефтерчигинен бирге къалеми, къалем учлагъан джам парчалары ве отъкен гедже язып толдырган мектепли дефтери ята эдилер. Сайде апте бу шейлерни йыгъыштырып къойды. Лякин бу къагъытларны бакъмагъа вакъыт ёкъ, хастаны дердине бир имдат арамакъ керек эди. Сайде апте Анна Васильевнагъа чеврилип:

— Анна, азизим ялварам санъа, бир ярдым эт, бу адамнынъ джаныны сакълайыкъ, мен сени мемнюн этерим, дюньяджа разы... — деди. Сайде апте акъикъатта Абдулмейиннинъ джаныны къутармакъ ичюн эр шейге разы эди. Бу риджасы акъкъа дёнсе Сайде апте ич аямаздан: келинлик девринден къалган шертли антерини, я да фесинден къалган эки нусфиени Анна Васильевнагъа багъышламагъа азыр эди.

Анна Васильевна яшы къырккъъа етсе де эр джезттен яшылыкъ ярашыгъыны сакъламагъа бильген, ишинде исе теджрибели, урьмет этмеге ве озюне урьмет эттирмеге бильген табиб эди. О къандырыджы бир давушнен:

— Сайде, бу-бутюн аляметлерине бакъкъанда камотос сыт-ма, хастаны тепретмек керекмей. Эгер учъ кунъ девам эткен кризисни кечирип олса,.. яшар... О якъыны Алла биле, деп сусть. Бу лафны эшиткен Сайде аптенинъ козьлеринден яш кельди.

— Анна тувгъаным, бельки бир уколлар япарсыз. Хастанынъ вазиятини енгиллештирир, джаныны сакълар. Пек ялварам кель Алла эшкъына, балаларынънынъ бахтына.

— Эй джаным Сайде, о боллыкъ къайда?.. Ойле эффектли иляджлар манъа келип етмей. Эпси район деваханеси (поликлиника) баш экими Юдинанынъ резервинде. О иляджлар факъат район партия ве совет органларынынъ реберлери ве оларнынъ аиле азалары ичюн, деди. Эким ярдымындан умюти-ни кескен Сайде апте Рефатны ишине-ёллады. Озю исе Анна Васильевнаны босагъада оздырып тез-тез хастанынъ янына къайтты. Бугунъ Сайде апте ишке бармады. Рефат сыкъ-сыкъ келип хастандан хабер ала эди. Мучесининъ бутюн азалары сонъ дередже зайыфлангъан, рухий джеэттен гонъю-ли эзилип, менлиги хорланып, хаял къырыкълыгъына огърагъан бу аджайип инсан артыкъ бу дюньядан вазгечкен эди. Абдулмейин оджа тешекке тюшкенининъ учюнджи куню дюньядан кечти. О сонъки дакъикъалары озюне келип эгер бир шейлер айткъан олса, о аджыныкълы сырларны факъат Сайде апте эшите бильди. Бу вакъиа 7 октябрь, джумаакъшамы геджеси эди.

“Сувукъ хабер ерде ятмай” дегенлери догъру шей. Абдулмейиннинъ олюм хабери бир — эки саат ичинде бутюн къомшу: Иштихан, Акъ-Дарья, Катта-Къургъан районларындаки колхозларда яшагъан татар, тюрк сюрдюнлери арасында джайрады. Мубарек джума кунюне раст кельген бу дженазе мерасиминдеки семетдеш ве динкъардашларнынъ сайысы, улу октябрь революцион байрамгъа меджбури чыкъарылгъан нумайышчыларнынъ сайысындан чокъ арткъач эди.

Кельгенлер арасында мерхумнынъ тувгъан, къардашлары олмаса да таныш-билишлери чокъ эди. Олар Абдулмейиннинъ: койде оджалыкъ деври, аилеси, ана-баба ве догъмушлары акъкъында, онынъ дженкявер хызмети, арбий рутбеси, джебэдеки джесаретлери ичюн девлет тарафындан такъдим этильген нишанлары акъкъында бильген, корьген ве эшиткенлерини сёйлей эдилер. Языкъ ки, эксериет ичюн дженазе мерасими кенди аятыны козьден кечирмек, озь ахрет кунюни ойламакънен къалмай. Бойле агъыр дакъикъаларда биле, чокълукъ ичинде ошек, фитне, гъаммазлыкъкъа джошкъанлардан гъайры, махсус биревлернинъ артындан козь-къулакъ олып кельгенлер де аз дегиллер. Эль агъзыны насыл орьтерсинъ,.. мында Сайде ап-

тенинъ Абдулмейинге олгъан чин, инсанпервер мунасибетини шубе астына алгъан, бу алидженап къадыннынъ миллетперверлигини аксине анылагъан ве анылатмагъа тырышкъанлар да ёкъ дегиль эдилер.

Бойле агъыр дакъикъаларда биревлер бутюн бир къавмнынъ фаджиалы такъдирине аджына, гонъюли таша, нефретленелер, дигерлери исе, къалабалыкъта "сёз къачыргъан" кимселернинъ артындан авлана, озь фитнелик амеллерине сермия топлайлар. Хусусан бугунъ, МГБнинъ район боюнджа оператив темсильджиси Матохиннинъ агентлери ичюн пек семерели куньлерден бири.

Оларны эр шейден зияде меракъландыргъан, бу — Абдулмейиннинъ язып къалдыргъан къагъытлары эди. Лякин бу къагъытлар акъкъында чешит тюрлю шубэ ве зан этювден башкъа, акъикъатта кимсе бир шей бильмей эди. Чюнки бу яныкъ ичинде о къагъытларны окъумакъ ичюн Сайде аптеде не вакъыт, не де истек олмады.

Мевтаны эски "Палван-ата" мезарлыгъында, къырымлы татарлар ичюн айрылгъан яныы къабристанлыккъа алып бардылар. Бу Митан-Кушрабат ёлунынъ Куньдогъуш тарафында, къасабадан 15—20 дакъикъалыкъ месафедеки тикенли къыр эди. Дженазе мерасими узакъ сюрмеди. Мерасимни алып баргъан къартларнынъ озъара лафларындан анылашылгъанына коре, бугунъ оларны даа эки ерде беклей эдилер. Акъикъатта, мезарлыкънынъ о бир башында даа бир къач къабир ачылмакъта эди.

Октябрь айынынъ кескин сыджагъына бакъмадан саат, 12-ни кечер-кечмез раметли Абдулмейин оджанынъ дефин мерасими битти. Мезарлыкътаки джемаатнынъ бир къысымы Къуру-арыкъ бою, догъурдан кестирип къышлакъкъа къайттылар. Дигер къысымы исе келеяткъан дженазе мерасимине къошулдылар. Факъат Къайбулла эфендинен бирге дженазе мерасимлерине къошулып юрген 4—5 адам ашагъыда, къуру къарагъач астындаки топракъ тапчангъа барып отурдылар. Бу — авджы Сеитметет, "сельсовет" Зейтулла, чобан — Суфьян ве дигерлери эдилер. Олар Абдулмейин оджанынъ къабири башында телкъин бермеге къалгъан Къайбулла эфендини беклеселер керек. Бу арада, юкъарыда, чокъ сайылы тазе къабирлер арасында юрген бир киши авджы Сеитмететнинъ козюне чалынды. О эр бир къабирнинъ башында токътала, баш тахтачыкъларыны окъуй, йыкъылгъанларыны догъурта, тюзете, къолундаки къагъыткъа да, бир шейлер яза эди.

Къайбулла эфенди телкъинни битирип къарагъач астында беклегенлернинъ янына кельди. Юкъарыда юрген киши де, къарагъачкъа догърулып келе берди. Мында беклегенлер оны

таныдылар. Бу, ашагы малледен Исмаил Челебининъ кичкене огълу Ильяс эди. Ильяс — яшы он едиге еткен нарин, арыкъ бир осьмюр эди. О дженк башлагъан йылынынъ бааринде Абдулмейин оджа дерс берген кой мектебининъ едиджи сыныфыны битирген эди.

Ильяс къарагъачкъа етер-етмез авджы Сеитмемет юксек, серт бир давушнен — Улан, къабирлер арасында не япып юрсинъ? — деди.

— Бакътым, баш тахтачыкъларыны тюзеттим, чокъусы бизим койдешлеримиз экен, — деди Ильяс.

Бу арада лафкъа къошулгъан "сельсовет" Зейтулла:

— Я бир шейлер яза эдинъ де... — деди.

Ильяс терен бир гонъюльсизликнен:

— Адларыны, догъгъан, ольген сенелерини язып алдым, — деди.

Бу сёзлерни эшиткен авджы Сеитмемет, буюк бир меракънен:

— Я о да неге керек?..

— Яздым иште... Унутмайым, деп, язып алдым, — деди.

Ильяснынъ бу джевабыны эшиткен авджы Сеитмемет "сельсовет" Зейтуллагъа чеврильди. Олар бири-бирине-бир анъ сессиз бакъып къалдылар.

Къайбулла эфенди бу лафларгъа дикъкъат бермеди. О аякъ устюнден, сол къолуны манълайына къоюп кунешке бакъты. Сонъра япракъсыз къарагъач терегининъ ердеки талдасына козь ташлап:

— Джемаат, саат бирден отъсе керек, энди адетиндже мевта чыкъкъан звге кирип, бир тазие дуvasындан сонъ заваллы Аметнинъ дженазесине барайыкъ, — деди.

Къайбулла эфенди янындакилеринен бирге дженазе чыкъкъан азбаргъа къайтып кельгенде, яры джемаат мында эди. Олар дут береги талдасындаки чарпаяларда ве дивар бою тизилип отургъан, салыкъ-салыкъ сёйлеше эдилер. Къайбулла эфендини кельгенини корип аякъкъа турдылар. Онъа чарпаядан ер бердилер. О чарпаянынъ къоллыкъларына таянып, ерлешип отургъан сонъ, къолларыны ачып дуvasына башлады. Эр кес онъа такълид этип дувагъа уйдылар. Бу ердекилери эписи бирден молланен берабер, ериндже "Я Аллам", "Я Раббим!". "Аминъ" сёзлерини текрарлай эдилер.

Къайбулла эфенди акъикъатта аджайип давушлы, гузель бир къыраат саиби алийдженап инсан эди. О насыят бергенде яки мусульман умметининъ дюнья ве акърет богъларындан сёйлегенде динълейиджилерини бездирмек дегиль, джан гонъюльден джоштыра биле эди. О дуvasыны битирген сонъ Сайде аптеге ве къорантасынынъ джумле азаларына шахсен, дже-

мааткѡа исе умумен тазиелер бильдирип сагълыкъ, селяметлик ве сабир тиледи.

Софра безлери ачылды. Сайде аптенинъ буюк балалары: Муневвер, Рефат, Рустем адамларнынъ алдына чай, юзюм, бираз да тандыр пителери алып кельдилер. Софра башында олгъанларына бакъмадан, эр ким озюни терен бир матем ичинде сезе. Субетлер факъат ватан, миллет, себепсиз гъурбетте эджельсиз ольгенлер акъкъында кете эди. Бир пияла чайдан сонъ Къайбулла эфенди явлыгъыны чыкъарып манълайындан бурккен терини сюртти. Якъында пердезленмеген беяз гуръ сакъалыны сыйпап:

— Эй, такъдир сен! — деп терен нефес алгъан сонъ, девам этип — даа бир аджайип йигитимиз бу амансыз дюньяны терк этти... Теджрибели оджа, яш несильни тербиеджиси, гъалип ордунынъ субайы, озъ миллети ичюн не къадар керек адам эди... я!.. деп сусты. Сес солукъсыз Къайбулла эфендининъ агъзына бакъып отургъанлар: Э... э... эй... бир Абдулмейинми я?! — деп теренден кокюс кечирдилер.

Чокъ кечмей софра дуvasындан сонъ эр кес турды. Азбар, софра саиблерине даа бир кере сагълыкъ-селяметлик тилеп савлыкълаштылар.

Олар ашыкъа эдилер. Чюнки бугунъ невбетте даа эки дже-назе бар эди.

(Озъ вакътында, яни 1944 с., акъыкый вакъиалар узеринден язып къалдырылгъан къараламалар эсасына язылды. Икяенинъ бу болюгинде ве келеджектеки девамында чокъ кимселернинъ адларыны тувгъан ве эвлятларынынъ гонъюллерини къозгъамамакъ макъсадынен деньиштирмек меджбуретиндем. Муэллиф).

Октябрь — 1996 с. Багъчасарай.



Владимир ПОЛЯКОВ

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

"Светлой памяти моего отца Евгения Матвеевича Полякова".

Этот очерк к нам, как принято выражаться в редакциях, поступил "самотеком". Тема — самая что ни на есть "дружбинская": история, этнография, сегодняшние проблемы народов, в первую очередь тех, что еще недавно были соотечественниками в составе бывшего СССР. Однако, задайся мы целью представить научно выверенный обзор истории крымскотатарского народа, мы, вероятно, обратились бы к специалисту, каковым Владимир Евгеньевич Поляков в строгом смысле слова не является, он — директор одной из симферопольских школ и исследователь истории родного края. И все же мы предпочли опубликовать именно его очерк. Нас подкупили три обстоятельства. Во-первых, это очень личное сочинение — автор часто ссылается на то, что видит сам, что рассказывали ему отец, другие родственники, сотни знакомых и незнакомых людей — очевидцев и участников тех или иных событий, — а такая форма повествования всегда особенно достоверна и потому интересна. Во-вторых, в истории крымскотатарского народа, рассказанной В.Е.Поляковым, сегодня открывается неожиданно много поучительного. И в-третьих, это редкий, увы, по нынешним временам случай, когда автор с состраданием и болью, но в то же время трезво, без экзальтации пишет о судьбе не своего народа, а народа-соседа. "Я, мой отец, дед — русские. Ни капли татарской крови во мне нет, — рассказывает Владимир Поляков в письме в редакцию. — Я из тех русских, чьи предки пришли в Крым вместе с техническим прогрессом: Матвей Петрович Поляков был еще до революции механиком Симферопольского телеграфа.

Мой отец — кадровый офицер, боевой летчик — в совершенстве знал крымскотатарский язык. Знал потому, что это был язык. Знал потому, что это был язык "среды обитания". Среди друзей его юности было множество крымских татар, и дружба эта, несмотря ни на что, прошла через всю его жизнь...

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЛИ АБОРИГЕНЫ?

Более неудачный этноним, чем “татарин”, пожалуй, трудно и найти. Привнесенный в нашу лексику еще в XIII веке, он охватывал многие и многие племена и народы, пришедшие на Русь с востока. С течением времени его несостоятельность стала столь очевидна, что пришлось прибегать к уточнениям: астраханские татары, барабинские татары, касимовские татары, крымские татары, сибирские татары... У непосвященного человека может сложиться впечатление, что речь идет об одном народе, но рассеянном по разным местам. Это глубокое заблуждение. Между крымскими и, к примеру, казанскими татарами общего не больше, чем между сербами и, скажем, русскими: первую пару объединяет то, что они тюрки, вторую — то, что они славяне. Но подобно тому, как славяне включают в себя многие и многие народы Восточной и Юго-Восточной Европы, так и тюрки — это узбеки, казахи, киргизы, уйгуры, каракалпаки, караимы, крымчаки, туркмены, кумыки, гагаузы, турки, азербайджанцы, тувинцы и все перечисленные ранее татары, чьи предки восходят к общему для них корню. Вот почему о крымскотатарском народе следует говорить как о вполне самостоятельном этносе.

Тем не менее в течение всего советского периода нашей истории собирательный этноним “татарин” объединял всех татар без исключений, как и прежде: ведь даже у Льва Толстого, как известно, в “Кавказском пленнике” жители горного аула почему — “татары”. И ошибок таких — великое множество.

На нашем полуострове передовые отряды Батые впервые появились в 1233 году, что и послужило ошибочной точкой отсчета пребывания крымских татар в Крыму. Кем же в действительности были пришельцы? Монголами? Кипчаками? Как известно, собственно монголами были только воины Чингисхана. В ходе экспансии покоренные народы один за другим вливались в его войско, образуя новые тумены. Один тумен — десять тысяч воинов. Русские называли тумен по-своему — тьма. Год от года число туменов множилось, и собственно монголы в них большей частью составляли лишь военную аристократию. Вот почему можно предположить, что в 1233 году на полуостров пришли предводимые монголами разные тюркские племена.

Были ли в тот период сражения, нет ли, — к сожалению, неизвестно. После битвы на Калке, в которой половцы (кипчаки) и русские дружины безуспешно пытались противостоять всего лишь передовому отряду завоевателей, судьба полуострова была предрешена.

Можно только поражаться смекалке и предприимчивости пришельцев. Оценив все выгоды морской торговли, они не стали нарушать сложившийся ритм жизни приморских городов, где хозяйничали генуэзцы, а вступили с ними в самые тесные отношения. Основным товаром того периода стали поставлявшиеся через Судею (Судак) и Кафу (Феодосию) рабы.

По некоторым источникам, в 1239 году захватчиками было продано в рабство египетскому султану 12 тысяч крымских джигитов, из которых султан создал свою гвардию — мамелюков. А во второй половине XIII века их военачальник Бейбарс, родом из Солхата (Старый Крым), после успешного переворота даже провозгласил себя султаном.

По мнению большинства ученых, то был золотой век тюркской поэзии. Считаясь улусом Золотой Орды, полуостров, при его крайне небольших размерах, оставался территорией по крайней мере трех государств: княжества Феодоро, Генуэзских крепостей и Золотой Орды. При этом сферы влияния были поделены достаточно четко: за генуэзцами оставалось море, за феодоритами — горы, за кочевниками, коими были и кипчаки и монголы, — степь. Сложившееся равновесие было нарушено в 1299 году, когда войска темника Ногая огнем и мечом прошли по горному Крыму.

Огромную роль в формировании крымскотатарского народа как самостоятельного этноса сыграл принятый при хане Узбеке ислам.

Начиная с XV века на смену городам-крепостям раннего средневековья (а порой и дополняя их) появляются города-крепости предгорья и даже степи: Бахчисарай, Ак-Мечеть, Карасубазар, Ор-Капу, Гезлев... Из старых крепостей только Кырк-Орда Судак еще продолжали играть прежнюю роль. Политический центр жизни полуострова перемещается в Бахчисарай — его сердце.

Геополитические изменения в соседних государствах не могли не сказаться на судьбе Крыма. Огромная империя, начало которой положил еще Чингисхан, распалась. Такова судьба всех империй. Впрочем, борьба за независимость Крыма была достаточно долгой и упорной, и ближайшими союзниками в ту пору стали Крымское ханство и стремившаяся обрести свободу от Золотой Орды Русь.

В 1433 году Крым добивается независимости. Но, увы, ненадолго. Уже при Менгли-Гирее, и не без его содействия, Крымское ханство становится вассалом Блистательной Порты. Именно Менгли-Гирей (1468-1515) проводит ряд реформ, чтобы перейти с коченого образа жизни к оседлому. Окончательную точку в этой непростой борьбе с вековыми, но уже отжившими традициями

поставил Сагиб-Гирей (?-1551), приказавший рубить оси кочевых повозок.

Примечательно, что в тот период сам народ начинает называть себя "крымцами", а топоним "Крым" впервые распространяется на весь полуостров. Интересно и то, что русские послы едут к крымскому хану, а не к крымскотатарскому хану.

После того как Крым на многие века стал одним из вернейших сателлитов Турции, его политическими и военными противниками оказываются Речь Посполитая и Россия. Подконтрольная крымскому хану территория простирается на огромное расстояние от Днестра до Дона, от Крымских гор до Кавказских вершин.

Если говорить о государственном строе Крыма тех лет, то это, в сущности, конституционная монархия. Власть хана не была абсолютной. Каждый из семи глав знатнейших крымских родов мог отказаться участвовать в походе крымского хана или по соглашению с другими беями предпринять поход самостоятельно. Но если беи были фигурами достаточно независимыми, то о самом хане этого нельзя было сказать: в любую минуту по приказу турецкого султана он мог быть отрешен от трона и даже лишен жизни. Неудивительно, что из тридцати девяти крымских ханов не многие закончили свою жизнь в собственной постели.

В течение пяти веков Крымское ханство оставалось грозной политической и военной силой Восточной Европы. Ему то противоборствовали, то искали с ним союза практически все государства того времени. Из песни слова не выкинешь: отношения России и Крымского ханства все пять веков были антагонистическими. Если в 1571 году крымские татары в ходе удачного набега чуть не догнали Москву, то со второй четверти XVIII века пылали уже крымские города и села. А какими непростыми были отношения Крымского ханства с Запорожской Сечью! Как пошутил мой знакомый киевлянин: "Вечный вопрос Украины — с татарами против русских или с русскими против татар?"

XVIII век ознаменовался и началом крушения такого колосса, как Турецкая империя. В ходе кровопролитнейших войн она теряла город за городом, крепость за крепостью, и вот уже огромные территории от Дуная до Дона, некогда принадлежавшие Турции, но подконтрольные Крымскому ханству, завоеваны Россией. Она нависла над Крымом, подобно тому как до тех пор нависала над ним Турция, а еще раньше — Дикое Поле, Скифия...

Не в силу каких-либо субъективных причин, не по злой воле Екатерины или из-за слабости и честолюбия Шагин-Гирея, а исключительно по причине расклада геополитических сил Крым оказался вовлеченным в орбиту интересов своего северного соседа.

Пройдут века. На смену России придет Украина, но отныне маленький полуостров, словно присосавшись, будет снабжаться кровью по артериям, тянущимся с севера.

В СОСТАВЕ ИМПЕРИИ

Включение полуострова в 1783 году в состав Российской империи оказалось для него событием чрезвычайно болезненным. Императрица и ее фавориты распоряжались вновь приобретенными землями так, словно те были пустынными, как будто там никто не жил. Правда, огромные владения выделялись и кое-кому из местной знати в полном соответствии с правилом порабощателей "Разделяй и властвуй!". Естественной реакцией на массовое ограбление народа стала эмиграция. Уже к 1787 году число покинувших Крым достигло восьми тысяч. В основном это были степняки, более всех пострадавшие от земельного разбоя.

Но Крым был далеко не первой территорией, присоединенной к Российской империи, и определенный опыт уже нарабатался. Прежде всего правительство старалось, особенно поначалу, не вмешиваться в дела религиозные. Для Крыма была учреждена должность особого муфтия, полностью независимого от главы всех мусульман России. Пытались по возможности опираться и на местную знать, для чего, как это делалось повсюду, многочисленные крымские беи и мурзы были прописаны к дворянскому сословию.

Вспомним, что так русскими дворянами стали предки людей, которых мы всегда будем считать гордостью России: Гаврилы Державина (потомок рода Нарбековых), Льва Толстого (род Идрисовых), Федора Достоевского (потомок Челебея), Александра Куприна (род Туган-Барановских), Анны Ахматовой (род Чагодая)... Сами за себя говорят тюркские фамилии выдающихся русских людей: Аксаков (Хромой), Кутузов (Буйный), Колчак (Рукавичка)...

Трудно, очень трудно пускали свои корни в каменистую, неудобренную почву Российской империи крымские татары. В 1792 году — новый всплеск эмиграции, на этот раз Крым покидает без малого сто тысяч человек. И вновь в подавляющем большинстве — степняки. Процесс эмиграции, то затухая, то вспыхивая с новой силой, практически не прекращался. Апофеозом стал массовый исход населения с полуострова в Турцию после завершения Крымской войны. Крым навсегда покинуло сто пятьдесят тысяч человек. "В опустелых деревнях только были собаки, двери и хатах от ветра хлопали, окна были выставлены, крыши раскрыты..."

Год за годом у себя на родине крымскотатарский народ постепенно превращался во второстепенное национальное меньшинство. Он был еще слишком многочислен, чтобы о нем можно было забыть, но уже недостаточно многочисленен, чтобы с ним нужно было считаться. XX век — век национально-освободительных революций и движений — Крым словно бы проспал. Это и неудивительно. Здесь почти полностью отсутствовала национальная интеллигенция — эти “дрожжи” национального самосознания. Исключение — увы, подтверждающее правило — деятельность Исмаила Гаспринского*, издававшего первую газету на крымскотатарском языке — “Терджиман”. * И. Гаспринский. Русско-восточное соглашение. Составление и публикация А. Курчи. “ДН”, 1991. N 12.С.199.

В СТРАНЕ СОВЕТОВ

В 1917 году, когда началось крушение некогда всемогущей империи, всего лишь за четыре года до того пышно отпраздновавшей свое трехсотлетие, о крымских татарах как о самостоятельной политической силе никто не мог и помыслить. Но пока одни толковали о “единой и неделимой России”, другие — о “незалежной Украине”, третьи — о “Советской России”, крымские татары, совершенно неожиданно для многих, выдвинули лозунг: “Крым — для крымцев!” При чем под “крымцами” понимались не только крымские татары, но все жители полуострова.

Впрочем, как и все в подобных ситуациях, крымские татары не были однородны в своих политических воззрениях. Одни создали Мусульманский комитет, другие — влиятельную по тем временам партию “Миллий фирка”, что означает “Национальная партия”. Но в целом позиция крымских татар по подавляющему большинству вопросов была едина. И естественным итогом консолидации стал Курултай крымскотатарского народа.

Лозунг “Крым — для крымцев!” не был чем-то исключительным. Столь знакомая нам сегодня эпидемия (кажется, слава Богу, пошедшая на убыль) “самостийности”, когда республиками или даже независимыми государствами стремятся стать не то что области, а даже отдельные районы, и в тот сумасшедший 1917 год прокатилась по всей бывшей Российской империи. Шутка ли, сам Петроград пытался выделиться в отдельную республику! Стоит вспомнить и то обстоятельство, что Крым был тогда отрезан от России. По Брестскому договору вся Украина становилась независимым государством. Кроме того, немецкие войска в соответствии с достигнутой правительством Ленина договоренностью дошли до Ростова.

Примечательно, что если до октября 1917 года Курултай и его лидеры не признавали Временного правительства, то в дни корниловского мятежа, когда на свержение Керенского были брошены части "Дикой дивизии", состоявшей, как известно, исключительно из мусульман, в том числе крымских татар, навстречу им из Крыма отправились пропагандисты, которым удалось предотвратить карательный поход на Петроград.

Не складывались отношения и с большевиками. В то время в своей практической деятельности большевики национальному вопросу никакого значения не придавали и не пытались выделить в разноплеменной российской среде союзников по национальному принципу, чтобы заручиться их поддержкой или хотя бы нейтралитетом. Став на путь решения всех вопросов путем массового террора, большевистские руководители неминуемо столкнулись с сопротивлением крымскотатарского национального движения. Отряды "эскадронцев", сформированные из крымских татар, пытались с оружием в руках противостоять карательным экспедициям черноморцев, без суда и следствия "казнивших" в Севастополе, Симферополе, Евпатории "нетрудовые элементы". Отец рассказывал мне, как на его глазах в Симферополе расстреливали людей только за то, что они носили пенсне или шляпу-котелок, или за то, что у них на руках не было мозолей.

Уже в зрелом возрасте я специально поехал в Евпаторию, чтобы записать воспоминания своих дальних родственников. Мои ровесники ничего особо интересного рассказать не смогли, но еще живы были несколько древних старух, которые доставали из запыленных альбомов пожелтевшие фотографии красавцев-усачей — своих отцов или дядей — и со слезами на глазах рассказывали, как все эти сильные, умные, красивые люди погибли практически в один день, когда матросы с "Трувора" устроили в Евпатории массовую резню. Все эти мои троюродные дедушки, о существовании которых я, честно говоря, и не подозревал, были врачами, юристами, инженерами.

Именно в те дни был казнен первый председатель курултая Нуман Челеби Джихан и многие его товарищи. Насилие порождает насилие, кровь — кровь. Крымскими татарами в отместку было захвачено и расстреляно несколько членов правительства республики Тавриды.

Национально-освободительные идеи, которые пропагандировала "Миллий фирка", были чужды не только большевикам, но и сторонникам "единой и неделимой России". 23 августа 1919 года уже белогвардейская контрразведка разгромила штаб-квартиру партии. Закрыта татарская гимназия в Симферополе, проведены массовые аресты. За ними последовали расстрелы крымскотатар-

ских активистов. На новый террор крымские татары отвечают массовым противодействием белогвардейскому движению. Левое крыло "Миллий фирка" уходит в подполье и сотрудничает с большевиками, создав Мусульманское бюро подпольного ренкома (Али Баданинский, Мидат Рефатов и другие).

В работах по истории гражданской войны в Крыму было не принято сообщать об участии в ней против белогвардейских войск крымскотатарского населения. Ему четко раз и навсегда отводилась роль эскадронцев — "злейших врагов советской власти". А ведь существовали тогда не только многожды описанные в художественной и исторической литературе "красные партизаны", но и "зеленые". К примеру, против врангелевских частей сражался татарский полк Крымской повстанческой армии под командованием Османа Деренайырлы.

В Крыму и сегодня широко известно имя Жени Жигалиной — комсомолки, расстрелянной белогвардейской контрразведкой. Есть Комсомольский сквер, где похоронены расстрелянные вместе с ней комсомольцы. Но нигде теперь не упоминается, что комсомольцы эти были крымскими татарами. Поначалу на памятнике, причем на двух языках, русском и крымскотатарском, было высечено: "Здесь похоронены члены Мусульманского коммунистического бюро при Крымском окружном комитете РКП(б) Мидат Рефатов, Мурад Решид Асанов, Асан Иззет Урманов, Евгения Лазаревна Жигалина, Абдулла Мустафа Баличиев". Памятник был уничтожен фашистами в период оккупации, но восстановлен после войны, однако уже со следующей надписью: "Героям, павшим за власть Советов в 1918-1920 гг. от комсомольцев г. Симферополя".

С окончанием гражданской войны Крым получил статус области, что, казалось, надолго, если не навсегда, должно было похоронить малейшую надежду на создание в Крыму какой-либо государственности. Подобная идея могла быть сочтена контрреволюционной с вытекающими отсюда последствиями. Наверное, и быть бы тогда Крыму губернией, или, по-новому, областью, если бы в дело не вмешалась большая политика.

В первые годы советской власти, хоть и косвенно, Турция снова сыграла огромную роль в судьбе полуострова. Поражение в мировой войне поставило ее в крайне тяжелое положение. По Севрскому договору (1920) ее территория сократилась на три четверти, полностью был утрачен военно-морской флот и неиссякаемый источник пополнения государственной казны — контроль над проливами. Пришедшее к власти правительство Кемаль-паши (Ататюрка), взяв курс на национально-освободительную борьбу, сразу же попало в политическую изоляцию: прежние союзники

Турции повержены, и казалось, помощи ждать не от кого. Но произошло то, что сильно спутало карты прежде всего лондонских: на помощь Турции пришла Советская Россия. Да, Россия — нищая, разоренная, ведущая войну не только со всем миром, но и с собственным народом. Решающую роль в этом союзе сыграло заверение Кемаль-паши о стремлении Турции бороться против империализма. Из России тут же было направлено в Анкару золото, оружие, радиостанции, медикаменты... Напомню, что это 1920 год, когда Советская Россия была признана только Ираном (как позднее выяснилось, не безвозмездно, за 600 миллионов рублей золотом) да еще Афганистаном, которому построили современнейшую по тем временам радиотелефонную станцию. Разумеется, бесплатно.

За "дружбу" с Турцией, кроме всего прочего, пришлось расплачиваться и землями. Ей возвращались ранее отвоеванные Россией армянские города Карс, Ардаган, Артвин. Поскольку в Турции проживала многомиллионная диаспора азербайджанцев и крымских татар (последствия предыдущих эмиграций), по настоянию турецкой стороны пришлось внести изменения и во внутренние границы: земли Нагорного Карабаха, заселенные армянами, вывести из-под юрисдикции Армении и на правах автономии передать Азербайджану (вот она, мина замедленного действия, которой было суждено взорваться спустя полвека), а Крым, эту "заштатную" область России, сделать республикой! Инициатива, разумеется, исходила из Центра, а крымским властям лишь предлагалось "радостно одобрить".

Последствия создания на территории Крыма республики оказались чрезвычайными: крымскотатарский язык, наряду с русским, стал государственным языком Крыма, причем то была не пустая декларация наподобие той, что провозгласил Верховный Совет Крыма в 1992 году. На крымскотатарском языке печатались абсолютно все документы, стали выходить газеты. Разительные перемены произошли в кадровой политике: если в прежних высших эшелонах власти не было ни одного (!) крымского татарина, то после создания республики они составляли уже 36%. Четверо даже стали наркомнами, но не потому, что были действительно лидерами, грамотными, знающими специалистами. Необразованные и не искушенные в государственных делах, они были зато коммунистами и крымскими татарами (министр земледелия — крымчаком).

Какая республика была создана в Крыму в 1921 году?

Современные историки много спорят по вопросу, который раньше, наверное, никому бы и в голову не пришел: национальная или территориальная республика была создана тогда в Крыму?

Напомню, что в письме к Шаумяну от 19.05.1914 года Ленин писал: "...общее положение о равноправии — деление страны на автономные и самоуправляющиеся территориальные единицы по признаку, между прочим, национальному (выделено автором. — В. П.)". Более чем определенно пишет и Большая Советская Энциклопедия: "Советская автономия построена по национальному признаку; она создается на территории, характеризующейся известной экономической целостностью и отличающейся особенностями национального состава и быта" (БСЭ. Т. 1. С. 461). Что интересно и о чем, в общем-то, мало известно, первоначально Крым был приравнен по статусу к Азербайджану, Грузии, Киргизии и всем остальным республикам еще до эсэсэровской поры. Но союз с Турцией оказался недолговечным. Уже к 1922 году в Кремле с разочарованием увидели, что строить социализм Кемаль-паша и не собирается, частную собственность не уничтожает, а, вернув не без помощи России многие и многие ранее принадлежавшие Турции земли, пошел с империалистами на сговор и, заключив достаточно выгодный для себя мирный договор, занял место среди европейских государств, практически прекратив с Россией всяческие контакты. Подобное развитие событий снова сказалось на судьбе Крыма. Оказавшись без заморского покровителя, он быстро потерял статус республики и превратился в автономию в составе РСФСР, каких было более десятка.

Сегодня, по прошествии более чем полувека, можно сказать, что потеря оказалась невелика, так как и самостоятельность республик была, в сущности, номинальной, но представьте себе, что отношения с Турцией сохранились хотя бы на год дольше, Крым — чем черт не шутит! — принял бы участие в создании СССР на правах суверенной республики, а потом, после его денонсации по Беловежскому соглашению, глядишь, мог бы стать независимым государством.

Фантазии фантазиями, но даже при автономии крымские татары чувствовали себя намного комфортнее, чем в недоброй для них памяти годы царизма или военного коммунизма. Как не раз рассказывали мне старики крымчане — русские и украинцы, перед войной крымским татарам безусловно создавались властями благоприятные условия для возрождения нации.

Работая с документами в архивах, я находил тому немало подтверждений. Проводилась так называемая политика коренизации: за крымскотатарским народом, равно как за караимами и крымчаками (как правило, их друг другу не противопоставляли), резервировались дефицитные рабочие места, соблюдалась определенная, довольно высокая квота среди руководящих работников. До 20% мест им выделялось и в учебных заведениях. В книгах,

брошюрах, статьях той поры много писали о национальном угнетении крымских татар царским самодержавием и о "естественном расцвете нации при советской власти". При крайне негативном отношении властей ко всем религиям вообще, татарские мечети в селах пострадали значительно меньше, чем церкви.

Несмотря на перегибы и издержки, политика "коренизации", надо признать, приносила плоды: уже перед войной можно было совершенно определенно говорить о сформировавшейся, пусть советской, но все же крымскотатарской интеллигенции. Появилось достаточно много педагогов из крымских татар. Сотни юношей получили высшее образование в вузах Москвы и Ленинграда, в различных военных училищах.

Как отмечали все без исключения старожилы, с которыми мне доводилось беседовать, а их сотни, межнациональные отношения той поры были вполне дружественными. Никто — будь то русский, украинец, еврей, крымский татарин или крымчак — ущерба не чувствовал. В крае органично существовало двуязычие. Все русские, проживавшие в сельской местности, в совершенстве владели крымскотатарским языком. Более или менее сносно изъяснялись на нем и горожане.

К сожалению, на государственном уровне все было не так безоблачно. Председатель КрымЦИК крымский татарин Вели Ибраимов, — один из четырех, уже упоминавшихся наркомов правительства 1921 года, человек малообразованный, но по-житейски сметливый и по-настоящему честный, столкнувшись с проводившейся советским правительством по отношению к национальным окраинам политикой — а она сводилась к использованию их как сырьевых придатков, хищническому разграблению их ресурсов и полному пренебрежению выгодами проживавших там народов, — попытался отстаивать интересы Крыма. Последствия оказались ужасными: органами ГПУ тут же был инспирирован мнимый заговор якобы с целью отторжения Крыма к Турции, Вели Ибраимов и многие крымскотатарские руководители арестованы и расстреляны (1928). Если до того членство в партии "Миллий фирка" никому в вину не ставилось и она активно сотрудничала с советской властью, то 17 декабря 1928 года коллегия ОГПУ выносит запретительный приговор по делу "Миллий фирка", а в январе 1931-го проводит массовые аресты. Как правило, ее члены впоследствии расстреливались.

Отец рассказывал, как однажды ночью был арестован и бесследно исчез его товарищ по Вольскому авиационному училищу, младший брат Вели Ибраимова. Было это в том же 1931 году.

В Крымском партархиве мне довелось читать протокол партийного собрания, где дружно осуждали какого-то коммуниста с та-

тарской фамилией. В то время делать записи по документам, не имеющим прямого отношения к официальной теме твоего исследования, запрещалось, а память фамилию не сохранила. Обвинялся он во всех мыслимых и немыслимых грехах: в связях с Турцией, "велиibraимовщине" и прочая и прочая. А все из-за того лишь, что как-то на собрании заметил: Москва, мол, из Крыма все фрукты за бесценок вывозит.

ВОЙНА

Встретили ее в крымскотатарских семьях точно так же, как и во всех других. Никто не сомневался в скорой победе. Кто-то пошел на фронт добровольно, кого-то призвали в действующую армию, некоторых направили в истребительные батальоны — будущие партизанские отряды.

Осознав, что Перекопская оборона была эффективна только в гражданскую, да и то лишь когда ее держали белые, командование в самом срочном порядке стало готовиться к партизанской войне. В лес завозили продукты, боеприпасы. Делалось все наспех, без соблюдения мер секретности. Стоит ли удивляться, что уже в первые дни оккупации все продовольственные базы оказались разграбленными: что-то забрало население, что-то расхватали разбежавшиеся по домам отряды, что-то вывезли немцы. При этом проводниками у них служили как русские, так и крымские татары.

Тогда же выяснилось то, к чему совершенно не были готовы пропагандисты от ВКП(б): оказалось, что многие простые люди — старики, женщины и даже дети, в том числе и из крымских татар, совершенно не скорбят об утрате советской власти. Может быть, события приняли бы другой оборот, но, к сожалению, оказавшиеся без запасов еды партизанские отряды стали проводить "продовольственные операции", что фактически означало грабеж населения. В мемуарах бывшие партизанские командиры вынуждены признавать, что хотя они и старались изымать продукты и скот только у фашистских пособников, но в короткие минуты, когда с риском для жизни удавалось прорваться в село, было почти невозможно разобраться, пособнику ли принадлежит данная корова, нет ли, — брали все, что под руку попадалось.

Отдельные командиры и комиссары уже тогда били тревогу, предупреждая, что все это вызовет озлобление местного населения. Тщетно. Голод не тетка. Зима 1941-1942 года была такой суровой, а кольцо блокады таким плотным, что практически во всех отрядах начался голод, в некоторых доходило до каннибализма. Немецкое командование умело воспользовалось ситуацией и

стало вооружать крымскотатарское население, предоставив ему возможность самому защищать свое имущество. Так появились первые отряды самообороны. В дальнейшем они стали использоваться в карательных экспедициях, а отдельные части и на фронте.

Из песни слов не выкинешь. Да, было и это! Но только ли среди крымских татар нашлись такие, кто взял оружие из рук врага? Помню, по телевизору шла передача о Белоруссии. Слушая патетический рассказ диктора, отец неожиданно для меня выругался и, переключив программу, добавил: "Видел я, как некоторые братья-белорусы в сорок первом в спины нам стреляли!"

В мемуарах брянских партизан я с удивлением прочитал о полицейских батальонах, состоявших исключительно из русских, которые совершали карательные рейды против партизан. Откровением были для меня и рассказы о том, что калмыцкие конные отряды нападали на наши колонны, вырезали целые госпитали. А украинская повстанческая армия! К горькому сожалению, перечень этот можно было бы продолжать и продолжать... Меньше всего я хотел бы, чтобы читатель подумал, будто я оправдываю предательство, однако гражданская война, террор ЧК, ГПУ, НКВД, раскулачивание оставили в душах людей незаживающие раны. Слишком у многих был свой счет к советской власти.

В то же время в партизанских отрядах сражалось немало крымских татар. В течение двух с половиной лет без перерыва вели партизанскую борьбу Абдул Амиров, Халил Кадыев, Мамед Молочников, Курсеид Муратов. Искренне хотел бы, чтобы читатели запомнили эти имена, ибо, как рассказал мне один из представителей этой славной когорты Андрей Андреевич Сермуль, вообще только 27 человек "от звонка до звонка" вынесли это тягчайшее испытание.

Не для того чтобы "выгораживать" крымскотатарский народ — он в этом не нуждается, — но чтобы напомнить, что в каждом народе есть разные люди, упомяну: на фронтах Великой Отечественной сражались четыре генерала — крымских татарина, более восьмидесяти полковников, более ста подполковников, не говоря уж о младших офицерах и рядовых. Многие отмечены высокими боевыми наградами. Семеро удостоены звания Героев Советского Союза. Аметхан Султан удостоен этого звания дважды. Всего награждено около 50 тысяч крымских татар, и число это могло бы быть значительно большим, если бы массовые награждения в основном проводились не на заключительном этапе войны — в 1944—1945 годах, когда крымских татар к высоким наградам уже не представляли.

Нелишне напомнить также, что крымские татары, находясь

на оккупированной территории, наравне со всеми испытывали все ужасы фашизма: точно так же, как и остальных, крымскотатарских девушек и юношей угоняли в Германию, на городских площадях для всеобщего устрашения фашисты вешали партизан и подпольщиков, среди которых были и крымские татары, брали заложников, в том числе и из крымских татар.

В послевоенные годы появилась и стала достаточно популярной версия, что именно крымские татары были виновниками неудач партизанского движения в Крыму. В действительности все обстояло гораздо сложнее. Крымские горы, прорезанные десятками дорог и троп, мало приспособлены для партизанской войны, это не Кавказ. В отличие от всех других партизанских соединений, крымские партизаны были лишены возможности на скольконибудь длительный срок оторваться от противника, чтобы получить передышку. Месяцами отсутствовала связь с Большой землей. А если учесть, что снабжение продовольствием и боеприпасами почти полностью осуществлялось из-за пределов Крыма (эффективность "продовольственных операций" была крайне низка), то приходится признать, что практически на протяжении всех двух с половиной лет борьбы крымские партизаны жили впроголодь. К тому же концентрация войск противника в Крыму не шла ни в какое сравнение ни с одной из оккупированных областей Украины, Белоруссии или России: все это время Крым оставался прифронтовой зоной — линия фронта проходила здесь и в 1941-м (Перекоп, Севастополь), и в 1942-м (Керчь, Севастополь), и в 1943-м (Керчь и Перекоп), и в 1944-м (Керчь, Перекоп, Чонгар). И то был не второстепенный фронт, "затиший" здесь не случалось, здесь из года в год, изо дня в день шли кровопролитные бои.

Концентрировавшиеся в Крыму воинские силы противника по мере необходимости привлекались к борьбе с партизанами. Оккупангам трижды удавалось плотным кольцом окружать лес и прочесывать его насквозь. Как при этом выживали отряды, сколько могли сохранить людей — разговор особый.

Ситуацию осложняли и субъективные факторы. Как нигде, в Крыму был развит антагонизм между вынужденно оказавшимися в партизанах кадровыми военными и специально оставленными для руководства партизанским движением партийно-советскими работниками, которые, как это ни странно, быстрее приспособились к специфическим условиям местной партизанской войны. Армейские же командиры субъективно и крайне негативно оценивали деятельность крымских партизан и небезуспешно добивались сворачивания партизанской войны в Крыму, предлагая ограничиться лишь небольшими разведывательными группами.

Сохранился любопытный документ, который позволю себе привести полностью.

“Постановление Крымского Обкома ВКП(б)

Об ошибках, допущенных в оценке поведения крымских татар по отношению к партизанам, и о мерах по ликвидации этих ошибок и усилению политической работы среди татарского населения.

18 ноября 1942 г.”

Имеющиеся в распоряжении ОК ВКП(б) факты свидетельствуют о том, что татарское население многих деревень не только сочувственно относится к партизанам, но и активно помогало им. Целый ряд татарских деревень горной и предгорной части Крыма долгое время оказывал помощь партизанам (дер. Кокташ, Чермалык, Бешуй, Айланма, Ай-Серез, Шах-Мурза и др.), а десантные части, прибывшие в январе 1942 г. в Судак, целиком снабжались продовольствием окружающими татарскими селами этого района. Отряд Селезнева 4 месяца стоял в деревне Бешуй и снабжался продовольствием.

Нельзя не отметить такой факт, характеризующий отношение местного населения к партизанам. В августе месяце 300 человек партизан 1-го района на виду у населения в течение трех суток ожидали лодку на берегу моря, но никто из местных жителей не выдал их, а наоборот, когда отряд проходил и оставлял за собой следы, то чабан-татарин прогнал по следам партизан отару овец с расчетом замести следы партизан...

Анализ фактов, доклады командиров и комиссаров партизанских отрядов и проверка, проведенная на месте, свидетельствуют о том, что утверждения о якобы враждебном отношении большинства татарского населения Крыма к партизанам и что большинство татар перешло на службу к врагу, является необоснованным и политически вредным. Бывшее руководство центра партизанского движения (гг. Мокроусов, Мартынов) вместо того, чтобы дать правильную политическую оценку этим фактам, вовремя разоблачить подлую политику немецких оккупантов в отношении татарского населения, ошибочно утверждало, что большинство татар враждебно относится к партизанам, что неправильно и даже вредно ориентировало отдельных руководителей отрядов в этом вопросе...

Осудить как неправильное и политически вредное утверждение о враждебном отношении большинства крымских татар к партизанам и разъяснить, что крымские татары в основной массе так же враждебно настроены к немецко-румынским оккупантам, как и все трудящиеся Крыма”.

Как никто скупно награждались крымские партизаны. До чрезвычайности скупно, до неприличия. В дневнике Н. Д. Дугового, с

которым меня связывала большая дружба в период, когда я — молодой механик автопредприятия — устанавливал имена погибших и пропавших без вести партизан, а он — прославленный командир, пробовавший в лесу с первого до последнего дня оккупации — помогал мне в этом поиске, мне довелось прочитать гневные строки о том, что, несмотря на неоднократные представления партизанского руководства, ни один партизан в течение всего первого года войны не был награжден ни орденом, ни медалью.

Андрей Андреевич Сермуль рассказывал, что каждый раз, отказывая партизанам в заслуженных наградах, руководители из Краснодарского штаба партизанского движения говорили: “Вот освободим Крым, тогда и наградим”. Наконец, после двух с половиной лет тяжелейшей борьбы, Крым стал свободным. По существовавшему в те годы неписаному, но строго соблюдавшемуся правилу командиры партизанских бригад, отрядов, действовавших на освобожденных Советской Армией территориях, получали высшую награду — звание Героев Советского Союза. Маршал Василевский направил в Государственный Комитет Обороны представления на награждение участников крымского партизанского движения. Представление второго (после Жукова) по тем временам лица в Советской Армии обычно исполнялось беспрекословно, Указ Верховного Совета был всего лишь формальностью. Но в случае с крымскими партизанами произошло нечто исключительное. Как рассказывал мне бывший командир партизанского отряда Алексей Ваднев, когда он привез в Москву наградные листы, то с изумлением увидел, что чиновник из наградного отдела, который должен был передать документы, небрежно отшвырнул их и презрительно сказал: “Наград захотели? Татар надо было лучше воспитывать!”

ДЕПОРТАЦИЯ

Начав работу над этой главой, я по привычке заглянул в словарь Даля. Слова “депортация” в нем не было. Под рукой оказался “Краткий словарь иностранных слов” (М., 1968): “Депортация (лат. *deportatio* букв. вывоз) — в буржуазных странах — высылка, насильственное переселение”.

Вот так! Это, оказывается, только в буржуазных странах, а у нас, несмотря на то что уже был развенчан культ личности, что уже шла оттепель, никаких депортаций, выходит, нет и не было. Между тем с депортацией, или насильственным переселением, советские люди знакомы давно. С детских лет я, рожденный в первый послевоенный год, знал непонятное, но пугающее слово — Соловки!

Крымчане впервые не в теории, а на практике познакомились с депортацией в годы коллективизации. Только тогда отправляли в Сибирь не по национальному признаку, а по классовому. Причем если понять, кто такой кулак, нормальный человек был еще в состоянии, то с подкулачниками дело обстояло совсем туго: как ни крути, а получалось, что они — самые что ни на есть бедняки. Их, однако, советская власть тоже высылала. Мне доводилось беседовать со свидетелями тех дней. Поразительно, но, оказывается, почти никого из тех, кого эти события не коснулись, они и не ошеломили! Была даже какая-то убежденность, что все делается правильно: “А как же иначе ликвидировать чересполосицу? Трактору простор нужен!” Кроме того, каждый был до поры поразительно уверен: “Меня-то это никогда не коснется — я же не буржуй какой, не дворянин, не кулак!” Но прошли годы, и вдруг стали выселять из Крыма итальянцев. И снова: “Ну так то ж итальянцы! А чего они вдруг в Испании фашиста Франко поддерживать стали! А мы не итальянцы, нас выселять не за что”. Потом началась Великая Отечественная. И вновь из Крыма стали насильственно вывозить людей. На этот раз немцев. Тоже без всякой вины с их стороны, а только за то, что они немцы. И вновь почти никто не возмутился, не ужаснулся даже в глубине души: “Боже мой, за что?! Ведь так и меня могут!” Напротив: “Нет, меня не могут. Что я, немец какой, что ли?”

Говорят, тигр, хоть раз отведавший человеческого мяса, навсегда становится людоедом. Однажды приняв “простое” решение о депортации, власти не искали уже иного.

В оккупированном Крыму люди не знали тогда, что “тигр” терзает жертву за жертвой: с родных мест были высланы калмыки, карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы, месхетинцы. Задолго до войны, как мы помним, были изгнаны курды, корейцы, хемшиды. Но в Крыму об уготованной и его народу участи пока не догадывались. Ждали освобождения от оккупации, прихода родной Советской Армии.

В своей жизни мне доводилось встречаться с людьми, имевшими самый разный жизненный опыт. Беседовал я с моим добрым знакомым, бывшим офицером-пограничником, который в 1943-м участвовал в выселении чеченцев. Из его рассказа я, помимо всего прочего, впервые узнал, каких потерь стоила нам эта акция, какую мужественную борьбу вел чеченский народ, с оружием в руках защищая каждый дом, каждый камень. К слову, войну свою с советской властью чеченцы начали еще в 1940 году, подним вооруженное восстание за свою свободу. Бог им судья. Но уроки истории нам помнить бы не мешало.

Другой мой собеседник, в прошлом тоже офицер-погранич-

ник, участвовал в выселении крымских татар. Был он в то время молодым лейтенантом. Сражался под Москвой, был ранен. В Крыму оказался на должности командира погранзаставы. Неладное он почувствовал тогда, когда заметил небывалую концентрацию конвойных частей НКВД на полуострове. Пограничникам в этой операции отводилась третьестепенная роль. Непосредственно с населением "работали" специалисты. Народ был ошеломен. Ни о каком сопротивлении и речи не шло. Следует напомнить, что между днем освобождения и днем начала депортации минул лишь месяц. Почти все мужское население еще оставалось в армии. В Крыму, кроме женщин, детей и стариков, совершенно нехватали оказались лишь прибывшие на побывку офицеры, сержанты и солдаты — крымские татары. Мой собеседник рассказывал, что у него сил не хватало смотреть, как конвоиры швыряли этих людей в машины. Какое же недоумение выражали лица тех, кто только что сражался на фронте, был ранен, награжден, а теперь с ними обращались как с врагами народа.

Как остальное население Крыма восприняло депортацию? Да никак! Всем объяснили, что татары оказались предателями и для того, чтобы обезопасить наши границы, принято решение выслать их в Среднюю Азию. "Ну, выслать, так выслать. Нас же это не касается". Но вот прошло совсем немного времени, каких-то две недели, и вновь высылают, теперь армян, болгар, греков. "За что?!" Опять объяснение наготове: сотрудничали с немцами, чем-то там торговали. "А-а, сотрудничали, ну тогда конечно. Но настало уж никогда не тронут". Однако пришли пятидесятые годы. В Крыму, как и по всей стране, развернулась омерзительная антисемитская кампания. В ход снова была запущена государственная пропагандистская машина: в средствах массовой информации, на политзанятиях, даже в школах стали бичевать "безродных космополитов". В Сибири уже были готовы концлагеря и поселения для приема новых депортированных, но случилась осечка: умер Сталин. Хорошо подготовленному делу дали отбой. А если бы не дали? Может быть, русские, украинцы, проживающие в Крыму, ужаснулись бы, возмутились, хотя бы за себя испугались: "Сегодня евреев высылают, а завтра, глядишь, и до меня доберутся!" Нет! Не ужаснулись, не испугались.

В 1954 году Крым передали Украине. Жив бы был Сталин, решение могло оказаться привычным: взять да и выселить всех русских. Куда? Куда-нибудь в Сибирь. И вновь те, кого это не касается, согласились бы. Да простит мне читатель эти горькие рассуждения, но мне, коренному крымчанину, страшно: на чьи еще головы может, не дай Бог, обрушиться беспощадный удар?

На москалей, "лиц кавказской национальности", евреев, украинцев?..

У нас, к сожалению, нет точной статистики, но по приблизительным оценкам только в дороге погибло до четверти депортированных крымских татар. А сколько умерло впоследствии от болезней, голода, непосильного рабского труда! Но и это еще не все!

Народы Крыма были не только депортированы, но и репрессированы. Под угрозой тюремного заключения им запрещалось покидать отведенные для постоянного места жительства поселки. Так продолжалось до 28 апреля 1956 года. Целых 12 лет! Сколько юношей и девушек только по этой причине не смогли получить образование, не стали художниками, артистами, инженерами, спортсменами!.. Они были обречены оставаться крепостными Страны Советов.

БОРЬБА

Мы уже знаем, что депортация прошла практически без малейшего сопротивления. Едва ли можно говорить и о каких-либо акциях протеста при жизни Сталина. Народная молва, правда, из уст в уста передает рассказ о том, как 247 боевых офицеров поехали к нему на прием, да так и не вернулись. Думаю, это легенда. Первые, достаточно робкие, сугубо законные формы протеста крымскотатарского народа против своего бесправного положения относятся к периоду уже после расстрела Берии.

Начиная с 1956 года разворачивается "петиционная кампания" — сбор подписей, который объединил сотни тысяч человек. Первоначально петиции были пронизаны святой верой в то, что после смерти таких сатрапов, как Сталин и Берия, "наверху" обязательно разберутся и примут меры. До боли знакомое: "Вот придет барин, барин нас рассудит".

В начале шестидесятых создается постоянное представительство крымских татар в Москве, которое занималось информированием общественности, средств массовой информации, правительства о проблемах своего народа. В местах спецпоселений возникают "инициативные группы содействия партии и правительству в решении национального вопроса крымскотатарского народа". Число первых "инициативников" — около пяти тысяч человек, списки официально сданы в ЦК КПСС. Некоторые петиции собирали по сто тысяч подписей, и это встревожило власти — начались репрессии. К 7 и 5 годам лишения свободы соответственно были приговорены, например, в Ташкенте Энвер Сеферов и Шевкет Абдураманов.

Следующий этап борьбы — “интеллектуальный”: крымскотатарская интеллигенция обратилась к истории своего народа. Не без изумления молодежь узнавала о том, что еще пять веков назад в Крыму существовало высшее мусульманское учебное заведение — медресе, узнавала о мощи Крымского ханства. Можно себе представить, какое впечатление на слушателей производили лекции об истории народа, — ведь официальная пропаганда твердила: нет такого народа “крымские татары”, нет у него своей культуры, истории, нет традиций. Жажда исторической правды стала огромной, восстановление исторической памяти оказалось благоприятной средой для роста национального самосознания.

Логическим продолжением научно-лекционной работы стало создание Союза крымскотатарской молодежи. Это была, пожалуй, первая неформальная организация со своей программой, структурой. Были в ней отделы: исторический, финансовый, даже особый, который занимался безопасностью членов организации, следил за тем, чтобы в нее не проникли провокаторы. В августе 1962 года был проведен первый процесс над участниками Союза. Сеит-Амза Умеров и Марат Омеров осуждены соответственно на 3 и 4 года усиленного режима, несколько человек уволены с работы, несколько исключены из учебных заведений.

К 45-летию создания Крымской АССР впервые состоялись крупные массовые акции во всех регионах проживания крымских татар. Как следствие — волна арестов. Но борьба уже приобретает необратимый характер. В сентябре 1967 года в Ленинабад нелегально съезжаются активисты крымскотатарского движения, которое апеллирует теперь к советской интеллигенции, а через нее — к мировым средствам массовой информации.

Борьба оказалась бессмысленной: тогда же, в сентябре 1967 года появляется Указ Президиума Верховного Совета СССР, который фактически реабилитирует крымскотатарский народ (Указ 1956 года всего лишь объявлял “нецелесообразным” дальнейшее содержание народа в спецпоселениях). Но, признав невиновность народа, власти и словом не обмолвились о том, что он может вернуться к себе на родину.

С радостью и надеждой воспринимали крымские татары известия о реабилитации и возвращении на родину чеченцев, калмыков, балкарцев, ингушей. И только для них самих путь назад был заказан. Рассказывают, что вопрос ставился перед Хрущевым, но со свойственным ему ненежеством тот рассудил не восстанавливать крымскую автономию, так как... одна татарская республика уже есть — в Казани. Вот так! Более того, стало очевидно, что теперь власти сменили тактику: народ просто лишили имени. Слова “крымский татарин” стали запретными. В паспортах, во

всех документах им надлежало писать просто "татарин". Средства массовой информации стали распространять идею о том, что высланные из Крыма татары благополучно укоренились на узбекской земле, от добра добра не ищут — незачем им возвращаться в Крым. А Крым тем временем усиленно заселялся приезжими со всего Советского Союза. Помню, именно тогда, студентом автомобильного техникума, я был на сельхозработах в зерносовхозе "Феодосийский" Советского района. Мы жили в домах переселенцев, они все еще пустовали. В поселке было минимум две улицы таких домов, которые прекрасно сохранились и ждали своих хозяев. Боже мой, если бы тогда власти позволили им вернуться! Скольких бед можно было бы избежать!

Увы, этого не произошло.

Поскольку Указ 1967 года нигде не публиковался, крымскотатарский народ имел все основания решить, что несправедливое обвинение с него снято и можно возвращаться. Люди хлынули в Крым. Но ни о каких переселенческих домах уже не было и речи. Покупали за свои, кровные. И здесь стало твориться такое, во что мы, живущие в Крыму русские и украинцы, сначала не могли поверить: милиция отказывалась прописывать крымских татар, а местные Советы и нотариальные конторы — оформлять покупку домов.

Мой товарищ, работавший председателем поселкового Совета в одном из симферопольских пригородов, был уволен с работы только за то, что зарегистрировал акт купли-продажи дома и прописал гражданку Петрову (фамилия вымышленная). "Криминал" же состоял в том, что Петровой она была по мужу, а в деистве... Аблаевой!

Людей, уже живущих в купленных домах, стали третировать, а затем милиция принялась выселять их из Крыма. Вновь прокатилась волна судон, но на сей раз по новой для крымскотатарского народа статье — "за нарушение паспортного режима".

Мне и до того доводилось слышать о ненасильственности движения крымских татар за возвращение, но после трагедии Мусы Мамута я понял, какое огромное мужество и выдержку пришлось им проявлять для этого. Муса купил дом в селе Родниковое. Власти отказались оформить сделку, а затем и вовсе посадили его на два года в тюрьму за пресловутое "нарушение паспортного режима". Условно тот же срок дали и его жене. Отсидев фактически ни за что, Муса возвращается в Родниковое, вновь покупает дом, его вновь отказываются прописать, а потом опять приходит милиция, чтобы насильно вывезти всю его семью. И вот тогда Муса обливает себя бензином и горящим факелом идет навстречу

милиции. Думаю, мои соплеменники со мной согласятся: русский человек в такой ситуации скорее бы взялся за топор.

Стремясь сорвать процесс стихийного возвращения крымских татар, власти объявляют о якобы плановом их возвращении посредством оргнабора. Но за весь 1968 год было переселено всего 148 семей.

Все эти годы были поистине Клондайком для милицейских и советских чиновников, которые буквально озолотились на взятках на прописку людей, всеми правдами и, увы, неправдами стремившихся возвратиться на родину. Так как же им было не подогревать неприязнь к татарам, почва для которой была уже удобрена: людей поставили в такие условия, когда они вынуждены были оспаривать друг у друга свои дома.

Много лет спустя на съезде курултая, где я присутствовал в качестве гостя, ко мне подошел один из делегатов и рассказал, что вместе со своим другом Рустемом Яшлавским был в 1968 году в Марьине в моем доме. Адрес моего отца дала им мать Рустема, дружившая с отцом с детства. Не скрою, мне было приятно слышать, что в то сложное время отец принял Рустема как сына. К слову, отец Рустема, офицер Советской Армии, погиб на фронте.

В 1968 году крымскотатарское национальное движение впервые пересеклось с правозащитной, во многом благодаря генералу Григоренко. Но именно этот период, когда наконец произошел прорыв информационной блокады, и стал самым трагичным для крымскотатарского движения. Двести его активистов были осуждены, руководство практически обезглавлено. КГБ прибегло к старой, применявшейся еще царской охранкой тактике, направленной на раскол народа. Если раньше "путь в высшее общество" был закрыт для всех крымских татар без исключения, то теперь власти начали протектировать отдельным лицам. Вершиной восхождения по тернистому и не всегда праведному пути партийного функционера стало назначение Сеита Таирова секретарем Джизакского обкома партии. Провозглашается курс на воссоздание когда-нибудь в будущем национальной автономии... непосредственно в Узбекистане.

КГБ пытается — и не всегда безуспешно — вербовать осведомителей из числа участников движения, вбить клин между правозащитным и крымскотатарским движениями, отсечь крымскотатарское движение от общедемократической борьбы. В феврале 1977 года даже было сфабриковано коллективное письмо Андрею Дмитриевичу Сахарову, подписанное крымскими татарами. Суть его ясна из одной лишь фразы: "Не вмешивайтесь в наши дела, не вредите нашему движению, дорогу в Крым мы найдем без Вас и

Ваших друзей". Дезавуировать это письмо удалось только через полгода.

Теоретики от КПСС пытались формировать общественное мнение, объясняя невозможность возвращения крымскотатарского народа перенаселенностью полуострова, отсутствием средств на обустройство, враждебностью крымчан к татарам. Эти мифы разоблачали и А.Д.Сахаров, и С.А.Ковалев, и другие правозащитники.

С началом перестройки судебные процессы против крымскотатарских активистов прекратились, но понимания вопроса не прибавилось. В сущности, все оставалось по-прежнему, однако замалчивать драму уже было невозможно.

20 июня 1987 года в Москву прибывают полторы тысячи человек, которые организуют манифестацию, поддержанную москвичами. На 26-е намечается демонстрация на Красной площади, и тогда, чтобы предотвратить ее, срочно устраивается прием делегации заместителем Председателя Верховного Совета СССР Демичевым. Самым срочным образом в нее включаются доставленные из Узбекистана "представители народа", которые пытаются снять требование о возвращении на родину. Убедившись, что их обманывают в очередной раз, 120 человек все же выходят на Красную площадь с плакатами "Верните крымским татарам родину!", которые люди в штатском вырывают у них из рук. После этого делегацию приняли вторично и сообщили, что проблемой занялся лично Горбачев. В поддержку крымских татар в Президиум ВС СССР с открытыми письмами обратились Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Сергей Баруздин и другие деятели культуры. Вероятно, именно они вынудили власти распространить сообщение ТАСС, где наряду с обычной клеветой на народ все же было сказано о комиссии, которая должна будет решить вопрос в комплексе. Читатели, конечно, догадались, что речь идет о пресловутой комиссии Громыко.

Очень скоро стало понятно, что не для решения проблемы она создана, страну вновь всколыхнула волна протеста. В соответствии с новыми веяниями митинги теперь делились на санкционированные и несанкционированные. Нигде, ни в одной области власти не давали разрешения на проведение митингов крымских татар. Но времена все же изменились: арестов, избиений не последовало. Практически целый год шел перманентный митинг, страна бурлила. Но сходит на нет перестройка, все более отчетливо показывают свой оскал "не желающие поступаться принципами", и 23 июня 1988 года при разгоне демонстрации власти используют дубинки и слезоточивый газ. То же самое предпринимают власти

в Ташкенте, хотя там в демонстрации участвовало двадцать тысяч человек, но чего-чего, а милиции и дубинок для борьбы с мирными людьми у нас всегда хватало.

Народ продолжал бороться как мог. Начались забастовки. Да только кто в стране, которая "бастовала" уже более 70 лет, заметит, что кто-то там не работает!

Очередной раз власти прибегают к "зубатовским методам" для раскола движения. Чаще всего для этого привлекаются люди, сложенные заключением. Еще недавно пользовавшиеся уважением народа, они призывают "опираться на структуры КПСС и не форсировать событий". Но в 1989 году Центральная инициативная группа принимает решение о возвращении на родину. Сегодня мы понимаем, сколь верным было такое решение, ибо вскоре разразилась финансовая диверсия КПСС, обесценившая наши сбережения. Счастливы те, кто, не вняв увещеваниям, возвратились в Крым — на борьбу, на самозахваты, на неизвестность. И как трудно, да что там трудно — невыносимо тем, кто не рискнул ехать туда без разрешения, потом это стало не по карману.

Если в 1988 году в Крыму было 17,5 тысяч крымских татар, то 1 мая 1990-го их насчитывалось уже 83116 человек. Вновь вышвырнуть народ в Узбекистан или куда-то еще было невозможно.

И тогда власти начинают массовую раздачу лучших земель под индивидуальное строительство и приусадебные участки. Казалось бы, благое дело: дать людям, стоящим в очереди на государственное жилье, построить дом на свои деньги. Но не об этом пеклись власти. Если кто-то пожелает познакомиться с владельцами фешенебельных домов, расположенных практически в городской черте Симферополя, то убедится, что их хозяева — не те, кто мыкались по общежитиям, ютились в коммуналках или снимали угол в частном секторе. Все эти дворцы принадлежат представителям "дворянского сословия" эпохи социализма: партийной, профсоюзной, советской номенклатуре, директорскому корпусу. Дачный бум взвинтил цены на стройматериалы, создал их дефицит.

Процесс же раздачи земель под застройку возвращающимся крымским татарам, как нарочно, а может, и действительно нарочно, стал неуправляемым. Емкое слово "самозахват" наиболее точно отражало суть процесса. Помню, как в Марьине люди сами делили землю на кукурузном поле, расположенном напротив дома моих родителей. Когда вырисовывались контуры будущих домовладений, отец подошел к человеку, который был, по-видимому, старшим, и, показав, где проложен силовой кабель, посоветовал не размещать там участок, а лучше проложить дорогу. То ли

потому, что отец говорил на крымскотатарском языке, то ли просто ему попался разумный человек, но была сделана перепланировка. Позднее я видел разработанные землеустроителями планы крымскотатарских жилых массивов в Бор-Чокраке, в Ак-Мечети, а тогда шел стихийный, далеко не оптимальный процесс. Кстати, "под шумом волны" немало участков на кукурузном поле прихватили и мои русские соседи, причем, поверьте, отнюдь не бездомные. То, что в мутной воде рыбку легче ловить, известно всем.

К сожалению, поселковыми, районными, городскими Советами был упущен момент организованного выделения земли тем, кто мог доказать, что был выслан именно из этого села или города. В результате люди в массе стали оседать вокруг Симферополя. Власти полностью утратили возможность влиять на процесс возвращения. Чтобы попытаться взять ситуацию под контроль, срочно создаются комитеты по делам депортированных народов, которые, будут структурными подразделениями исполкомов, проводили в жизнь политику все той же КПСС — "разделяй и властвуй". Великолепные условия под их руководством были созданы лишь для крымскотатарской номенклатуры.

Учреждение в Москве комиссии Догужиева стало огромным шагом вперед по сравнению с комиссией Громыко, но она уже не поспевала за событиями. Эх, ее бы решения да лет на пять раньше!

Осознав, что многолетняя война за то, чтобы не допустить возвращения в Крым крымскотатарского народа, проиграна, власти пытаются взять реванш в другом, не менее важном вопросе — о восстановлении государственности. Нужно отдать им должное, был сделан очень ловкий ход, который надолго усложнил ситуацию: КПСС выступила инициатором создания Крымской автономной республики. Идея нашла поддержку у населения, а затем и официальное признание прокоммунистического ВС Украины. Крымский областной Совет автоматически становится Верховным Советом, в котором... нет ни одного крымского татарина. Факт оказался столь вопиющим, что вскоре срочно, без всяких там всенародных выборов в состав ВС кооптируются "представители депортированных народов" — армянского, греческого, болгарского, немецкого и крымскотатарского. Идея "курортной", как ее здесь иронически называют, республики была серьезным вызовом, на который крымскотатарский народ ответил, съехавшись 29 июля 1991 года на свой курултай.

МЕДЖЛИС

Делегаты избрали меджлис — высший полномочный представительный орган крымскотатарского народа, — сформулировав его задачи:

- ликвидация последствий геноцида, совершенного советским государством в отношении крымских татар, восстановление национальных и политических прав крымскотатарского народа и реализация его права на свободное национально-государственное самоопределение на своей национальной территории;

- осуществление системы мер по возвращению и обустройству крымских татар на исторической родине;

- возрождение национальной культуры;

- экономическое переустройство Крыма и радикальное улучшение его экологии.

Можно ли считать меджлис параллельной структурой власти, о чем постоянно трубили его запретители? На мой взгляд, не более, чем совет независимых профсоюзов или совет предпринимателей. А вот опасно ли требование национально-территориального самоопределения — вопрос другой, особенно если его форсировать. К руководству меджлисом — не без борьбы — пришли открытые, непримиримые, бесстрашные враги КПСС.

Полностью утратив таким образом влияние на крымскотатарское национальное движение, власти Крыма перенесли все свое внимание на комитеты по делам депортированных народов, сосредоточив там “послушных”. Направляя туда все выделяемые Украиной средства, строительные материалы, они рассчитывали, что народ отвернется от меджлиса, который реальной, а точнее сказать, материальной власти не имел, а потому пойдет к комитетам, станет “кормиться с их руки” и будет управляем. Однако, вопреки этим чаяниям, в отдельных районах комитеты и меджлис начали работать рука об руку, и многие дальновидные начальники рай- и горотделов милиции нашли с его представителями общий язык. Как бы остро ни складывались обстоятельства, умели пойти на компромисс. И видимо, это был единственно безболезненный и плодотворный способ взаимоотношений, ибо нравится это кому-то или нет, но мы обречены жить рядом, поэтому надо делать все, чтобы не отравлять жизнь друг другу, не превращать Крым — наш общий дом — в коммунальную квартиру.

Увы, далеко не все еще это поняли. Власти, в общем сквозь пальцы смотревшие на самозахваты, неизвестно почему решили вдруг дать бой в местечке Красный Рай близ Алушты. 5 августа 1992 года отряд омоновцев попытался изгнать крымских татар с

начавшегося самостроя. Защитники городка заняли оборону. В кульминационный момент противостояния Диявер Тохтаров, Урал Бийчельдин и Ибраим Смаилов облили себя бензином и с факелами в руках пошли навстречу милиции, готовые повторить судьбу Мусы Мамута. Только тогда омоновцы отступили, оставив поселок в покое, но, как оказалось, ненадолго. 1 октября к уже отстроенному поселку вновь прибыла милиция — порядка шестисот человек, а также работники ближайшего совхоза. На недавно возведенные дома пустили бульдозеры. Рушились стены, как пушечные выстрелы, хлопал ломающийся шифер... Жители поселка пытались встать на пути бульдозеров — 26 человек получили травмы, 40 были арестованы. И тогда — старо как мир — действие вот уже в который раз родило противодействие. 5 октября все подъезды к Симферополю были блокированы крымскими татарами, в то время как толпы людей пикетировали прокуратуру, требуя освободить защитников Красного Рая. 6 октября тысячи людей собрались у здания Верховного Совета. Поначалу все напоминало обычный несанкционированный митинг. Требования те же — освободить людей, наказать погромщиков. Но власти на диалог не идут, зато прибывает телеграмма поддержки от Конфедерации горских народов. Толпа всегда опасна, и в 13.00 она сметает милицейский кордон. Милиция спасается бегством. Первый ряд милицейского заграждения, к счастью, оказался невооруженным — это курсанты школы автоинспекции, второй — участники, опрокинуты и они, многие милиционеры получают травмы, некоторые — весьма тяжелые. Ворваться в здание ВС, однако, не удастся: дверь забаррикадирована. В окна летят камни. Размахивая захваченными у милиции дубинками и щитами, толпа направляется к зданию Совмина. Движение городского транспорта парализовано.

Нового столкновения удалось избежать, пожалуй только благодаря личному вмешательству начальника УВД города полковника Бабюка, который пошел в толпу, безошибочно нашел лидеров (сказались прежние контакты по предотвращению конфликтов на самостроях) и убедил их в бессмысленности беспорядков, так как защитники Красного Рая... уже освобождены.

Приближались выборы президента. Прогнозировалась позиция крымскотатарских избирателей — бойкот. Но все сложилось по-иному. При обсуждении вопроса о будущих выборах председатель ВС Крымской АССР Багров совершенно неожиданно предложил предоставить крымским татарам квоту в будущем ВС. Предложение Багрова с треском проваливается. Багрова не поддерживает никто из депутатов, а его главный соперник на предстоящих выборах Юрий Мешков — лидер Республиканского

движения Крыма (РДК), словно в спектакле, поставленном умелым режиссером, берет на себя роль "злодея".

В Крымскотатарской среде с удивлением и недоверием наблюдали за происходящим. Не имея привычки получать что-либо от властей, кроме неприятностей, решили добиваться квот своими силами: митингами, манифестациями. Но обычные методы уже не давали эффекта, и тогда, по примеру женщин Приднестровья (дурные примеры заразительны), люди перекрыли движение поездов на евпаторийском участке дороги.

А в ВС разыгрывалось второе действие спектакля. Вчерашний секретарь обкома КПСС "защищал" права крымских татар. Меджлис оказался перед нелегким выбором: либо придерживаться тактики бойкота, но тем самым невольно помогать Мешкову, чья недоброжелательность по отношению к крымским татарам в тот период была просто неприлична, либо взять сторону Багрова, в отношении которого меджлис еще недавно требовал возбудить уголовное дело в связи с организацией разгрома поселка Красный Рай. Зная состав избирательных комиссий, сформированных еще райкомами КПСС, наблюдая огромную работу, проводившуюся администрацией Крыма, средствами массовой информации в поддержку Багрова, трудно было удержаться от мысли, что двести тысяч голосов крымских татар, брошенную на чашу весов, позволят остановить Мешкова (из двух зол...). И крымские татары (удивительно, но факт) проголосовали все же за Багрова. Но на исход выборов это не повлияло. Победил Мешков.

Теперь настала очередь выборов в ВС. Мне довелось присутствовать на заседании курултая, где обсуждался вопрос, нужно ли вообще участвовать в этих выборах: 14 обещанных депутатских мест ничего не смогут изменить, но, приняв эту подачку, крымские татары юридически и фактически признают Верховный Совет и тем самым как бы согласятся на "курортную республику". Не скрою, я с тревогой наблюдал за происходящим. Отказ от участия в выборах неизбежно толкал курултай на изоляцию от демократических сил Крыма, замыкал движение в узконациональных рамках. К счастью, было принято решение в выборах участвовать. Выдвинули 25 человек. В соответствии с рейтингом список возглавил Рефат Чубаров. Все кандидаты принесли присягу отстаивать позицию курултая в Верховном Совете. Тогда эта процедура показалась мне нарочитой, но очень скоро мы все могли наблюдать форменный развал победившего на выборах "Блока Россия", и я невольно подумал, что правы были те члены курултая, которые настаивали на принятии клятвы. Все 14 мест получили представители, наделенные полномочиями курултая.

Когда-то Черчилль сказал, что не бывает вечных союзников,

бывают лишь вечные интересы. Придя в ВС Крыма, депутаты курултая нашли себе союзника в лице... коммунистов. Думаю, это свидетельство того, что в борьбе за восстановление поправленных прав крымскотатарский народ использовал любые ненасильственные методы. Кстати, альянс с коммунистами принес свои дивиденды. Комитеты по делам депортированных народов стали фактически подотчетны меджлису. Два крымских татарина вошли в кабинет министров, причем один из них, Ильми Умеров — член меджлиса, активный участник борьбы.

После целой серии рокировок в ВС, упразднения поста президента, отставки Председателя Президиума ВС Сергея Цекова и избрания на этот пост Евгения Супрунюка наконец произошло то, что должно было произойти: на первой же сессии ВС Рефат Чубаров, заместитель председателя меджлиса, был избран заместителем Председателя ВС Крыма. А через какое-то время решился и вопрос о легитимности меджлиса как высшего полномочного представителя интересов крымскотатарского народа.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

То, что Крым волею обстоятельств оказался, быть может, одной из самых криминогенных зон на территории бывшего СССР, где организованная и подконтрольная ей "дикая" преступность достигли небывалых масштабов, не могло не затронуть и проблему возвращения и обустройства крымскотатарского народа.

К 1994 году на полуострове действовало порядка пяти крупных мафиозных образований, названия которых, фамилии и клички руководителей известны в Крыму каждому школьнику.

Крым в целом и каждый город в отдельности были поделены по территориальному и "профессиональному" признакам: та или иная группировка контролировала определенные районы и рынки услуг. Частая смена — или, точнее, видимость смены режимов: уход Багрова — воцарение Мешкова, уход Мешкова — воцарение Цекова, падение Цекова — приход Супрунюка — реальных изменений в ход жизни практически не приносила, зато обостряла претензии стоящих за каждой новой властью преступных группировок, которые немалыми средствами подписывали ее избирательную кампанию и считали себя вправе претендовать на "благодарность". Если политическая борьба наверху имела хоть видимость легитимности, то борьба за реальную власть на полуострове была дикой, жестокой и бескомпромиссной. Путем серии убийств ликвидирована большая часть преступной группировки "Башмаков" и группировка Дзюбы, затем начался отстрел тоже мощной группи-

ровки "Греки". Таким образом, раздел сфер влияния почти завершился, и теперь полуостров контролировала фактически одна группировка, которая, ко всему прочему, используя где шантаж, а где подкуп, провела своих представителей в ВС Крыма и Украины, а также в советы низших уровней.

В этой борьбе соперников на уничтожение крымская милиция, похоже, играла роль даже нельзя сказать стороннего наблюдателя, у каждого мало-мальски интересующегося политикой крымчанина сложилось четкое впечатление, что она поочередно "подыгрывала" каждой одерживающей верх группировке. Не зря, наверное, так часто сменялись высшие чины на милицмейском Олимпе.

Однако, когда монополия, казалось, была установлена, выяснилось, что помимо территориального и "профессионального" существует еще и национальный принцип разделения сфер. Реальность такова, что крымскотатарские предприниматели платят дань своему, крымскотатарскому рэкету. В отличие от общеизвестных рэкетиров, которых все ненавидят и боятся, их крымскотатарские "коллеги" пытаются представить в облике эдаких Робин Гудов, которые не трогают бедных, а то и помогают им у которых процент "налогообложения" на порядок ниже, чем у правящей группировки. Более того, крымскотатарские мафиози претендуют на роль защитников своих соплеменников от бытовых хулиганов и приходят на помощь там, где милиция бессильна либо не желает связываться.

Но преступники есть преступники. Трудно сказать, существует ли связь между этой группировкой и меджлисом, но для последнего она — объективная реальность: если раньше события, связанные с крымскотатарскими проблемами, развивались в меру возможности по сценарию, написанному меджлисом, то теперь они стали складываться совершенно непредсказуемо.

Многие, вероятно, помнят, что 23 июня 1995 года двое крымских татар, занимавшихся мелкой торговлей на судакском рынке, отказались платить правящей группировке. Расплата последовала незамедлительно — тут же, на глазах сотен людей они были насмерть забиты рэкетирами. Аналогичный инцидент произошел несколькими днями раньше в Симферополе.

25 июня на похороны убитых Роберта Габитова и Эвбекир Веисова в Щебетовку (Судакский район) приехало около десяти тысяч крымских татар. Трудно назвать последовавшие действия стихийным, скорее всего, это была спланированная акция возмездия. Собравшиеся разгромили ресторан "Киммерия", принадлежавший одному из местных "авторитетов", а также сожгли дом директора совхоза-завода "Коктебель" Михаила Яненко, считая и его одним из негласных "хозяев района". Был захвачен в заложники начальник Феодосийского РОВД Григорий Яременко.

Чтобы предотвратить дальнейшее развитие конфликта, из

Симферополя в район Судака немедленно отправились заместитель председателя меджлиса Рефат Чубаров и заместитель начальника ГУВД генерал Валерий Петухов. У села Дачное колонна легковых автомобилей, в которых участники беспорядков возвращались домой, была встречена усиленными нарядами "Беркута", которые безо всякого повода открыли огонь на поражение. Джамшид Булат и Асан Ибраимов погибли на месте, около 20 человек получили ранения. Подоспевшие Чубаров и Петухов бросились под пули и остановили дальнейшее кровопролитие.

В ночь с 25 на 26 июня состоялась встреча представителей Меджлиса Мустафы Джемилева, Рефата Чубарова, Ильми Умерова, Лили Буджуровой, Надира Бекирова с правительством республики, а также представителями силовых министерств Украины. Были продуманы совместные шаги, чтобы взять ситуацию под контроль. А меджлис, со своей стороны, в выпущенном тогда же меморандуме заявил о решимости защищать от бандитов жителей Крыма, независимо от национальности, и потребовал от высших органов власти Украины принятия незамедлительных мер по обезвреживанию бандитов и обеспечению личной безопасности и сохранности имущества каждого крымчанина.

У населения резкий отпор, оказанный крымскими татарами мафии, в общем вызвал сочувствие, так как в Крыму мало кто не испытал на себе последствий деятельности преступных групп. Прежде всего это сказывается на ценах — самых высоких из всех районов Украины. В то же время реакция подавляющего большинства политических партий, трактовка событий в ведущих газетах, по местному радио и телевидению, к сожалению, способствовала разжиганию антитатарских настроений, что и неудивительно: с одной стороны, скоропалительная, необдуманная, хоть и понятная, реакция на беспорядки, с другой — порой кажется, что в Крыму все меньше остается неподконтрольных преступной группировке средств массовой информации.

По горячим следам с негативной и, к великому сожалению, национально окрашенной оценкой событий выступили и некоторые демократические журналисты. В знак протеста Лили Буджурова демонстративно отказалась сотрудничать с союзом независимых журналистов и вышла из состава участников острой и популярной в Крыму телепередачи "Встреча с прессой", где играла одну из ключевых ролей.

Словом, было сделано немало, чтобы разобщить демократические силы полуострова по национальному принципу, и, надо признать, в какой-то мере это, увы, удалось.

События в Щебетовке, не раз показанные по телевидению, снова отпугнули курортников, что, естественно, не способствовало

повышению настроения жителей курортной зоны и росту их симпатий к крымским татарам. Боюсь, на этом дело не кончится, если и власти Крыма, и лидеры крымскотатарского народа, и члены политических партий любых ориентаций не усвоят простую истину: разжечь межнациональный пожар легко, погасить невероятно трудно. И сиюминутная выгода от подобных действий не идет ни в какое сравнение с моральным ущербом, который наносит обществу межнациональная вражда, с тяжкими экономическими ее последствиями, я уж не говорю о человеческих жертвах, которые она влечет. За примерами сегодня, увы, далеко ходить не приходится.

ПОЛУЧИТ ЛИ КРЫМСКОТАТАРСКИЙ НАРОД ЖЕЛАННУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ?

Если учесть существующую демографическую ситуацию, когда рождаемость среди славянского населения резко падает, смертность ее намного превышает, а в средней крымскотатарской семье норма — трое-четверо детей, когда прекратилось пополнение населения Крыма за счет многотысячной армии военных пенсионеров, то вопрос этот может встать уже в первой четверти XXI века.

Однако у этой медали, как и у любой другой, есть обратная сторона: опасность национализма. Иным лидерам крымскотатарского движения пора понять, что не об узконациональных интересах, а об интересах всех крымчан должна болеть их душа. Все мы помним, с каким легким сердцем бывшие крымские руководители давали согласие на строительство в Крыму заводов двуокиси титана, бромного, атомной электростанции, а сами благополучно отбывали в Киев или Москву на постоянное жительство. Ни для Мустафы Джемилева, ни для другого неведомого нам пока, но вероятного лидера Крыма нет другой земли, кроме этой. И следовательно, о ее будущем следует радеть им уже сейчас.

Сегодня крымскотатарский народ определился в своей ориентации на создание автономной республики в составе Украины. Причин тому много, в частности и та, что пока из всех республик бывшего СССР только Украина оказывает ему пусть крайне недостаточную, но хоть какую-то помощь. Ведущие демократические партии Украины признают право крымскотатарского народа на восстановление утраченной государственности.

Однако очень важно, чтобы крымскотатарский народ, насчитывающий на полуострове уже более двухсот тысяч человек, ни в

кчем случае не стал разменной картой в дипломатических и прочих играх вокруг Крыма. Что же касается помощи, то кто-то скажет: кому же и помогать Крыму, как не Украине, раз это ее территория! Верно. Но я, коренной крымчанин и русский, считаю, что и Россия, признавшая себя правопреемницей СССР, должна бы тоже платить по векселям. Крымскотатарскому народу как нужна нынче помощь! Десятки тысяч людей живут в недостроенных домах, в шатких сараях. Инфляция уничтожила сбережения, а баснословные транспортные расходы сделали невозможным перевоз из Узбекистана даже самого необходимого скарба. Тяжкие же материальные условия — тоже питательная среда для национальных обид. А помимо прочего, помощь России носила бы и тот высоконравственный характер, каким отличалась искренняя и бескорыстная защита интересов крымских татар Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

В моем родном Марьине есть дом, на фасаде которого написана строка из Корана. За то, чтобы сбылось заключенное в ней благое пожелание, сегодня молятся в Крыму и магометане, и христиане, и иудеи, и караимы. Молюсь об этом и я: "Мир нашему дому!"

"Дружба народов", 1996, № 4.





Месфер Ислямов

МЕСФЕР ИСЛЯМОВ — хызмет косьтерген оджа, дженк ветераны, истифада-ки офицер, Одесса ве Севастополь шеэрлерининь муда-фааджысы. Дженкни денъиз-джи олып башлады ве батальон командири вазифесинде битирди. Докъуз йыллыкь арбий хызметтен сонъ ярым асыр девамында оджа олып чалышты. Яш изджилернинь

ярдымынен бир чокъ белли олмагъан дженк иштиракчилерини ве халкъ къараманларыны тапты. "Атешли кок тюбюнде" китабынынъ авторы. 30 йыл девамында Польша партизанларынынъ къараманы, ватандашымыз Умер Адаманов акъкъында материаллар топлады. Арбий мевзуда язылгъан бир чокъ весикъалы очерклернинь муэллифи.

ЭФСАНЕВИЙ КЪАРАМАН

1945 сенесининь ильк баари. Табиат уянып башлагъан. Эр якъта къуванч, чюнки буюк гъалебе арфесинде турмакътамыз. Мени дивизия командири чагъырып:

— Эсирликтен къуртулгъан аскер ве офицерлерден янынъ батальон тешкиль эттик, сиз онъа командир тайин этильдинъиз, — деди.

Бир заманлар чешит рутбели олгъан арбийлернинь шимди эписи адий аскер эди. Ватан оларны багъышлагъаны ичюн къуваналар ве эр шейни истекнен япалар. Оларнынъ бири яныма келип:

— Командир аркъадаш, сиз къырымтатарымысынъыз? — деп сорады... Мен Днепр боюндаки урушларда эсир тюштим.

1943 сенеси Польшада олдым. Анда “Бородач” лагъаплы партизан командири акъкъында пек чокъ эшиттим. Айткъанларына коре, о да Къырымлы къырымтатары экен. Сиз о адам акъкъында бир шей бильмейсинъизми?

Мен бир шей бильмей эдим, амма бу лакъырды акъылымда къалды. 1945 сенесининъ язында эшелонымыз Варшава дживарындаки Прага станциясында токътады. Манъа эшелон начальниги оларакъ комюр араштырмакъ керек эдик. Станция комендатурасынынъ хадими Базилевич шойле деди:

— Пан начальник, сизинъ совет адамлары немсе эсирлигинден къачып, бизим ерлерде партизанлыкъ яптылар. Бизим округымыздаки партизан отрядынынъ командири “Бородач” эди. Озюм коръдим: мазаллы, къара сакъаллы, узун бойлу дюльбер йигит.

Арадан отуз йыл кечти. Экинджи дюнья дженки йылларында Польша топрагъында тешкиль олунгъан Котовский адына партизан отрядынынъ командири — “Мишка-Татар” — Умер Акъмолла Адамановнынъ эфсаневий къараманлыкълары акъкъында эшитип ве окъуп чокъ къуwandыкъ. “Ленин байрагъы” газетасынынъ 1975 сенеси апрель 1-де чыкъкъан санында Асан Бекировнынъ “Мишка-Татар”нынъ силадашы” адлы макъалесини окъугъан сонъ, меним мерагъым даа артты. Адамановны шахсен бильген адам Григорий Дмитриевич Черняк тапылгъан. Макъаледе язылышынджа: Котовский адыны ташыгъан 300 адамдан ибарет партизан отрядындан шимди Советлер Бирлигинде учъ адам яшай экен: поляк халкъынынъ къараманы Юзик Милко (Киевде), Василий Манжавадзе (Тбилисиде) ве Дмитрий Черняк (Бердянскте).

Мен чокъ йыллар Сухумиде оджа олып чалыштым. Анда дюнья дженки ветеранларынынъ джедвелини тертип эттик. Кунълернинъ биринде онынъды сыныф талебеси, гурджи къызчыгъы манъа: “Меним бабам да дженк ветераны, о Польшада партизанлыкъ япкъан”, — деди. Къызнынъ фамилиясыны хатырладым: Манжавидзе, газетада Манжавадзе эди. “Сиз Тбилисиде яшаднынъызмы?” — деп сорадым. “Ёкъ, биз ич бир вакъыт Тбилисиде яшамадыкъ. Он йылдан берли Сухумиде Тбилисе шоссесинде яшаймыз”, — деди къызчыкъ.

— Бабанъызнынъ ады не?

Василий Терентьевич Манжавидзе эки айдан берли хастаханеде экен. Ниает, о эки кунъге эвге кельди, корюштик. Манжавидзе акъикъатен де Умер Адамановнынъ силадашы экен.

Василий Терентьевич 1940 сенеси ордугъа чагъырылгъан. 1941 сенеси эсир тюшкен. Гомель шеэринде мейдангъа

кетирильген эсирлер эшелонынен Германиягъа ёлланыла. Варшава шеэри якъынларында къачалар.

— Кузь айлары эди, — деп хатырлай Василий. — Ава су-вукъ, бизлер исе ач-чыпкакъ алда гизленип юрдик. Бир зенгин поляккъа ишке кирдик. Бу къаралтыда чалышкъан бир украин мындаки полицейлар болюгинде сия чокъ олгъаныны айтты. Полицейларнынъ биринен таныш олдыкъ. Учъ адам бир пыштав, бир кесик тюфек ве бирер аш пычакънен сиялангъан алда къыш геджелерининъ биринде ёлгъа чыкътыкъ. Кунъдюзлери тобан сарпанлары ичине кирип ятамыз, геджелери исе ёл юремиз. Учюнджи куню немсе аскерине ве офицерине расткельдик. Устьлерине атылдыкъ. Экисини де ерге сердик. Бир автомат, бир пыштав зльде эттик. Бойледже, дагъгъа барып чыкътыкъ. Анда немсе эсирлеринден къачкъан он бир адам топландыкъ. Эр кесте бир сия бар. Бизим сайымыз яваш-яваш чокълашты. Март айынынъ башында учъ адам даа келип къошулды. Оларнынъ бири Огурцов эди. Сонъундан онынъ генерал олгъаны анълашылды. О бизим командиримиз олды. Эйидже сиялангъан сонъ душман обозларына, гарнизонларына уджют этип башладыкъ. 1942 сенесининъ октябрь айында агъыр урушларнынъ биринде Огурцов апансыздан эляк олды. Ноябрь айында бизлер "Мишка-Татар" лагъаплы гуръ сакъаллы адамнынъ командирлиги алтындаки партизан отрядына барып къошулдыкъ. Отряднынъ комиссары Полонин, сиз деми сёйлеген Григорий Черняк исе звено командири эди. Дженкявер арекетлеримиз сыкълашты ве артыкъ планлы шекиль алды. Эпимизнинъ сиямыз етерлик. Атларымыз, арабаларымыз, чадырларымыз, ашханемиз, атта анбарларымыз бар. Бизге дигер уфакъ группалар да келип къошулдылар.

1942 сенесининъ сонъунда отрядымызда учъ юз дженкчи бар эди. Бизлер эсасен Тимутово дагъларында арекет эттик. Фашистлер бизим арекет зонамызгъа сокъулмагъа сакъына эдилер. Халкъ бизни севе ве ярдым эте. Базы койлерде полицейлар халкъкъа пек къылынган вакъытларда адамлар: "Бородач"къа айтырмыз, деселер полицейнынъ чырайы да, къылыгы да денъише. Чюнки "Мишка-Татар" халкътан тюшкен шикъетлерни ич бир вакъыт акъибетсиз къалдырмай эди. Буны полицейлар да яхшы биле эдилер. Халкъ арасында "Бородач" (поляк тилинде "Бродач") акъкъында чешит эфсанелер юре эди.

Юзефов шеэри янындаки Боровец коюнде бизге Тася адлы поляк къызы къошулды. Тася немсе тилини пек яхшы биле ве бизлерни даима керекли малюматларнен темин эте эди. Командиримиз Михаил Адаманов разведка ишинен меракъла-

на, олар кетирген малюматларны дикъкъатнен огрене, умум-лештире, хулясалар чыкъара ве бу эсаста дженкявер опера-циялар планыны ишлеп чыкъа эди. Кимерде онынъ озю де немсе урбасы кийип, сакъал-мыйыгыны тарап разведкагъа чыкъа, олдукъча джиддий тавурнен немсе патруллери арасын-дан кече, кимерде оларгъа дарыла эди. Немсе патруллери онынъ документлерини бир заман тешкермей эдилер. — Ва-силий Терентьевич, ресимперде Адамановнынъ сакъалы ку-чук, сиз исе сакъал-мыйыгы гуьр эди, дейсинъиз? Василий Терентьевич еринден туруп рафтан бир китап алды, саифе-леди, умумий ресимде отургъан гуьр сакъаллы адамны косъ-терип: — Сизинъ корьген ресимлеринъиз ильки айларда чыкъ-арылгъан олмалы. Мен он беш ай “Мишка-Татар”нен ян-яна-ша дженклештим. Гедже-куньдюзь берабер эдик. Гуьр, къа-ра ве къувурчыкъ сакъалы бар эди. Бунынъ ичюн де онынъ ады “Бородач” эди. Онынъ бундан гъайры “Михаил Адама-нов”, “Пуща сольскийли татар”, “Гвардиялы Людовой Адама-нов” ве дигер лагъаплары да бар эди. Фашистлер онынъ пешине тюштилер. “Мишка-Татар”нынъ башы ичюн бинъ-лернен марка я да злотых ишандыра эдилер. Онынъ акъкъ-ында чешит эфсанелер айтыла, немселер ве полицейлар он-дан пек къоркъа эдилер. Энди айры эпизодларгъа кечейик... 1943 сенеси апрель 2-де немселер Гвардия Людовой отряды-на биричджи кере уджюм эттилер. Котовский адына партизан отрядыны сарып алув ве ёкъ этюв макъсадынен Сольский тогъайлыгына буюк аскер къувети кетирдилер. Отряд коман-дири “Мишка-Татар” Мадзяже ве Фригиарка орталыкъларынд-а тутушмакъ ичюн орман теренлигине чекилюв акъкъында эмир берди. Чатышув партизанлар ичюн эльверишли ерде ве шараитте башланды ве эки саат къадар девам этти. Дженк-лешювнинъ энъ къызгъын дакъкъасында “Мишка-Татар” от-ряднынъ Мадзяже тогъайлыгындаки кучьлерини уджюмге да-вет этти. Чатышув партизанларнынъ гъалепесинен битти. Докъуз фашист ольдюрильди, экиси яраланды. Магълубиет-тен ачувлангъан душман команданлыгы экинджи куню “Миш-ка-Татар”нынъ отряды булунгъан ерни таин этмек ичюн ор-мангъа самолётлар ёллады. Апрель 5 куню самолётлар от-ряднынъ булунгъан ерини сечти ве атеш ачтылар. Партизан-лар да джевап атеши ачты ве бир самолётны урып тюшюрди-лер.

Фашистлер Рольский тогъайлыгында Котовский, Мицке-вич ве Берка Иозелевич адына отрядларны сарып ала. “Миш-ка-Татар” душман къамачавыны бозып чыкъув операциясы-нынъ умумий командири оларакъ сайлана. Партизанлар тө-герек мудафаагъа кечелер. Атышув баягы вакъыт девам эт-

кен сонъ, партизанларнынъ дарбели къувети шиддетли уджюмнен къамачав алкъасыны ярып кече. Сонъра, алкъанынъ шу еринден бутюн отрядлар кечелер. Бу чатышувда душманынынъ еди аскери ольдюриле, пек чокъу яралана.

“Мишка-Татар”нынъ отряды Боровец-Глухи кою янына келип ерлеше. Партизанлар орман четинде чадырлар тиклей ве анда яралыларны ерлештирелер. Яралылар арасында “Васька-Грузин” де бар эди. Этрафтаки орман ёлларына къавуллаар къоюла.

1943 сенеси февраль 6-да Тарноволе ве Бжезин арасындаки орманда “Вира”, “Куба”, “Селим” партизан командалары ве Юзефов районындаки “Пяста” партизан отрядынынъ взводы топланалар. Куннинъ экинджи ярысында “Мишка-Татар”нынъ да отряды келе. Немселернинъ уджюмини беклеерек командалар ве взводлар дженкявер аретке азырланалар. Бутюн кучьлерге командир оларакъ кене “Мишка-Татар” сайлана. “Селим” командасы ёлбашчысынынъ хатырлавлары арасында шойле сатырлар бар: “Экинджи куню “рей” командасындан меним партизан отрядымны Бжезин районында топлаа акъкъында эмир кельди. Совет отрядынынъ командири “Мишка-Татар” да бу ерге кельди. Мында эр бир отряднынъ дженкявер позициялары белгиленди. Мен “Мишка-Татар”ны бир къач кере ве тек гедже корьген эдим. Эр кес онъа бакъа. Онынъ бою аман-аман эки метр къадар, гъает къуветли адам. Омузлары устюнде кениш немсе плащы, къушагъында бир къач граната, къолунда эль пулемёты...

Тезден пек агъыр чатышув башлады. “Мишка-Татар”нынъ отряды Александровадан Юзефовгъадже олгъан ёлны къорчалады ве бир душман аскерини биле кечирмеди. Эки кунгедже партизанлар озь позицияларындан чекильмедилер. Немселер бу ерде “Мишка-Татар”нынъ командирлиги алтында буюк партизан бирлешмеси булунмакъта, деген къараргъа кельди ве уджюмни девам этмектен вазгечтилер. Партизанларнынъ даимий уджюмлеринден сакъынгъан немселер орман ичиндеки эки агъач пычув устаханесини 1943 сенеси майыс 15-те поездгъа юклеп алып кетмек истейлер. Поезд саат 17-де келеджек. “Мишка-Татар” ве “Корсаж” немселерге саат 17-гедже, агъач пычув устаханелерини кочюрювге тедарик вакъытында уджюм этмеге къарар берелер. Партизанлар эки группагъа болюнип, устаханелерни сарып алалар. Бу вакъытта дигер партизан группасы вокзалда тургъан поездгъа уджюм эте. Эки жандарм устаханеге чапып келе. Оларнынъ артындан башкъалар да келелер. Партизанлар уджюмге кечелер. — Вазияет бойле эди: биз “Мишка-Татар”нен бирликте устаха-

ненинъ коридорына чапып кирдик ве андаки немселерге атеш ачтыкъ, — деп хатырлай В. Манжавидзе. — Мишка гъает къуветли ве чевик арекетли адам. Чапып келип аягъынен къапыны тепти. Қъапы йыкъылгъанынен автоматындан атеш ачты... Бу урушта секиз немсе, эки полицай ве бир власовджы ольдюрильди. Пек чокъ эрзакъ ве сила гъанимет алдыкъ. Эсир тюшкен власовджыларны "Мишка-Татар" озъ отрядына алды, "Корсаж" исе сагъ къалгъан полицайларны алып кетти. Сонъундан оларнынъ силаларыны алып, озълерини йиберген. Партизанлар ормангъа чекильдилер...

— Польша топрагъындаки шанлы дженклешювлер чокътан тарих олды. Биз душман иле пек чокъ керелер тутуштыкъ. Намлы партизан командири Михаилнен бир сафта турып дженклешкенлер арасында мен де бар эдим, — дей Манжавидзе гъурурнен. Юзевовка кою янындаки шиддетли дженклешювден сонъ немселер чекилип башлайлар. Партизанлар Юзевовканен таш оджакълары арасындаки дере четинде пекинмеге къарар берелер. Элинде тек пыштавы олгъан "Корсаж" эр кестен огде кете. Сагъда, совет отряды огюнде, "Мишка-Татар", онынъ янашасында муавини Василий Полонин. Бельгиленген ерге якъынлагъанда кене душман аскерлерине расткелелер. "Огге!" "Ур-ра!" садаларынен партизанлар уджюмге кечелер. Душманнынъ къасыргъалы атеши алтында огге ятмакъ керек ола. Амма бу ал чокъ девам этмей. Партизанлар кене аякъкъа къалкъалар. Командир Михаил бир къолу яралы олувына бакъмадан, автоматнынъ къушагъыны бойнуна кечирген алда, сагълам элинен эп атеш ача. Янашадаки мезарлыкънынъ диварлары артындан, къурулып битирильмеген беш къатлы бинанынъ къапы-пенджерелеринден душман пулемётлары къуршун ягъдыра. Девамлы пулемёт къуршуны Мишканынъ кокюсини тельчелей. Онынъ ири вуджуды сарса, Миша бир анъ огге бакъып тура, сонъра яваш айланаракъ, юзюкъююн ерге йыкъыла...

Чатышув битти. "Мишка-Татар" лагъаплы джесюр партизан командири Михаил Адаманов озъ Ватанындан узакъта, Польша топрагъыны къорчалайаракъ эляк олды. Бу урушта агъыр яралангъан Езеф Кулелька да сонъундан вефат этти, — деп озъ хатырлавларына екюн чеке В. Манжавидзе.

— Партизан отрядымыздан Качинский фамилиялы поляк огъланы дженктен сонъ Польша Ордусынынъ генералы дереджесине котериле. Корюшкен вакъытларымызда генерал Качинский "Мишка-Татар" ве онынъ къорантасы акъкъында чокъ сорай эди. Языкъ ки, Качинский якъында вефат этти, — деди В. Терентьевич.

— Василий Терентьевич, сиз манъа поляк языджысы Вой-

цах Сулевскийнинъ китабыны бир къач куньге берип оламаз экенсинъизми? — деп сорадым.

— Афу этинъиз, шимди берип оламайым, — деп кулюмсиреди о. — Даа озюм де соңунадже окъуп чыкъмадым. Сиз терджиман тапып турыңыз, бир-эки афтадан бериirim, — деди. Субетимизнинъ соңунда сабыкъ партизан Манжавидзе Адамановнынъ анасы Умугуль аптенинъ Кырымда яшагъаны, къарысы Вера Дмитриевна ве огълу Шевкет акъкъында сөйледи. Оларнен корюшмек ниети олгъаныны айтты. Мен де Умер Адамановнынъ къардашлары Бекир, Абдураман, Мухтерем ве кызы къардашы Хатидже Орта Асияда яшагъанлары акъкъында сөйледим. Биз экинджи кере корюшкенде Василий Терентьевич: — Мустафаев Сеит адлы бир инженер пек ялварды, сиз сорагъан китапны бир къач куньге алып кетти, — деди.

Бойледже, “Грюнвальд хачы”нынъ капитаны “Мишка-Татар” акъкъындаки малюматымыз шимдилемк болюнди. Котовскийджи партизанларнынъ командири “Михаил Адаманов”нынъ джесюрликлери акъкъында Е. Маркевичнинъ “Олар озь тувгъан топракъларыны бермедилер” китабындан окъуп бильдик ве пек къуwandыкъ, гъурурландыкъ. Лякин 20 йылдан зияде онынъ косътерген джесюрликлерини менимсемек истеген, тырышкъан шахслар да (Къазанда ве дигер ерлерде) олды. Атта Варшавагъа барып онынъ документлерини, урбасыны, “Грюнвальд хачы” орденини алып кельген Атаманов Михаилнынъ къадыны да чыкты?... Поляк халкъынынъ азатлыгъы огърунда курешлерде мисильсиз къараманлыкълар косътерген, Польша партизан арекети, Улу Ватан дженки тарихына “Мишка-Татар” лагъабынен кирген халкъымызнынъ шанлы огълу Умер Акъмолла Адаманов акъкъында материаллар тафсилятлы, чокъ йыллар ичинде араштырувларнен топланылды, даа чокъ тапылып ве язылып.

Энъ эсасы онынъ кырымтатар огълу олгъаны, чокъ араштырувлардан сонъ, кесен-кес тасдыкъланды: 1. Из воспоминаний маршала дважды Героя Советского Союза И. И. Якубовского (“Земля в огне”. Воениздат, 1975 г.): “Отряд возглавил советский боец, татарин по национальности, родом из крымского села Ай-Васыл, Умер Ахмолла, прозванный “Мишкой-Татаром”, комиссаром был Василий Полушин...”

2. Та 1968 сенеси “Ленин байрагъы” газетасында партизанлар командири Советлер Бирлигининъ Кырааманы полковник Н. А. Прокопюкнинъ басылгъан “Мишка-Татар” из Ялты — герой Замойщины” очерки де тасдыкълайды материалдыр. Бу газетада ве “Янъы дюнъя”, “Вперед”, дигер газеталарда бу

сатырларнынъ авторынынъ махъалелери, 1985 сенеси "Йыл-дыз" журналында басылган "Кузь айлары эди" очерки де Ай-Васыл огълу Умер Ахмолла Адаманов акъкъында эди. Булар джумлеси "Мишка-Татар" къырымтатар эвляды олгъаныдыр.

3. "Мишка-Татар" Адаманов тесадуфен зияде мераметли поляк апайы Матки Боски Ченстоховская берген част медаль-чигини (дува) джоя... Котовский отрядынынъ экими, партизан Братислава Ленчукова "Доктор" тезликкен башкъа бисернен тизильген зынджырчыкъта такъылган Талисман тапып оны (зорнен командирнинъ бойнуна етип) такъа ве: — Ташы бизим урьметли, санъа энди бир къуршун тиймез, сагълыкънен тувган Къырымгъа етерсинъ, — сёзлерини айта!.. Поляк къызы Умер Адамановны бегене эди... Эм буны отряднынъ партизанлары сече эдилер... Чюнки капитан Умер Адамановны ратсызлаткъан, севген къадыны бар эди... Дженклерде нелер олмай, аскерлер онъа ППЖ дей эдилер?..

Энди батыр, отряд командирининъ дженкявер ярдымджысы, чокъ вакъытлар (150 кунъ) бир ерде олып оккупантларнен, полицейларнен гедже-кунъдюз дженклешкен атик, къараман партизан В. Т. Манжavidзенинъ сёйлеген эпизодлары, душманнен урушлары документаль материал олып къалды. Олды. Энди нокътаны къоямыз! "Мишка-Татар" — Умер Ахмолла къырымтатары!

Умер 1915 сенеси Ялта районы Айвасыл коюнде Акъмолла агъа ве Умугуль апанынъ аилесинде догъды. Бири-бири артындан 4 огълан: Бекир, Умер, Мухтерем, Абдураман, огъланлардан сонъ къорантада къызчыкъ Хатидже дюнья корьгенде буюк къуванч олды... Акъмолла агъа Адаманов ишкир, джанбаз баба олгъанындан башкъа, койнинъ айтувлы курешчиси эди. Ат, арабасы олган юзюмджилик ве тютюнджиликнен огърашкъан акъайны кулак деп 1929 с. узакъ Уралгъа сюрдю эттилер. Чокъ балалы Умугуль апаны къалдырдылар?.. Къоранта нелер чекти, нелер корьди, балалар насыл осьтюлер, Алланен койдешлер биле эдилер... Буюги-Бекир агъасы балыкъчылыкъ, ат-арабанен огърашмагъа урунган олса, къардашы Умер демир парчалары, алетлер, моторлар севдасы эди. Эгер койден бир автомобиль, трактор кечсе, артларындан чапа, илле сабысыны зорлап мине эдилер. Узун бойлу, кениш джаврунлы, чапкъынджа кельген Умер пек арекетчен бала эди. Онъа кими "чатап юрекли Умер", кими исе Алим айдамакъ дей эди. Мектепке къатнап башлагъан сонъ Умернинъ арекетченлиги даа да артты, раледе отурмагъа сабыры етмей эди. Зар-зорнен дёрт сыныфны битирди. Энди Умер осьмюрлер киби корюне эди. Вакъыт артына къайтмай. Бала-



Умер Акъмолла Адаманов.
Ордудан кельген биринджи
рессим.

лары осьмекте экен, бабалары
Урал дагынынын орманлыкларында
чекишип ольди.

Бугунь де-бугунь Акъмесджит
шеэринде яшамакыта олгъан
Айвасыл кызы, энди торунларыны
балаларыны корьген Дилъра
къартанай яваштан икяе эте:
"Мен Умернинь агъасы Бекирнен
бир сыныфта дёрт йыл берабер
окъудым. Бизлерни Сейдали
оджа ве Кашка Айше оджапче
окъуткъан эдилер. Умерни
башкъа оджагъа бердилер,
о арап элифбесинен дёрт
сыныф битирди. Чапкъынджа
кельсе де пек мераметли, тирнекли,
дюльбер огълан эди..."
Энди яшлары еткен огълан
балалар айдавджы, учуджы
зенаатларыны пек бегене эдилер,
лякин

бильгилери пек аз эди. Ялтада
айдавджылар ичюн курслар
ачылгъанда Умер озюни туталмады,
кетти.

Акъяр мудафааджылары арасында
Айвасыл колхозынынь сабыкъ
реиси Сеит Бекир агъа да бар
эди. Онынь колхоз акъкында
айткъан икяелери акъылымда.
О дженктен эвель бир къач
йыл колхоз реиси олгъан, артта
къалгъан ходжалыкны илерилер
сырасына чыкъара, Москвадаки
Бутюнсоюз сергисинде иштирак
эте ве атта ходжалыкъ буюк
кумюш медальнен мукаяфатлана.
О ёлбашчылыкъ япкъан
ходжалыкъ юзюмджилик саасындаки
буюк мувафакъиетлери ичюн
пара ве "М-1" автомобилинен
мукаяфатлана.

О агъыр отузынджы йылларда
оксюз къалгъан агъа-къардашларгъа
колхоз реиси Сеит Бекир
бабалыкъ япа, Умер ордугъа
чагырылгъанда къорантагъа
ярдымлар эте, шахсен озю



Михаил Атаманов —
«Мишка-Татар»



Василий Манжавидзе. 1943
сенеси.

озгъарыджылар арасында булуна. Сеит Бекир агъа Акъяр мудафаасында Айвасыл акъкында лаф башласа, козьлери торлана эди. Я онынъ къадыны учыш къызчыгынен койде оккупантлар къолунда къалгъан эди.

— Агъачыгъым Умер ордугъа чагъырылгъанда мен 13 яшында эдим, — дей Умернинъ къыз къардашы Хатидже апте. — Онынъ бет сымасы, юрюштурушы козюм огюнде. Элли йыл кечкен сонъ онынъ такъдир акъкында толу малюмат эльде эттик. Раметли анам ойле де асретликнен козьлерини юмды.

“Балаларым, — деген эди анам, бир чаре этип, Польшагъа барынъыз, онынъ къабирини,

юрген ёлларыны зиярет этинъиз”.

Шимди меним бирден-бир истегим Польшагъа бармакъ. Лякин мен энди етмишни кечтим. 5 балам ве 11 торуным бар.

Бир озюме кетип кельмек къыйын, эм аит тешкиятлар ярдым этмек истемейлер. Меним балаларым, агъаларымнынъ балалары, умумен, Адамановлар чокълар. Олар озъ тувгъанлары “Мишка-Татар” Адаманов акъкында тафсилатлы бильмек истейлер, — деп козьяшларыны силе Хатидже Адаманова.

Умернинъ балалыгъы хусусан гурьдели кечти. Анасы Умугуль апте пек ачувлангъанда онъа дарыла, амма Умер бир заман тиль къайтармай эди. Акъмолла агъанынъ биринджи къадынындан эки огълу — Халиль ве Ибраим бар эдилер. Олар алты огълан дост-муаббет яшай эдилер.

Умерни ордугъа чагъырып,



Сеит Бекир. Батарея
комиссары.



Къуртсеит Адаманов.
«Мишка-Татарный»
эмджеси.

Сталинградкъа ёллагъанда Умернинъ биринджи истеги пулемётчы олмакъ эди. Дженктен эвельки киноларда, китапларда пулемёт актив иштирак эте эди...

— Партизанлыкъта мен оны 150 кунъ девамында бир кере биле пулемётсыз корьмедим, — деп хатырлай Василий Манжавидзе. — Онынъ даима аты ве сиясы бар эди.

Умер Акъмолланынъ эмджеси, бугунъ Симферополь шеэринде яшагъан дженк ветераны Къуртсеит агъа Адаманов шойле хатырлай:

— Умер озюнинъ къуветинен яшдашлары арасында айырылып тура эди. Дёрт огълан ве бир къызны Умугуль апте буюк-лери Бекирнинъ ярдымынен

бакъты. Огъланлар буюгенлеринен орду хызметине кетти ве такъдирлер чешит олды.

— Къуртсеит агъа, сиз Вера Дмитриева акъкъында не айта билесинъиз?

— Мен Массандрагъа, оларгъа чокъ бара эдим. Вера дюльбер, мераметли, сыджакъкъанлы къадын эди. Олар бири-бирини севди ве эвленилер. Вера Умерни пек севе эди. Огъулары Шевкет догъгъан сонъ (Умер бу вакъытта чель районында эди) Айвасылгъа кочътилер. Вера тилимизни, урф-адетимизни пек яхшы биле эди. Языкълар олсун, якъында Орта Асияда кечинген... Айвасылда Адамановлар фамилиясыны ташыгъанлар пек чокъ. Халкънынъ табиринен айтаджакъ олсакъ, Адамановлардан копюр япсанъ, къаршыгъа кечмек мумкюн, — деп куле Къуртсеит агъа.

Дюнъя дженкинде Къуртсеит



Дилъара Куляне.

агъа айдавджы эди. Та Румыния, Болгариягъадже дженк ёлларыны кечип барды. Бельки Умер де айдавджылыкъ зенаатыны эмджесинден огренгендир.

Эгер Умер Акъмолла Адамановнынъ тувгъан коюнде эйкель тикленсе, бир де-бир сокъакъ, мектеп онынъ адына къойылса, пек яхшы иш олур эди. Бу фамилиянен бугунъ де-бугунъ бутюн къырымтатар миллети гьурурлана.

"Мишка-Татар" акъкъында аз айтылмады ве язылмады эм де даа чокъ языладжакъ. Онынъ дженк йылларында фашист баскъынджыларынен, полицейларнен олгъан урушларда косътерген джесурликлерини даа толу документаль ярыкъландырув ичюн араштырувлар эп алып барылмакта. Бу мунасебетнен Юзефов, Варшава ве Польшанынъ дигер шеэрлерине, чокъ тешкиятларына мектюплер ёллагъан эдик. Лякин "адрес догъру дегиль, Юзовка, Юзефовкалар чокъ", деген къаршылыкъ мектюплери кельди я да умумен джевапсыз къалгъан сойлары да олды.

Кене шу мерамнен, Гъалебенинъ 40 йыллыгъы мунасебетинен, 12 номерли орта мектепнинъ къызыл изджилери Варшава шеэриндеки 12 номерли мектепнинъ изджилерине араштырув риджасынен мектюп ёллагъан эдик. Бу тедбир заягъа кетмеди. Шукюр, сабырсызлыкънен бекленильген къуванчлы мектюп ве бандероль не исе келип чыкъты. Мектюпте: Сизинъ язып ёллагъан мектюбинъизге джевабен Польша Бирлешкен Ишчи партиясы Меркезий Комитетининъ Меркезий архивинден малюматлар ёллаймыз. Экинджи джан дженки вакътында Польшада арекет эткен партизан отрядларында гитлерджи баскъынджыларгъа къаршы совет аскерлери "Мишка-Татар" — Михаил Адаманов (Атаманов) ве "Васька-Грузин" — Василий Манжавидзе кибилер амансыз куреш алып бардылар", дениле. Ёллангъан "Гвардеец" газетасынынъ ксерокопиясындан билине ки, Гвардия Людовой Баш Команданлыгъынынъ эмирине мувафыкъ бизим топракъдашымыз "Татарин" — Михаил Адаманов 11 дереджели "Грюнвальд Хачы"нен мукафатланды.

Бундан гъайры "Гвардеец" арбий газетасында бойле къуванчлы сатырлар бар: "Гвардияджылар!.. 1943 сенеси бир чокъ гъалебе медаллеринен нишанланды... 1942 сенесининъ майыс 15-ден 1943 сенесининъ декабрь 15-недже Гвардия Людовой партизан отрядларынынъ эркъялары къатты урушлар не-тиджесинде демирёл транспортындан душманнынъ 106 поездини ёкъ эттилер. Бойле этип душманнынъ 3137 саат девамында демирёлдан кечирмеди, демирёл станцияларынынъ 36-сы ернен-ексан этильди, 226 волость акимиети, 155 сют

заводы җайыпкыа огъратылды, ерли халкыкыа 100 вагон эрзакъ дагъытылды. Душманнынъ тири къуветини ёкъ этмек ичюн 237 операция отъкерильди, оларда 1336 душман аскери, 40 офицери, 4 генералы озь олюмлерини таптылар. Самолётлардан 6-сы урып тюшюрьильди, 8-зи тёпеге котерильмеден җайыпкыа огъратылды, 1450 сиясий эсирликтен къуртарылды, 328 мунафыкъ озь джезасыны тапты.

Бу урушларда Костюшко, Бартош, Мицкевич, Котовский, Щорс адына ве башкыа партизан отрядлары җаалибане дженкештилер. Аскерлер!.. Гвардия Людовой адыны бугуньде фашизмнен курешкен бутюн Авропа халкылары биле. Гитлерджилерге кършы бу мешакъатлы курешлерде батырджа дженкешкен татар огълу "Мишка-Татар" лагъабынен, Умер Акъ-молла Адаманов да олгъаныны ве эки дефа "Грюнвальд Хачы"нен мукафатлангъаныны окъуп къуwandыкъ! Я не ичюн бугуньгедже бу Къараманнынъ адына бир сокъакъ, мектеп, кой кыюлмады? Я музей олмады?

Даа башкыа бир документте Костюшко адына Польша партизан оператив группасына ашагъыдаки болуклер киргени бильдириле. Булар: Андрей Флис ("Максим"), онынъ муавини Николай Гречкин ёлбашчыларындаки Костюшко адына, Михаил Адаманов ("Мишка-Татар"), онынъ муавини Василий Полунин командирлик япкыан Котовский адына партизан отряды, Адаманов ве Полуниннинъ эляк олмаларынен, командирликке Василий Манжавидзе ("Васька-Грузин") тайинленди. Шу да къайд этиле ки, Котовский адына партизан отрядынынъ эркъаныны бутюнлей совет аскерлери тешкиль эткенлер. (Булар акъкында озь субетинде Василий Терентьевич де сёйлеген эди).

Булардан сонъ "Грюнвальд хачы" мукафатынынъ тарихы насыл теэсис олунгъаны айтыла: 1410 сенесининъ июнь 15-де улу уруш башланды. Онда поляк, литвалылар, чех, украин, руслар бирлешип, умумий душман олгъан немсе хачлыларына кършы алынып барылгъан дженкешювде устюнлик къазандылар. Грюнвальд асырлар кечкен сонъ славянларнынъ шурет ве бирлик темсилине чевирильди. Бу мунасебетнен Гвардия Людовойнынъ Баш Команданлыгыы "Грюнвальд Хачы" мукафатыны теэсис этти. Бу мукафаткыа наиль олгъанлар Польшанынъ къараман аскерлери сырасына кечелер ве эбедий шан-шуретке малик олалар. "Грюнвальд Хачы" Польшанынъ сербестлиги, азатлыгы ве мустакъллиги огърунда курешкен къараманларкыа такъдим олуна. О учъ дереджеден ибарет. Гвардия Людовой Баш Команданлыгыынынъ даа бир эмиринде Польшанынъ сербестлиги, азатлыгы ве мустакъллиги огърундаки урушларда джесюране дженкеш-

кенлери ичюн III дереджели "Грюнвальд Хачы"нен такъдирленген Гвардия Людовойнынъ офицер ве аскерлери арасында Польша гражданларынен ян-янаша капитан "Мишка-Татар"нынъ адыны да коремиз.

Польшанынъ энъ юксек арбий мукафаты халкъымызнынъ къараман оғлу, чокъ лагъаплы батыры Айвасыллы йигитимиз Умер Адаманов (Атаманов) — "Мишка-Татар", Михаил Адамановгъа ольгенинден сонъ берильген. Бизге юректен фераланмагъа акъ бергени — Умер Адамановнынъ III ве II дереджели "Грюнвальд Хачы"нен такъдирленгени, къырымтатар эвлядынынъ Польша топрагында къараманане дженкешип, онынъ халкъына сербестлик ве мустакъиллик берильмеси ичюн 28 яшында джаныны къурбан эткенидир.

Урьметли окъуйджылар, энди келинъиз "Мишка-Татар", "Къара-Татар", "Мишка-Атаманов", "Мишка-Бродач", я да "Немселернинъ къоркъузыджысы", "Мишка-Генерал" ве дигер лагъапларнен адландырылган Умер Адамановнынъ якъан дигер джесюрликлерини (бизге бели олган) айтып кечейик.

Варшавада "Интерпресс" агентлиги тарафындан "Хатыра" адлы китап нешир этильген. Бу китап джесюр совет партизанлары ве аскерлерининъ мукъаддес хатырасына багъышланган. Китапта "Мишка-Татар" серлевалы очерк де бар. Онда батыр партизан Умер Акъмолла Адаманов акъкъында шойле хатырлавлар бар: "Яхшы сияланган ве эсасен сабыкъ совет арбий эсирлеринден тешкиль олунган Котовский адына партизан отряды озъ арекет койлеринде мунасиб шурет къазанды. Онынъ командири "Мишка-Татар" — Михаил Адаманов Билгорайнынъ бу районында деерлик эфсаневий адам олды. О, хусусан озюнинъ сонъки джесаретинен буюк шурет къазанды. Адаманов озъ отрядына етекчилик япаракъ, Юзефов деген койни забт этти, гитлерджилерни буюктен-буюк гъайыпларгъа оғратты. Лякин капитан Михаил Адаманов бу джесюране ве эр вакыттаки киби мувафакъиетли уджюми ичюн омюрини къурбан этти..."

Энди белли Умер Акъмолла Адаманов адыны душмандан сыр тутмакъ ичюн "Мишка-Татар" лагъабыны ала. Михаил Адаманов да онынъ шойле вазиятте уйдургъан адыдыр. Та 1939 сенеси Массандра—Ялта ёлларында айдауджы олган Умерни чокъ миллетли достлары Михаил деп чагъыра эдилер. Ойле де аскерликте, дженклерде бу ад къалды эм къорчалады!.

Пулемётчы Умер Акъмолла умют этмеден, къанлы урушлардан биринде апансыздан эсир алына. Чокъ къыйынлыкъ-

лардан сонъ, дигер эсирлернен берабер, Польша топрагында Ченстохов якъынларындаки немсе лагерине йибериле. Къача, тутула, къарарсыз джезалангъан сонъ кене даа мешакъатлы лагерьге ёллана. Бу лагерьде тюрюк миллетлернинъ векиллери олып, олар эшитилмеген ве билимген джезаларны корьгенлер. Дигер лагерьлерде олгъаны киби, мында да зайыфлангъан, такъаттан тюшкенлерни атып ольдюре, газнен богъа эдилер — буларны эльбетте энъ хасис СС фашистлери япа эдилер. Лагерьнинъ чевресини тикенли теллернен сарылып алынган ве онларнен къаравулларнен, копеклернен къорчалангъанына бакъмадан, андан эсирлер къачмагъа тырыша, чешит планлар тизе, чыза эдилер.

Бойле бахткъа наиль олгъанлардан бириси Умер Акъмолла, дигери огинедже къачкъан Василий Манжавидзе эдилер. Олар, биринъ бир беляларнен — башкъа-башкъа ёлларнен Любелъский повята Томашовгъа келип етелер ве бир вакъытлардан сонъ бир отрядда партизан оларакъ оккупантларнен батырджа урушалар. Дигер къачакъларны да этрафына топлап, ерли халкътан сила тапып, 1942 сенесининъ бааринде партизан отряды мейдангъа кетире ве онъа "Мишка-Татар" лагъабынен командирлик япа. Сонъундан Котовский адыны ташыгъан бу партизан группасы кеттикче буюклешип, дженкявер партизан отрядына чевириле.

Замойщинада пейда олгъан Котовский партизан отрядынынъ гитлерджилерге, полицаиларгъа къаршы джесюрликлери халкъ арасында ойле яйрай, онынъ командири "Мишка-Татар" — Михаил Адамановнынъ ады эфсаневий батыргъа чевириле, фашистлер бутюн кучълеринен "Мишка-Бородач"нынъ пешине тюшелер.

1943 сенеси январь 22-де гитлерджилер "Мишка-Татар"нынъ партизан отрядыны ёкъ этмек ичюн анда тинтюв япалар. Бу тинтюв вакъытында Крайнова ордусынынъ эки отряды къамачавда къала. Поляк партизан отрядларынынъ командирлери саба саат 7-де олардан 4 километр авлакъаки "Мишка-Татар"нынъ партизан отрядына барып къошулмакъ макъсадынен Пуцагъа тараф ёл алалар. Чокъкъа бармадан оларнынъ артындан фашистлер келип етелер. Адаманов чешит усуллар къулланып, эки партизан отрядынен берабер гитлерджилерге къаршы амансыз атеш ача. Немселер къачмагъа меджбур олалар.

Бу ве дигер чарпышмаларны хатырлап "Селим" лагъабындаки Жеслав Музаж шойле икяе эте: "Манъа "Мишка-Татар"нен бирликте бир къач керелер немселерге къаршы операцияларда иштирак этмек сырасы кельди. "Мишка-Татар" узун бойлу, адден зияде такъатлы, къоркъу бильмез джесюр бир

адам эди. О озюнинъ “Дженк Алласы” киби корюнишинен эр кесни енъишке рухландыра эди. О, гъает инсаниетли, темиз къальбли бир инсан эди”.

Бир къач дешетли вакъиалардан сонъ “Вира” — Конрад Бартошевский “Мишка-Татар”ны джесюр, батыр дженкчи ве буюк арбий тактикагъа малик бир командир, — деп оны партизан штабында отъкерильген топлашувгъа чагъыра. Шу кунъден сонъ Михаил Адаманов Гвардия Людовой команданлыгъынынъ сафына кире.

Котовский адына отряд даа бир чокъ урушларда олып буюк гъалебелер къазана, командири Адаманов эфсаневий батыргъа чевириле, ерли халкънынъ сынъырсыз итибарыны къазана.



Амди Герайбай

ЯШЛЫГЪЫНА ТОЙМАЙ ОЛЬГЕН АРКЪАДАШЫМ ЯЯ ФЕРИТКЕ

Биз кетемиз, сен къалдынъ, сафны больдинъ,
Фидандай бир джаш эдинъ, Ферит, ольдинъ,
Шу огъурсыз дерт сени алды кетти,
Джаш оллюминъ магъа пек тесир этти.

Ёкъсуллыгъын, ачлыгъын ич айтмагъан
Койге язып бабаны мугъайтмагъан,
Шай менликли, бир ичли бала эдинъ,
“Юз сюръмем” деп, таш къатып къала эдинъ.

Сувуқьларда урбасыз, джолда-тышта,
Аязларда, къарларда, къара къышта
Джан талашып, гедженъни кунъдюз этип,
Эр кунъ саба бир саат джаяв кетип,

Пек зорлукъман окъудынъ бир дерт къаптынъ,
Сен бу индже маразны бундан таптынъ.
Къан тюкюрп, къан къусып, дердинъ артып,
Мен гонълюнъни алгъанда ичинъ тартып:

— Ах, Амди, мен Къырымгъа къайтсам эгер,
Турар эдим... дегенинъ шунчюн мегер...
Эй, бахытсыз, омюрсиз талийсиз, сен,
Комюльген джаш кемирчек, чюрюген тен.

Истанбулгъа бунынъчюн кеткенмединъ?
Джан чекишип ольмекчюн джеткенмединъ?
Акърабасыз, анасыз эм бабасыз,
Джат ерлерде тувгъансыз, асабасыз,

Джан аджырынъ, сырдашынъ, сени суйген,
Сенинъ ичюн джылагъан, джанып куйген,
Кимсечигинъ ёкъ эди, заваллы джаш,
Кимлер тикти башынъа бир къара таш?

Дженазэнъни котерген, къабир къазган,
Васиетинъ дынглагъан, бизге язган,
Эки курек топракъны джыйып-терип,
Мезарынъа толдурып, къолун керип,

Дуа эткен бир инсан табылдымы?
Ачыкъ къалмай мезарынъ джабылдымы?

Акъмесджит 12, январь, 1927

ОПЬКЕЛЕВ

...ге

Бетиме бет, козь тикип, къарап тургъанда,
Мен озюмден кече, ойгъа даламан,
Дюк-дюк этип коксюм, къальбим ургъанда,
Ташдай къатып къала буздай таламан.

Шырныкълы, ярыкъ, сырлы козьлери
Ислеримни ичке тарта алалар,
Эркеленип, кулип айткъан сёзлери
Джурегимс бирер джара салалар.

Нар алдамай къызыл гуллю янагъы
Козьлериндай тыштан ичке оюла,
Оймакъ авзы — суюгю, севда чанагъы —
Къыбырдаса бутюн къайгъым джоюла.

Мемелери асма юзюм салкъымы,
Бир ашарлы бала тюсю къыбырдай,
Акъ памыкъдай без юмшакъ алкъымы
Къыбырдай да, авзы айта, шыбырдай.

Кюлюмсиреп къашын чатып, сюзюле,
Сонъ бир сёзюн айтып, арткъа бурула,
Ичеклерим тюптен къопа, узюле,
Арада башкъасыман лафкъа къурула...

Хайырсызнынъ мени ташлап кеткени
Джурегим ура, къатып къаламан,
Башкъасыман ойнап шакъа эткени,
Джаным сыкъа, хата айтып саламан.

Эй, утанмаз, эки юзюлю ярамаз,
Ничюн мени ялан сёзмен алдаттынъ?

Эр корьгенни киши дост деп къарамаз,
Хаялымда ялан севда яраттынъ.

Тамшандырып, севда эттигъ озюнъе,
Къанмайджакъман айткъан ялан сёзюнъе,
Емин эттим сагъа лянет этмеге,
Башым сенден айырып алып кетмеге.

1920, Акъмесджит, 27 ноябрь

МЕКТЮП

Бу куньгеджек сизден сырым гизледим,
Къальбинъизге гизли бир джол изледим,
Къарар бердим ичимдекин айтмагъа,
Гъурурланма, сен де сырынъ айт магъа.

Эр кунъ акъшам келесинъ сен тюшоме,
Сарып ала къальбимни бир ушюме,
Коктен келип киресинъ де къойнума,
Сармашыкъдай сарыласынъ бойнума.

Абдырайман, сескенемен, тураман,
Бирден лампа эскенджесин бураман,
Яшланаман тёшегимнинъ тёрюне,
“Ах!” дегенде, акъ джигерим корюне.

Уйде ёкъсынъ, сакъланасынъ, къачасынъ,
Асретимни тазертесинъ, ачасынъ...
Джылай, джылай сарынаман, джатаман,
Ойланаман, къасеветке батаман.

Инсан эт де, акъыз, къабул эт мени,
Сатып алгъан эсиринъдай джсет мени,
Козъ яшларым этегинъе тёкюльсин,
Ичимдеки тамарлы дерт сёкюльсин.

Назлангъанда сесим битип, къарылып,
Къулач ачып, акъ бойнунъа сарылып,
Дудагъымны ал эрнинъе тийдирсем,
Авузынъа сырларымны ийдирсем.

Сенчюн къояр эдим джаным ортагъа,
Дуаджы бол ляатимде тортагъа,
Дюнъа ахрет къуллугъына разыман,
Джевабын яз бир къач сатыр языман...

20 ноябрь 1920

“ШИИРЛЕРИҢЪНИ НИЧЮН БАСТЫРМАЙСЫҢЪ?” — ДЕГЕН ДОСТУМА

Ах, къатийим, аркъадаш, кунешим ёкъ,
Сырдашмагъа, айтмагъа бир эшим ёкъ,
Джатнынъ къара кунеши ярыкылатмай,
Онъгъанлыкъ ёкъ, онларны арыкылатмай.

Апансыздан бир гедже кунъ туваджакъ,
Къалемиммен душманны мен къуваджакъ,
Шиирлерим алтынман язаджакъман,
Шиир язып, кучъ кетип, азаджакъман.

Ноябрь 27, 1920

УЯНЫҢЫЗ, ТАТАРЛАР!

Эй, Москва оглеринде арсландайын чарпышып
Атлар ойнаткъан татар,
О вакъыт бир ерине бинъ бир душман окъ атар
Болса, къаршы турдынъ йылдызлардай тартышып.

Душман сенинъ зарарынъа айнеджилик эткенде,
Инсанлыкъкъа ярашмайджакъ тюрлю шайтанлыкъ этип,
Эринъ, къызынъ бирлик болып, урушмагъа кеткенде,
Сагъа тав, таш тюм-тюз эди турмай ойтанлыкъ этип.

Сен душманны бош йибердинъ джайлавдаки йылкъыдай,
Акылыларны къарамадынъ кийик кадет халкъындай.

АЙТА КЪОЙДЫМ

Окъумасанъ, алып сатсанъ сонъ отъмекке тоярсынъ,
Десте-десте акъчаларны джепчигинъе къоярсынъ.

Март 20, апрель 18, 1920.

БИРЛИК

Бирлшейик Туранны тирильтмеге,
Бутпон Ислям алемин бир этмеге,
Душманлардан, къуршундан, окътан къоркъмай...

27 январь 1921

СПЕКУЛЯНТ

Куплет

Спекулянт акъай бойнун бурып джуре,
Джатакъ малнынъ учётка алынганын коре,
Кягъыт къалп паралар отьмий къолда къалган,
Отер беллеп, заваллы буклеп джыйып салган.

Багъламасы: Ах, паралар, паралар, яланджы паралар,
Биздайларны алдатып, акъылынъны алалар.
Къатсин синъри энди? Чареси къалмаган,
Ишчи халкъы оны союзгъа алмаган.

Къайда кирсе, огъа къалын къурсакъ дийлер,
Бир къач чувал аркъанман котер, турсат дийлер.
Ах, паралар, паралар, яланджы паралар,
Бу паралар инсаннынъ акъ юзюни къаралар.

МУБАЛИГЪАДЖЫ ШАИРГЕ

Табиятны язсанъ эгер, тавны-ташны джылатсын,
Далгъаларны сёйлендирсенъ, ерни, кокни сылатсын.
Къате къайтып атеш, алев кечсе эгер акъылынъдан,
Булутларны джагъаджакъсынъ танърингъе пакъылынъдан.

Пычакъ, тюфек деген шийни сагъа бермек пек къазалы,
Коре къойсанъ бир бай мырза, имам, хатип оразалы,
Орталыкъкъа къан къуяджакъ, сачып-кесип асadjакъсынъ.
Якъындан козь батырмасанъ, къош тюфекни
басadjакъсынъ.

Тоз думанны язadjакъ да, башта кокдий гурюльдийсинъ,
Тракторны макътайджакъта къара джердай зирильдийсинъ,
— Джауун джава — дийджек болсанъ, “туфан” сагъа бир азыр аш,
Зийтунмен чай сагъа коре эки козьмен къап-къара къаш.

Абул-къубул шиир язып айтсанъ эгер акъчасына,
Къалем, балта алып кирсенъ арув шиир багъчасына,
Балталарсынъ баш-аягъын, унутарсынъ, эсер бир джелъ,
Везин-мезин, олъчюси ёкъ, къафиенъ де бир бузукъ тель.

Шиир тувул джыр язып халкънынъ башын авурткъанджек,
Ортакълыкъны бербат этип, тоз-топракыны савурткъанджек,
Язмагъанынъ беиш къат арув, не иссе, достум, сонъу хайыр.
Энъ сонъунда бу сёзлерден сен магъа да бир пай айыр.

14 январь, 1927, Акъмесджит.

АЛМА ШУ КУНЬЛЕРИ

*"Яблочко" ээгисинен айтыладжакъ
кулькю тюркюси*

Падиша Николай тюшпурди тахтындан
Айтаджакъман сизге факъыр халкънынъ бахтындан.
Большевик эм менышевик бек сыкълет кечине,
Къырав тюшкен фронтта кадетнинъ кучюне.

Акъмесджитни сорасанъ, къачып кельгенлер толгъан,
Окъумыш яш чуфутлар алайы коммунист болгъан,
Хырсызларнынъ биревси бир кассагъа далгъан,
Бир кереде бир миллион къалп акъча алгъан.

Отъмекнинъ фунты фурунда он кумюшке чыкъкъан,
Тойда яшлар боразангъа бинъер кумюш тыкъкъан,
Чыбырып джуре джолларда бир коб къылыч такъкъан.

АРФЕ КУНЮ

Анам алгъан сылавучын оджакъ башын аялай,
Ичкер уйде уйкен абам пештималын саялай.
Биз де кирдик амамлыкъкъа аркъамызны джувамыз,
Сув къуюшып, сабушлашып белимизни увамыз.

Дженгем кирди озъ уюне, уюн джая-джайрата.
Бабам къурбан пычакъларын къайракъчыгъа къайрата.
Къартанамыз ясин окъуй, акъшамлыкъ аш пишире,
Къыйгъачаны сюзип-сюзип, сары майгъа шишире.

Биз де джезбени толдуруп, къоргъа табан сюремиз,
Къомшуларгъа сонъ къыйгъача улештирип джуремиз,
Акъайларнынъ алайы да экиндиве кеттилер,
Къарасувгъа кеткенлер де, койге къайтып джеттилер.

Мазин акъай гурь давушман экиндини окъуды,
Эр оджакъта бирдай этип къыйгъачалар къокъуды.
Акъшамлыкъ аш ашамагъа алайымыз отурдыкъ,
Къыйгъачаны сым-сыкъ этип, къурсакъларгъа тотурдыкъ.

Бираздан сонъ бабамалар ятсыгъа деп кеттилер,
Къартий масал айтты, акъам бизни тыраш эттилер,
Яры гедже якъыплагъан эди бизлер яткъанда,
Сонъки къурбанлыкъны бабам туварчыгъа саткъанда.

Мен тешекке киргениммен, джайрагъан да къалгъанман,
Иштанымны буклеген де, баш астына салгъанман...

Пек зевкълы коб джемиси байрам корьдим тошюмде,
Бир коб чапкъын балачыклар къувып келе пеншимден.

28 ноябрь 1920, Акъмесджит

КЪАЙГЫ

Кичкене бир татар уйи акъ къаянынъ тюбюнде,
Мияв къушлар юва тепкен нсгизининъ четинде,
Кузь вакъыты, джавун джава ксчелернинъ кобинде,
Тапъга якъын итлер уре кочюрменинъ огюнде.

Заваллы ана ит сесинден къымшана, бир сес ссзе,
Козюн ача, келинини уянтмагъа сѣз тизе:
— Шерифе, тур, балам, итлер уре!..
Къаралтыгъа ашна болгъан бильгили бир джат кире.

Келин бирден сескенип: — Ким экен о? — силькине,
— Къулакъ салдынъызмы, анай, ит урювининъ илькине,
Эки-учъ йылдыр эр гедже дѣрт-беш кере уре,
Бизни алдатып, абдыратып салкъын-сабыр дерт бере.

Эй, яраббим, ким экен шу? — ит огъа достлукъ эте,
Бабалы оксюз Османчыкынынъ ель бешигин тербете.
Бирден-бирге пенджеренинъ тасырдысы эшитиле,
— Анай, Анай, Шерифе! — деп яныкълы бир сес келе.

Ана келип, джевап бермий, белли я, тиль курьмеле,
Шымар эте бир-бирине — Уй къапуны сюрьмеле. —
Пенджереге кельгеннинъ сеси бир даа юкселе,
— Тапъмайсызмы ёкъса, анай? — келининъден муджде тиле.

Асрет ана: — Вай, балам, кельген! — деп байыла,
Келин кете къоджасына къапу ачмагъа къойыла,
Дертли, жарлы къорантагъа бутунъ байрам сайыла,
Байрам тугуль, гоньюлине мунълу къайгы сайыла.

Яш келинчек козь яш тѣкип, къоджасына сарыла,
Джерли джигит: — Джибср мени! — деп азгъаначыкъ дарыла,
Келин джылай, эм такъмакълай, къайнанагъа бурула,
— Анай, улунъызнынъ къоллары ёкъ! — мунъ юрсклер урула.

*Акъмесджит, 11-14 январь, 1920.
Неширге Айше Кокиева азырлады.*



УЧЮНДЖИ КЪЫРЫМ СЕЯТЫМ

Бундан черик асыр эвель, Анкараның Кучюкесат семтинде аслы багъчасарайлы олгъан мерхуме Рефикъа тизе анда уйкен къызынынъ эвинде къала эди. Бир кунъ Истанбулда яшагъан кучюк къызы, кендисининъ къызыны алып, Анкарагъа, аптесининъ янына мусафирликке кельген ве эки афтадан сонъ кене Истанбулгъа къайткъан. Олар къайткъандан сонъ эртеси куню торуны къадар бир къызчыкъ келип, торуныны сорай. Бу вакъыт ичинде эки къызчыкъ достлашкъан экен. Рефикъа тизе, “Олар Истанбулгъа кеттилер”, дей. Буны эшитип къызчыкъ: “Вах, вах, узюльдим”, дей. Рефикъа тизе, мен онынъ къартанасы олам, оларнынъ кетмеси меним ичимни якъты, сенинъ кедерленгенинъ бир шей дегиль, манасында джевап эте.

Бу джевапны берген къартана КъырымЦИКнинъ реиси олгъан Кубаевнинъ къарысы эди. Базы вакъытларда ресмий языларны аджеле имзалатмакъ ичюн уйле маалинде эвине алып келе ве деръал имзалатып, почтанен ёллай экенлер. Иште, бир кунъ аджеле ёлланылмасы керек олгъан бир къагъытны эвине алып келелер. Амма Кубаев баягъы вакъыт тедариклене, козлюгини чыкътарып такъа, къагъытны имзаламай. Буны корип тарсыкъкъан Рефикъа тизе, “Не бу къадар огърашып турасынъ я, кетир сенинъ ерингъе мен имзалайым”, дей. Рефикъа тизенинъ бутюн Къырымнынъ адындан имза чекмеге джесарети ете эди. Черик асыр эвель Анкарада вефат эткен Рефикъа тизе озюнинъ догъру ве кескин сёзлигинен белли эди...

1996 сенеси 17 сентябрь куню, мен Керчте аламнынъ огълу Бурхан Аблязизнинъ эвинде мусафир экен, Акъмесджиттен “Къырым” газетасынынъ башлары (баш муаррири) сайгъылы Шевкет Рамазан мени телефоннен арап: “Ярын Акъмесджитте языджылар топлашувы бар, кельсенгиз языджылар ве журналистлернен таныш олмакъ ичюн зйи фурсат олур”, — деди. Мен де ойле яптым, даа догърусы къардашым Бурхан мени машинанен о ерге алып барды.

Биз топлашув одасына киргенде языджыларнынъ даа

эписи кельмеген эди. О ерде булунгъан сайгъы дегер бир къач языджынен самимий таныштыкъ. Меним киби ярым асыр гъурбетте яшагъан Къырымлы ичюн озъ халкъымнынъ азыджыларынен танышмакъ къуванчлы ал эди. Топлашувнынъ мевзусы “Янъы дюнъя” газетасынынъ икътисадий вазиеттен себеп, чыкъып оламаювы эди. Бу эснада мен къыска бир къонушув япаракъ, озюмни таныттым. Имкяны олса, бойле бир газетанынъ неширине девам этмеси ичюн къувана-къувана ярдым этеджегимни айттым. Бу вакъытта оданынъ аркъа сагъ кошесинде отургъан бир ханым, “Бу не хиярнынъ иши?” — деп сёзге башлады. Табий ки, эр кес кульди. Герчи бир ханымнынъ бойле шекильде сёйлемеси ич де киббарджа бир къонушма дегиль эди, амма акъикъатны олгъаны киби айдынлата эди... Асылында “Догъру сёйлемек, агъызынынъ зекятыдыр”, дерлер.

1996 сенеси сентябрь 11-де Заланкойге догъру кетемиз, о куню мусафир къалдыгъымыз сайгъылы Шевкет Рамазан бейнинъ эвинден буюк огълу Тимур бизни Заланкойге (Холмовка) алып кетмекте. Мен Къырымда олгъанда Заланкой акъкъында эвель эшитмеген эдим. Ялынъыз 1946 сенеси Германиянынъ Миттенвалд лагеринде бир къыска муддет булунгъанымызда Ибрайым адлы юксек сеснен лакъырды эткен элли яшлар къарарындаки бир адам бар эди. 1928—1929 сенелеринде бу адам Заланкойнинъ зенгинлеринден ола деп Уралгъа сюрдюн эткенлер. Шимди исе онынъ ичюн эр кес ве эр шей коммунист олып корюне ве коммунистлерни агъзыны толдурып сёге эди. Кендиси Урал ве Сибирь сюрдюнлигинден бир къач йыл сонъ бир чаресини тапып Орта Асиягъа къача, немселер Къырымны ишгъаль этмеден бир къач вакъыт эвель Къырымгъа келип чыкъа, немселер кельген сонъ мейдангъа чыкъа. Бу вазиетте Ибрайым акъайнынъ немселернен ишбирлиги япмасы нормаль бир алдыр, чюнки яшлыгъы Уралда ве Орта Асияда кечти. Тюркиеге сыгъынгъан сонъ Адаананынъ Османлие къазасында аслен Къаралезли олгъан эки акърабасынен о ерде яхшы яшай эдилер.

Эр не исе де шимди Заланкойге келемиз. Бунынъ себебини анълатайым. Беш сене эвель Орта Асияда булунгъан яшлы къадынлардан бири Мустафа Къырымогълуна мектюп язаракъ, “Бизим Къырымгъа къайтаджакъ парамыз ёкъ, амма ана юртуна къайтмакъ ве анда ольмек истеймиз” деген, беш татар къадыны адларыны язып ярдым ичюн риджада булунгъанлар. Бу мектюп “Эмелъ” журналында басылды. Мен Къырымда къомшу яшагъан Зекие Сеферованы чокъ яхшы танийым ве яхшы къыз олгъаны

ны бильгеним ичюн 1991 сенеси июнь 5-те сайгылы Мустафа Къырымогылуна бир мектюп яздым: “Барып да Зекие Сеферова Къырымнынъ Сситлер районы Ногъайчы коюнден олса, онынъ Орта Асиядан келиш масрафларыны одемеге азырым”. Сонъундан Къырымгъа кельген Зекие меним “Йылдыз” журналындаки макъалелеримни корип, Мустафа Къырымогылуна текрар мураджаат эткен, 1944 сенеси 11 февральде къомшу кою Митрофановкада Зекие, мерхуме Ресуде ве меним чыкъарттыгымыз бир ресимни бир чаре этип мангъа теслим этмесини риджа эткен. Ишлерининъ чокълугъындан олса керек, не меним мектюбиме джевап берильди, не де Зекиенинъ о хатыра ресими мени келип тапты. Албу исе мен о ресимни эп янымда ташый эдим ве бир сеяатта эльчантамнен берабер гъайып эткениме пек яндым. Бизим арамызда гонгъюль багъы ёкъ эди, факъат агъа-къардашлыкъ бар эди.

Иште, шимди ярым асыр эвель самимий къардашлар киби олгъан Зекиени корьмеге кетемиз. Ёлда копчеклеримизнинъ бири патлады, факъат къардашым Тимур оны тезликнен денъиштирди ве бир муддет сонъ Заланкойге кельдик. Расткельген биринджи адамдан Заланкойдеки ихтиярлар эвини сорадыкъ. Адам, “Шу экинджи джаддеден солгъа бурулынъыз, 200 метр къадар кетсенъиз, огюнъизден чыкъар”, — деди. Сонъра мен: “Сиз нерелисинъиз, къардашым?” — деп сорадым. Адам, “Айсерезли олам”, — деди. “Мен де Айсерезлим, амма койдешлеримни яхшы бильмейим, бельки лагъабынъызны айтсанъыз, гъиябийден олса да танырым. О заман адам, “Билялларданым”, деди. “Эбет, эшитмекче билем”, — деп джевап бердим. Экинджи кошеден бурулып, ихтиярлар эвине кельдик. Миллий Меджлисининъ кимсесиз къартлар ве мухтаж олгъанларнынъ сыгъымасы ичюн къурдургъан эви. Мердивенлерден бираз юкъары чыктып, биринджи къапыны къакътыкъ. Къаршымызгъа алтмыш яшлар къарарында бир эркек чыкты. Мен, “Зекие Сеферова мында отурамы?” — деп сорадым. Адам, мында отура, деп джевап берди. Мен, “Аджеба, Сситлер районындан оламы?” — деп сорадым. “Зан этсем, о тарафлардан олса керек. Мен озюм Айсерезлим, адым Ахтем”, — ве иляве этти: “Мен де сизни тандым, биз акъраба оламыз”, — деди. Мен Ахтем къардашыма “Зекиеге барып айт, амма бизим узакътан кельгенимизни айтма, ванна одасындан тез чыкъаджакъсынъ, деп айтсанъ етерлик”, — дедим. Беш дакъкъадан сонъ къыз къардашым, Ахтем ве Тимур бирликте Зекиенинъ къапысына кеттик. Зекие къапыны ачып, мени корь-

генинен козылерине ишанмады, бираз даа якъынлашып, дикъкъатнен бакъкъан сонъ “Фейзи Рахман” деп бойнума сарылды... Сонъки йылда Ногъайчыда энъ якъын къомшумыз эди. Генчлигимде ондан сырларымны сакъламагъан самимий достум эди. Биз онынънен акъран эдик, мен беш-алты айлыкъ буюк ола билем. Иште, бир акъраба киби корюшмектемиз. Зекие бираз толгъунлангъан. Амма эки-миз де ильк корьгенимизнен бири-биримизни таныдыкъ. Зекие пек эеджанлы эди, бирден агълап да оламады. Къан басымы 220/210 эди. Янымдаки къыз къардашым эким Зекие аптени бу алында къалдырмакъ олмаз деди. Мен де, “Айды, азырлан, сени Багъчасарайгъа, дайымнынъ къызынынъ эвине алып кетейик”, дедим. Эпимиз берабер Багъчасарайгъа кельдик. Ярым асырдан берли корюшмеген эки самимий инсан нени къонушмадылар ки? Даа Заланкойде экенде къыз къардашым, Ахтем ве Тимур бар экен, Зекие манъа: “Мен о заман сени севе эдим, сен исе мени севмей эдинъ, о бир къомшумызнынъ къызы Ф.ни севе эдинъ, — деди. — Албу ки, Озьбекистанда булунгъан 1944—45 сенелери мен станцияларгъа поездларны къаршыламагъа чыкъа ве анда тек сени ве бир де Джевахире аптемни беклей эдим”, — деди ве агъламагъа башлады. Табий ки, ресимдеки учюнджи аркъадашымыз мерхуме Ресуде Аджыарсланованы да о ерде рахметнен анъдыкъ. Атта мен экинджи кере Зекиеге сагълыкълашмакъ ичюн баргъанымда Молдавияда эвли ве балалары олгъан Джевахире аптесини де корип, эпимиз берабер ресим чыкъарттыкъ ве сонъундан оларны онъа ёлладым.

Биз дайымнынъ къызы Хатидже къардашымынынъ эвине кельген сонъ, бираздан кедай Исмаил Салетнинъ къызы Саре аптемиз де кельди ве бир ода инсан самимий субетке далдыкъ. Зекие о берабер чыкъарткъан тарихий ресимимизден фотоательеде озю чокълаштырткъан нусхаларындан бир дане багъышлады. Менимки гъайыш олгъанда не къадар яныкълагъан олсам, шимди о къадар къуwandым.

Бу эснада мен де ильк севдигим Ф. акъкъында сорадым. “Озьбекистанда, биз яш къызларны топлап, кой ишлери курсларында окъута эдилер. Шу окъувда Ф.ни бир аркъадашынен корьдим. Самаркъанд яларында эди. Бундан сонъ бир даа корьмедим. Эр алда о ерден къачкъан олсалар керек, — деди Зекие. — О вакъытларда бу учь адамдан ибарет ресимни черчивелетип, диваргъа аскъан эдим, оны бир башкъа къырымлы къыз хырсызлагъан, мен чокъ кедерлендим, яхшы ки, аптеме бу ресимден яптырыш берген эдим, кетип ондан ресимни текрар алдым

ве чокъ этип яптырдым, ёкъса кедеримден хаста оладжакъ эдим. Бир кере кене станциягъа чыкъып, аптемнен сени бекледим. Бир даа бакъсам, сен поезддан тыюшуп кетейтасынъ, артынъдан чапып-чапкъалап багъырдым. Ич де чевирильмейсинъ, бу кере тез чаптым ве сангъа етишип, юзюнъе бакътым. Аркъадан о къадар ошагъан адам, амма сен дегиль экенсинъ”, — деп бизни кульдирди.

Сонъра кене сёзюне девам этип, мангъа “Хатырлайсынъ-мы 1944 сенеси февраль 17-де Ногъайчыдан кеткенингъиз куню, эвингъизнинъ тыш къапысынынъ тёпесине:

“Тувгъан ерим дегильдир, оськен ерим,
Эки сёзнинъ биринде Ногъайчы дерим” —
деп язып кеткен эдинъ? — деп сорады.

Мен де пек яхшы хатырлайым, дедим... Иште, о языны мен Къырымдан сюрюльгенге къадар яни учъ ай эр кунъ окъуп агълай эдим, деди. Догърусы чокъ такъдирлер эттим ве дуйгъуландым. Шимди оада булунгъан Саре аптемиз Хансарайда мудир олып чалышкъан Сервер бейге, “Фейзи Рахман Къырымгъа кельсе, мытлакъ корюшмек истерим” дегени ичюн онынъ эвине барып, кендисини арадыгъымызны ве онынъ бир топлашувгъа кеткенини анълагъан эдик, шимди эпимиз бир сачакъ тюбюнде олгъанымыздан бахтлымыз. Бу эснада Зекие “Фейзи Рахман! Ич бир тюрлю сиясет япма, мен сиясеттен анъламам, не ичюн Ватангъа къайтып кельмейсингъиз?” деп сорады. Мен онгъа келип оламадыгъымызнынъ себеплерини анълатып башладым. Къардашым: “Мен аятымда бу къадар ачыкъ къонушкъан къадынны ильк дефа расткетирдим”, деди, оны такъдирледи. Мен де Зекиенинъ аятта озюни яхшы етиштиргенини, догъруны догъру, къыйышны къыйыш деп ачыкъ айткъан характер саиби олгъаныны анълап, эски бир аркъадашы оларакъ къуwandым.

Бу эснада Ногъайчыдан ве атта Къылчорадан яхшы таныгъан кой реиси Асан акъайнынъ къызы Февзи аптени де Багъчасарайда 7-нджи Микрорайонда яшагъаныны анъладыкъ. Бир къач сааттен сонъ Зекие ве Ахтем бир машина иле къайттылар. Бизни де Сейран къардашымыз машинанен Саре апте иле берабер Февзи аптенинъ эвине алып кельди.

Биз асылында Февзиелернен къомшу эдик, Асан акъай яхшы бир эв яптыргъан, янъы эвине кочъкен сонъ, биз оларнынъ эвине кочътик ве кой реислигининъ бинасына Зекиелер кочип кельген эдилер. 1934—35 сенелери Къылчорада бабам оджалыкъ эткенде, Асан акъай анда кой советининъ реиси эди. Сонъра Ногъайчыда секиз йыл

кѳомшу олып яшадыкѳ. Февзиѳ менден бир яш буюк олѳаны ичюн мен онѳа апте дейджегим. Чюнѳи о Бешкѳуртѳада ѳкенде бизден бир сыныѳ юкѳары ѳди ве ишаретлерининѳ ѳп яхшы олѳаныны хатырлайым. Бизим кѳоранталарымыз пек муаббет яшай ѳдилер. Онынѳ ичюн де онынѳен бир апте-кѳардаш киби корюштик. Февзиѳ чокѳ доѳтру ве намуслы кѳорантанынѳ ѳвлядыдыр.

Февзиѳ аптенинѳ ѳвинде Сарѳ оджапче иле бѳрабер чокѳ хош субет ѳттик. Февзиѳ аптенинѳ чокѳ мааретли агѳасы бар ѳди. Бабасы кой советининѳ реиси ве ѳзюнинѳ комсомол олмасына бакѳмадан, мен бир кѳре онынѳ кѳопайѳп юргенини корѳмедим. Онынѳ ольгенини ѳшитип пек кедерлендим. Февзиѳнинѳ кѳардашы Шемсиѳнинѳ де Акѳмесджит янынѳа Малѳнькое коюнде яшагѳаныны, Акѳмесджитте ѳмшире олып чалышкѳан Шемсиѳнинѳ кѳызы мѳни Февзиѳнинѳ огѳлумен бѳрабер Багѳчасарайѳа зиярет ѳткенлѳри вакѳытѳа сѳйлеѳди. Февзиѳнинѳ кѳоджасы да ялыбоюндан ѳйи бир киши. Огѳлу, кѳлини ве торунлары ѳдинѳжи микрорайонѳа гузель яшайлар. Алла насип ѳтиш бир даа Кѳырымѳа кельсем, Шемсиѳ кѳардашны да зиярет ѳтерим.

Дигѳр тарафтан Судакѳта булундыгѳымыз заман ѳмѳземнинѳ огѳлу Усеин: “Агѳа, Судакѳта сѳни таныгѳан бир кѳомшу бар”, дѳди. Мен де “Кимнинѳ огѳлу ве я да кѳызы ола?” — деп сорадым. “Бир яхшы апаѳѳай, ким олѳаныны беджерип айталмам, Судакѳкѳа баргѳан сонѳ ѳзюнѳ корюширсинѳ”, дѳди. Судакѳта о ханыммен корюштик. Ногѳайчы коюнѳнѳ сыртынѳа отурып, бизге нисбетѳен кѳомшу сайылгѳан Сулейман агѳанынѳ ве Инзиѳле аптенинѳ мен акѳран кѳызы ѳкен. О бизге кѳардашы Нариманнынѳ Сеитлерѳе яшагѳаныны айтты. Кѳне бизим кѳомшуларымыздан Сулейман оджанынѳ ве Ревидѳ аптенинѳ ѳким кѳызы Сеитлер хастаханѳсинѳе чалыша ѳкен. Мѳни телефонѳен араткѳан. Сеитлерѳе текрар кеттик ве лзыкѳ ки, Сулейман оджаларны буламадыкѳ. Бир даа Кѳырымѳа кельсем даа чокѳ койѳешлеримни корѳеджегим деп шимѳдѳден кѳуванам. Бир де менден дѳрт яш буюк олгѳан, бир сѳзлиги ве кишилигинѳен белли олгѳан Мираснынѳ да Кѳырымѳа кочип кельгенини ѳшиттим. ѳѳаѳ Зейтуллаѳѳа дѳген кѳадын онынѳ адресини билѳ ѳкен. Табиий, бир даа Кѳырымѳа кельмек кѳысмет олур исе бутюн койѳешлеримни сыранѳен зиярет ѳтеѳджегим.

Сарѳ оджапченинѳ кѳыз арѳѳадашы ве мѳни “Кѳдай ве халѳѳ шайри Исмаил Салѳт” (1995 с, “Йылдыз”, № 3) адлы макѳалемѳе аѳы анѳылгѳан М. оджапченинѳ ѳзбекѳистанѳа олѳаныны ве айны языѳа анѳылгѳан онынѳ ѳркек ар-

къадашынынъ мен яздыгъым адиселерден тахминен беш сене сонъ М. оджапченинъ тизесининъ къызына эвленгенини ве оларнынъ тоюна М. оджапченинъ де келип, оларны хайырлагъаныны эшитип шашып къалдым. Аллайым, шу яраттыгъынъ гузель дюньяда не худжур ишлер ола!

О йигитнинъ Акъмесджитте суд этилип, бундан йигирми йыл эвель атыш ольдюрильгенини эшиткен эдик. О вазиетни билесинъизми? Яни “оны ким чакъкъан?” — деп сорадым. О ерини бильмеймиз, дедилер. Мен де: “Сиз бильмесенъиз, кетип Америкада яшагъан татарлардан соранъыз” демедим. Чюнки бу мевзуны даа фазла къарыштырып, астындан бир япон чыкъмасыны истемем. Ялынъыз халкъымызгъа бу асырда япылгъан бу къадар акъсызлыкълар къаршысында тамамен сусмагъа да гонълюм ич разы дегиль. Зира, меним халкъыма шу совет идареси дедиклери ве шимди дюньянынъ эр тарафында лянетленген о террор идаре бир асыр акъсызлыкълар муамелеси япаракъ, халкъымызны хорлады, оларгъа инсаннынъ акъылына кельмеген эзиетлерни япты ве тошлу алда геноцид япты. Ярым асырдан берли оларны Орта Асия, Урал ве Сибирде тутаракъ, оларгъа ватан асретлиги чектирди. Бутюн булардан сонъра, озъ халкъыны гизлидже совет идарелерине чакъкъан кимселерни узурынъызда лянетлерим ве синъ киби татарлар ернинъ тюбуне батсын дейим...

Бу эснада мени башлангъыч мектепте окъуткъан ве аслы Ногъайчылы дюльбер йигит Эбусуутны хатырлайым. Саре апте сенинъ о аркъадашынъ Эбусуут оджа беге не эди гъалиба, амма сенинъ о оджапче аркъадашынъ онъа юзь бермей эди. Амма эки оджа бир-бирлерине пек ярашыр эдилер. Саре оджапче: “Оджа чокъ ичкени ичюн аркъадашым оны севмей эди”, — деди. Эр не исе де мен Эбусуут оджамны аля даа севем ве оны асретликнен анъам, барып да вефат эткен олса, онъа Алланынъ рахметини тилейим...

Бир эли къалем туткъан бир аркъадаш “Кедай Исмаил Салет” адлы макъалемни чокъ бегенип окъутгъаныны айтты. Факъат о немселер заманында да оларны макътап чынълар язгъан эди, буны да билесинъизми? — деп сорады. Мен де “Язгъан чынъларыны билем, амма заруриеттен япылгъан хаталыкълар узеринде токътамакъ истемейим. Бу ерде Исмаил Салет бир символик исимдир, эсас меселе хорланып кельген халкънынъ талийсизлигидир. Бу халкънынъ бойле кедайы бар эди, о да меним къомшум эди, балалыгъым онынъ янында кечти, онынъ немселер кунюнде чынъ язып догъру я да янълыш япкъаны

акъкъында бир шей айтып оламайым, амма халкъымызнынъ бойле намлы кедайы бар эди ве онынънен гъурурланмагъа акълымыз” — дедим.

Дигер тарафтан “Озю кучюк, намы буюк Айсерез” макъалесини элине алгъан, мен шахсен танымагъан бир языджы, шимди Ногъайчыда яшагъан баба достунынъ огълундан: “Фейзи Рахман Юртэр бу макъалелеринде догъруларны язамы?” — деп сорагъан. О да, “Мен озюни танымайым, амма бабам Фазыл акъайнынъ досту олгъан. Абдулла оджанынъ огълу догъру язгъанына инанам”, — деген. Бу джумледен оларакъ, юкъарыда баас этильген макъалеге Айсерез акъкъында малюмат берген Ваит Сахтара бей иле 1996 сенеси сентябрь 20-де Журавка коюнде Абдульалим дайымнынъ буюк кызы Аджер абламнынъ азбарында расткелиштик. Самимий оларакъ итираф этмек керек олса, мен о замангъаджа Ваит Сахтаранынъ ким олгъаныны бильмей эдим. Ветеринар Шевкыйнинъ, мешур йырджы Рустем Меметнинъ ве орта мектеп оджасы Зейнеп ханымнынъ сайгъылы Ваит агъанынъ балалары олгъаныны бильмей эдим. Эр не исе де Киров районында саатчилик япкъан кучюк дайымнынъ огълу Усеин къардашымнынъ эвине кетмек ичюн азырланмагъа вакъыт къалмадан, оларнен Аджер абламнынъ азбарында корюштик. О ерде бир къач дакъикъа ичинде нелер-нелер кюнушмадыкъ...

Эвеля, юксек муэндис Айсерезли Якъуб Абляким бей “Фейзи Рахман агъагъа Айсерезден бедава участка береджекмиз, факъат озюни ич къандырып оламадыкъ”, деди. Мен де узун муддет Авропада буюк шеэрлерде яшагъан сонъ, келип Айсерезге ерлешмемнинъ чокъ зор оладжакъыны анълаттым. Бу арада Ваит агъанен ве эшинен таныштыкъ ве Рустем Мемет къардаштан ал-эвал сорадыкъ. Бу къадар къыскъа корюшювимизде Ваит агъа бабамнынъ оджалыкъ япкъанда онынъ къулагъыны бургъаныны, я да башына черткенини айтып етиштирди. Кулюштик.

Сайгъылы Ваит агъаны балаларыны яхшы тербиелегинен тебрик этем. Затен, о къара кунълерде халкъымызнынъ бирден-бир теселли буладжакъы хусус балаларынынъ окъумыш олмаларыдыр...

13-нджи сентябрь куню догъгъан коюм Айсерезде эдик. Бизим киби ябанджы бир группа буюк чешме башында долаша эди. Булар Айсерезли олмасалар керек, деп тюшондик. Тахминен 35 яшларында олгъан бу кишилерден бири рессам Усеин Рамазан ве аркъадашы эйкельтраш Айдын Алиев экен. Бу санат адамлары асылында Айсе-

резли олып, шимди Москвада яшай экенлер. Мен исе Гамбургда яшайым. Ярым асырдан сонъ дюньянынъ чешит ерлеринден кельген айсерезлилер чешме башында корюштилер. 18 сентябрьде мешур санатчыларнен берабер Акъ-месджит телевидениесинден чыктышта булундыгыма ифтихар этерим. Айны программада мешур тенор Феми Мустафаевни ве къабилиетли оюн устасы Эльвира Батталны сейир эттик. Оларнынъ экиси де Европанынъ эр анги санындан раат-раат чыкъаджакъ санаткярлар эди. 18 сентябрьде “Къырым” газетасынынъ баш муаррири ве депутатымыз сайгылы Шевкет Рамазаннынъ эвинде къыз къардашым Др. Суаде Акъджоллу иле мусафир экен, белли шаиримиз Шакир Селим ве Шерьян Али ве Керчь шеэрининъ имамы Бурхан къардашым бар эди. Шевкетнинъ огъуллаары Тимур ве Арслан хызметте булунгъан сайгылы аналарына ярдым эте эдилер.

Хош субетли бу зияфетте Къырым телевидениесини зевкъле сейир этип, узеринде адым-адым кездигим Ватан-Къырым топракъларында булунманынъ хузур ве севинчини яшай эдим...

Бу джумледен оларакъ, бутюн акърабаларымнынъ эвлериндеки зияфетлерден шишманларым деп къоркътым, чюнки семирсем, онъа коре шекерим де арта. Эр не исе де арадан дёрт кунъ кечкен сонъ айны зияфетлернинъ девамыны “Йылдыз” журналынынъ баш муаррири Айдер Османнынъ Марьинодаки эвинде яптыкъ. Мен 9-нджы сентябрь куню Къырымгъа кельгенде Айдер хаста эди, шимди тюзельген ве хастаханеден чыккъан экен. Ольчули ве тюзгюн язылар язгъан Айдер бейнинъ мерхум бабасы Асан Осман бей меним Вешкъурткъада физика-математика оджам эди, долайысы иле оны да бу ерде сайгы ве раметнен анъам.

Чокъ самимий ве сыджакъ корюшювден сонъ саатлернен Къырым акъкъында, къырымтатары акъкъында лакъырды эттик. Бу эснада келининъиз Зарема ханым турмадан эвинде пиширильген чешит емеклерни ташый, софра устюни доната эди.

Сонъра, къомшусы ве дёрт кунъ эвель языджылар топлашувында биринджи кере корьгенимде козюме пек сыджакъ корюнген языджы Шевкет Асан бей кельди, ондан сонъра да “Янъы дюнья” газетасынынъ баш муаррири Нузет Умеров кирип кельди, февкъуляде бир муитте Къырымда олып кечкен вакъиалар акъкъында лакъырды эттик. Тувгъан юртумда чокъ бахтлы кунълер кечирдим.

Сентябрь 25-те дайымнынъ къызы Хатидже къарда-

шымнынъ огълу Сейран бизлерге Къырымнынъ дженюп къысымыны косътермек ичюн Багъчасарайдан машина-нен ёлгъа чыкътыкъ. Ёлумыз Алушта, Гурзуф, Ялта, Корейз, Симеиз, Форос ве Акъярда долашып, сонъра керикъайттыкъ.

Бойлеликле, бу учюнджи Къырым сеяатымда мен Ватанымнынъ кезильмеген бир ерини къалдырмадым. Затен, 1991 сенеси Къырымгъа биринджи кере кельген вакъытымда да Ялта-Ливадия, Ай-Петри узеринден, Куйбышевден айланып Багъчасарайгъа кельген эдик. Бу кересинде де Багъчасарайдан Журавки, Киров районы, Судакъ, Айсерез, Керчь, Кефе, Сеитлер, Ногъайчы, Джанкой, Кезлев ве Акъмесджиттен сонъ ватанымизнынъ дженюбини долашып кельдик. Шимди мен Къырымнынъ гузель бир юрт ве мухтешем бир ватан олгъаны акъкъында айта билем...

Гурзуфкъа якъынлашыр экенмиз бир къач дакъыкъа чырым эткеним. Козюмни ачкъанымнен егеним Сейраннынъ машинасы джаддеден чыктып башлагъан ве Артекке догъру кетмекте олгъаныны коръдим. “Къайда кетемиз? Ёлумызны узатсакъ, Къырымнынъ башкъа ерлерини бугунъ корип етиштиралмамыз, — дедим. — Э, Артек дегенлери бу ерми?” Герчи, айры-айры лагерьлерини кезип коръмедик, амма тепеден Артеки сейир эттик. Денъиз четинде бир фабрика къурулгъан киби кельди. Ойле олса, о фабрика денъизни пусюрлетмезми?

Эфендим! Шимди бу ерде 58 сене эвель олып кечкен ве бир омюр акъылымдан чыкъмагъан бир вакъианы хатырламакъ истейим.

1938 сенеси майыс айынынъ сонълары эди ве мектеп татильге дагъылгъан эди. Клубда (советлер заманында кой джамиси клуб япылгъан) мектепнинъ татильге кетювинен багълы топлашув бар эди. Талелелерге окъувда къазанчларына коре мукъяфатлар дагъытыла эди. О куню башлангъыч мектепни аля ишаретлернен битиргеним ичюн мени бир тери чантанен мукъяфатладылар. Айрыджа да мектеп биринджилери иле берабер (Сеитлер районынынъ дигер мектеплериндеки) аляджыларнен берабер “Артегенчлик лагерине” ёлланыладжагъымны мектеп директоры илян этти.

Биринджи олмакъ инсанны пек севиндире экен. Факъат бундан сонъ мектеп биринджилиги бахтыны Танъры манъа ич къысмет этмеди. Эр не исе де клуб адамнен рыкъмарыкъ эди. Мектеп директоры меним къолумдан тутып санагъа чыкъарды ве: “Мен не сёйлесем, сен де текрарларсынъ”, деди. Ойле де яптыкъ. Факъат мен бойле къалаба-

лыкъ топлашувнынъ огюне ильки кере чыкъкъаным ичюн дерсинъ, сана башыма авдарыладжакъ эди, чокъ сыкъылдым. Бу алымны анълагъан адамлар ашадан: “Балагъа бир чанта бердинъиз амма джаныны да чыкъарып алдынъыз” деп багъырдылар. Сонъра тат-Юсуф деген бир яш адам санагъа атылып чыкъты ве мени шиддетнен къучакълады, авагъа атты. Сонъра да тат-Юсуф даресини, дигерлер де кемане ве гармонларыны эллерине алып, оюн беклеген яшларгъа бир музыка зияфети чектилер.

Наркомпроснынъ Сеитлер район шубеси мектеп биринджилерини Артек лагерине ёлламагъа къарар бергенлер, зан этерсем бу иш районлар арасында небетнен тешкиль этильсе керек.

О кунъге къадар Къырымнынъ ялы бою оларакъ Судакънен Кефени корьген эдим. (Затен Къырымны терк эттигим 1944 сенесине къадар Акъмесджит, Къарасувбазар, Ички, Сеитлер, Джанкой ве Кезлевден гъайры ерлерни корьмеген эдим). Генчлер Артек лагери акъкъында чокъ меракълы лакъырдылар айта эдилер. Мектептеки ёргъунлыгъынъны савуштыра, лек яхшы раатланъш къайта экенсинъ. Уфакъ бир чемиданчыкънынъ ичине анам ич урбасы ве бир-эки языкъ кольмек къойды ве: “Айды, къомшу тизелеринънинъ къолларыны опъ ве оларнен ведалашъш кель”, деди. Севинчимден дерсинъ уча эдим, аман анамнынъ айткъанларыны ягътым, сонъра чемиданымны алып колхоз азбарына кеттим, чюнки андан колхоз машинасында, шофернинъ янында отурып Сеитлерге кетеджегим.

Он бир яшындаки бала ве ичтен кельген севинч... Колхоз азбарына кельген сонъ, мерхум бабамнынъ бир къач кишинен берабер тургъаныны корьдим. “Машина азыр, кель мин, сен Сеитлерге кетеджексинъ” демелерини беклей эдим. Амма вазиет меним беклегеним киби дегиль эди. Бабам мени корьгенинен тежран серт сеснен: чемиданымны алып, эвге къайтмам кереклигини айтты. Бу арада нелер олгъаныны анъламадым, эр алда колхоз реиси кучюк бир баланы районгъа алып кетмек ичюн балабан машинаны анда ёллайджакъыммы, деген. Онъа ачувлангъан мерхум бабам: “Мен баламны лагерьге ёлламайджакъым”, — деген... Иште, менден де бир агъыз соранъыз... Мен нелер олып кечкенини анъламадым, амма о кучюджик дюньям башыма авдарылгъан киби эди. Не ичюн эвге къайтаджакъымнынъ себебини биле анъламадан чемиданымны алдым ве эвимизге къайттым. Даа ярым саат эвель сагълыкълашкъан инсанларнен текрар корюшмеге утандым. Аркъадашларымнынъ “Артек насыл, гузельми?” деп мыс-

къылнен сораиджакъларындан утанып, о куню эвден тышкѣа чыкъмадым. Иште бутюн булардан толайы Артек меним хатырамда адджы бир из къалдырды.

Зира, о маальде Артекке кеткен олсам, о ерлерни кореджек, ялы бойларыны кезеджек, о ерлернинъ ямачларына узанып кеткен юзюм багъларыны сейир этеджек ве алтын тюсю тютюн тарлаларыны кореджек эдим, къыс-къасы балалыгъымда саиль бойларынынъ гузелликлери-нен къошуладжакъ ве озъ ватанымны даа яхшы танымакъ имкяныны буладжакъ эдим. Лякин о кезинти о заман къысмет олмады, ялынъыз 58 сене сонъ юртумны ве Артеки де ичине синъдире-синъдире кезингеним ичюн бакътым. Бу кересинде кимсе кедер этмеді.

Бурхан къардашымнынъ огълу Мустафа бизни машинасынен Кефеге ве Киров районуна кетирди. Бильгенинъ из киби Кефеде Айвазовскийнинъ музейи бар экен. Мен Къырымны терк эткен вакъытта Айвазовский ким деп сорагъан олсалар, мен адий бир рессам деп джевап берип эдим. Факъат шимди Айвазовскийнинъ аяты акъкъында эппей малюматкъа саип олдым. Мерхум кезлеви аркъадашым Акъкъий Адалыдан да Айвазовскийнинъ дюньяда энъ гузель денъиз ресимлери чызгъан рессам олгъаны акъкъында чокъ эшиткен эдим.

Атта чарлыкъ заманында, “Кель, Акъмесджитке авуш, мында санъа даа эйи шараитлер догъуырмаз” дегенлерине бакъмадан, “Кефе меним мекянымдыр, бу ерден айырылмам” деген. Инсаннынъ догъгъан ерге садакълыгъы джеэтинден пек яхшы джеваптыр.

Ярым асыр сонъ Кефеде, Айвазовскийнинъ музейинде булунмакътамыз. Дикъкъатнен онынъ денъиз ресимлерине бакъам. Диварларда асувлы буюк ве мухтешем таблолардаки денъиз санки ташып, бизлерни сувгъа гъаркъ этеджек киби жанлы япылгъан. Бундан бир ай сонъра Гамбургда Истанбул Денъиз музейи ачылды. Анда Айвазовскийнинъ ресимлерини корип таныдым. Гидден: “Бу ресимлер Айвазовскийнинъкими?” — деп сорадым. О тасдыкъ джевабыны берди.

Мерхум Акъкъий аркъадашым 1942—43 сенелеринде Кезлевде Айвазовскийнинъ талебесинден дерс алгъан.

1948 сенесининъ октябрь айында берабер Тюркиеге сыгъынгъан вакъытымызда Акъкъий Истанбулда къалды, амма озюни Истанбулда рессам оларакъ танымтасы ичюн чокъ сенелер кечти. Бу эснада фотографчылыгъыны да девам эттирди. О вакъытта ренкли ресимлер олмагъаны ичюн эсасен оларгъа къолнен ренк берди. Бейогълу Истыкълял джаддесинде онынъ ресимлерини зенгин къадынлар истекнен ала эдилер.

Бильгениме коре, Акъкъийнинъ бабасы Кезлевге якъын бир койден олып, чокъ сенелер эвель Кезлевге кочъ-

кен. Абляким эфенди Багъчасарай зынджырлы медресе-
сини битирген. 1941 сенеси немсе иштъали вакъытында
мектеплер бир муддет къапала ве бабасы огълуны бош
вакът кечирмесин деп бир рессамгъа талебеликке бере.

1942 сенеси бир граната Акъкъийнинъ авучлары ичин-
де патлай ве пармакъларынынъ этлерини алып кете. Ай-
ларнен хастаханеде ятып, къолларыны тюзете, амма те-
нининъ башкъа ерине зарар кельмей... Бундан къыркъ
сене эвель Акъкъий Истанбулдаки Долмабахче стадионы-
нынъ арт къысымындаки чамлыкъта озюни-озю атып оль-
дюре. Танърынынъ рахмети узеринде олсун.

Мен бундан эвельки макъалелеримде 1944 сенеси фев-
раль 29-да Кезлев скелесинден Къырымны терк эткени-
мизни язгъан эдим. Мерхум аркъадашым кезлеви олгъа-
ны ве тиземнинъ торуны Мустафа Томакънынъ Кезлевде
яшагъан къызы Гульсюмнинъ ве онынъ акъайы Ферат
Меметни зиярет этмек ичюн Кезлевге кеттик. Торунуымыз
Озбекистанда консерватория битирген, о даа эвель Из-
мирде ве Германияда чыкъышларда булунгъан эди. Биз-
лерге Кезлевнинъ театр бинасыны, мимар Синан къургъ-
ан Джума джамини косътерди. Манъа: “Эмдже, бизим
халкъ классик музыкагъа чокъ алышыкъ дегиль, онынъ
ичюн бизге багълары аз”, — деди. Мен де, “Тежяран са-
бырлы ол, он йылдан сонъ сенинъ киби сопраноларны
бизим халкъ пек къыдырар”, — деп джевап бердим.

Судакъта булунгъанымыз заман Али агъамнынъ Су-
дакъ газетасында чалышкъан къызы дженевизлер куню-
ден къалма къалелернинъ къалымтыларыны ве “Новый
Свет”ни косътермеси бизлерни чокъ мемнюн этти. 1901
сенеси Парижде отъкерильген дюнья копоклю шарабы
ярышында дюнья биринджилиги медалини алгъан Новый
Свет юзюмлери табийи ки, фабриканынъ дживарындан,
эсасен Айсерез юзюм багъларындан кетириле... Иште,
шимди Новый Светни зиярет этер экенмиз, бизим тош-
рагъымызда етишкен юзюмден япылгъан шарапны бутюн
дюньягъа таныткъаны ичюн о ерлерни сайгъы ве итирам-
нен селямладым...

Сенелердже джаяв барып-кельген Ногъайчы-Ахмет,
Бешкъурткъа койлери арасындаки ёлларда ресим чыкъ-
арттыкъ, Керчь шеэрининъ ортасында юксельген Митри-
дат тёпелигине чыкъып, Таманъ тарафны, Кавказны сей-
ир эттик, 53 сене эвель дженк вакъытында озъ ватаны-
мызны терк этерек, Одессагъа кеткен Кезлев шеэрининъ
скелесине шу къадар йылдан сонъ кене келип кезиндиги-
миз, Судакъ шеэрининъ тарихий дженевезлер девиринден
къалма къалелери ве Алушта Акъяр арасында Къырым
ялы боюны коръмемиз мени чокъ севиндирди. Тюркиеде,
Америкада ве Германияда яшагъан ватандашларымыз то-
сат-тосат озъ ана-юртлары Къырымны зиярет этмелерини

оларнынъ табиий инсаний акълары деп саям ве бу ишни вакъыт-вакъыт япмакъ юрекке, рухкъа, инсан вуджудына пек яхшы файдасы бардыр.

Бу итибарле Къырымдан келеджек визанынъ дёрт ай бекленмеси пек де нормаль ал дегиль.

Къырымгъа келип, бахтлы бир чере иле Акъмесджит аэропортындан кетер экенмиз, Америка ве Авропада айны паспортнен сербест кезген ватандашларымызнынъ эллеринден паспортларыны алып, 15—20 дакъикъа онынъ ичинден “огюз астындан бузав къыдыргъан киби” бир шейлер къыдырмакъ да келишкен иш дегильдир.

Гамбург ш.



Айдер Осман

БАЛАЛАР ЭВИ ЯНЫНДА

Икяе

Аязлы кыш геджесининъ тынчлыгыны балалар эвининъ азбарында къакъылып башлагъан чанънынъ сеси бозды: кимдир бирев, чам терегине асылгъан демир парчасыны шиддетнен дѣгмекте. Бу чанъ адетте, саба турмакъ, линейкагъа тизильмек я да ашкъа бармакъ керек олгъанда, къакъыла тургъан эди. Шимди исе яры гедже...



— Балалар, турынъыз, эрзакъ анбарымыз яна! — бу дженктен бир аягынынъ уджуны гъайып этип кельген къаравулымыз Къабул эмдженинъ телашлы сеси эди. О даима арбий урба кийип юре ве акъшамлары балаларны озюнинъ будкасы янында топлап, дженк акъкында меракълы вакъиалар икяе эте эди.

Башта уйкен группанынъ балалары чалып чыкътылар. Сонъ кучюклер де...

Акъикъатен де, бизим эрзакъ малларымыз — татлы къанфетлер, лезетли консервалар, эт, отъмек ве дигер емеклер сакълы тургъан анбарымыз шатырды-гудюрдинен янамакъта эди.

Къабул эмдже, таягына таянамакъларны унутып, о ян-бу ян секириклей, озюнинъ къарыкъ даушынен балаларгъа ашханеден савут-саба алып, хавуздан сув ташымакъларны эмир эте, айны заманда атешке пек якъын баргъан кичкенелерни багырыкълап къува эди.

Балаларнынъ кимиси къопкъанен, кимиси чайниккен, кимиси чанакънен сув ташып башлады. Къабул эмдже савутлардаки сувны шиддетнен атешке сепе ве турмадан балаларны ашыкътыра: "Дженкчилер, джесаретли олунъыз, биз оны енъермиз!" О балаларны опламакъ истегенде, олларгъа "дженкчилер", "разведкаджылар" — деп мураджаат эте эди.

Лякин атеш сув дегиль де, керосин сепилген киби, эп къуветленди. Артыкъ Къабул эмджеге атеш сѣндирмекки быракъып, балаларны къорчаламакънен огърашмакъ керек олды, чюнки чанакънен атешке сув тѣкеджек олгъан бир къызчыкъларнынъ сачлары туташты. Къабул эмдже оны аман ерге йыкъты ве башыны комъди.

— Кимсе атешке якъын кельмесин! — деп къычырды о телашлы

сеснен ве топаллай берип, янаяткъан анбарнынъ ичине чапып кирди. Бир къач дакъкъадан сонъ, о анбар ичинде къап-къара ве тюшкюн бир къияфетте къайтып чыкъты. Бу бир къач дакъкъа ичинде онынъ бутюн гъайрети, дженкявер руху атеште янып кеткен киби эди. О ёргъунлыкънен мердивен устуне отурды ве эллеринен юзюни къапатты. Бираздан сонъ, онынъ эллери арасындан: "Я рабби! Анда бир шей ёкъ!" деген богъукъ сес эшитильди. Къабул эмдже хайли вакъыт омузларыны салландырып, шатырдап янаяткъан атешке бакъып отурды. Янгъын энди оны меракъландырмай эди.

Уйкен группанынъ баллары бинанынъ янып биткен къысымыны козьден кечире ве анбарнынъ тыш диварындаки буюк бир деликки косьтерип, янгъыннынъ себебини бири-бирлерине анылаталар. "Бу немселернинъ якъван иши, — дей бириси. — Даа догърусы оларнынъ шпионлары келип бизим анбарымызны якътылар". "Самолётнен десант пошюрген олмалылар, — дей дигери эминликнен. — Эбет, олар бизим анбарымызны якъкъан сонъ, кене самолётларына минип, учып кеткендирлер". Кимдир анбар бетте насылдыр шытырдылар эшиткенини, анда насылдыр адамлар анылашылмагъан тильде лакъырды эткенлерини айтты. Даа сонъ исе, гедже къуршун сеслерини эшиткенлер де тапылды. Бойле лафлардан сонъ, балаларнынъ теляшы, къоркъусы даа зияде артты. Кучюклер шыншыкълап, агълап башладылар. Беш яшлар къарарындаки бир къызчыкъ бар сесинен анасыны чагъырды ве окюрип агълап йиберди. Уйкенлер озьлерининъ къоркъуларыны гизлеерек, кучюклерни тынчландыраджакъ олдылар.

Ниает, Къабул эмдже агъызындаки насыны тюкюрди ве яныкълы давушнен: "Булар немселер дегиль, балалар. Булар хырсызлар. Эр шейни алгъан сонъ, анбарны якъкъанлар. Къурсакълары патлагъайды, арамтамакъларнынъ", — деди.

Эки ат екилген арабанен атеш сёндириджилер кельгенде, саба ачылгъан, янгъын исе, озюнинъ къара ишини япып битирген эди. Анбар артыкъ янмай, тек тютей эди.

Танъда балалар эвининъ директоры, тербиеджилеримиз етип кельдилер. Олып кечкен вакъианы анылагъан сонъ, олар да теляшландылар. Тербиеджи къадылларнынъ козьлери яшланды.

Табий ки, шу куню балаларгъа сабалыкъ аш берильмедди. Директорымыз уйле ашы мытлакъ оладжагъыны айтып, бедеркасына минди ве къаякъкъадыр кетти.

Тербиеджилеримиз исе, директор къайтып кельгенинен аш бериледжегини айтып, бизлерни чешит оюнларнен эглендирмеге чалыштылар. Лякин бираз вакъыттан сонъ, энъ кучюклер "къарным ачыкъты" деп, шыншыкълап башладылар. Даа сонъ исе, оларгъа буюкчелери де къошулдылар. Тек уйкен группанынъ балалары сусмакъталар. Эбет, оларгъа агъламакъ ярашмай. Олар даим дженк оюнлары ойнай ве гизлден джебэге кетмеге азырлана эдилер.

Бизим уйлелик ашайджакъ вакътымыз олды, директор исе кельмей. Базы балалар, тербиеджилернинъ ясакъ эткенлерине бакъмадан, анбарымыздан къалгъан куль обасыны къарыштыра, бахтлылар ирип, къатып къалгъан шекер кесеклерини тапа, дигерлери исе, арт къапыдан балабан ёлгъа чапып чыкъа ве ёлдан арабалардан морковь, чукюндир я да согъан хырсызлай, эльде этильген шейлер, деръал болюштириле ве буюк бир иштианен ашкъазангъа ёлланыла.

Уйледен сонъ тербиеджилернинъ тырышувлары да, Къабул эмдженинъ Ладога озенини кечаяткъанда, машинасынен берабер буз астына далып кеткени акъкъындаки меракълы икяеси де кяр этмедди.

Къабул эмдже дженк акъкъында чокъ меракълы икяелер айтса да, озъ аягъыны насыл этип гъайып эткени акъкъында ич айтмай эди. Шимди исе балаларны башына топлап, буюк бир истекнен айтып башлады. "Мен дженкте шофёр эдим, — деп башлады о икяесини — Ладога голюнинъ бузу устюнден кечип, сарымда къалгъан Ленинградкъа эрзакъ ве сила ташый эдик. Бу сефер мен бош машинанен Ленинграддан къайта эдим. Тёпемизде немсе самолётлары вызылдап уча, этрафымызда бомбалар патлай, буз устюнде буюк деликлер пейда ола. Бир маальде меним машинам огюнде де бомба патлады. Буз устюнде асыл олгъан чукъурдан патлавнынъ тазыйыкъы алтында буюк сув багъанасы атылып чыкъты. Мен тормозларгъа бастым ве машинанынъ огге янтайып башлагъаныны дуйып, янымда отургъан къадынгъа: "Секир!" — деп багъырдым. Къадын кийик сес йиберип, джан-аляметинен манъа япышты. Бу аньде машина тайып, чукъур ичине тюшти ве бурнунен буз астына далып башлады. Мен кабинанынъ озъ тарафымдаки къапысыны ачтым ве къадынны итеп чыкъардым. Чыкъардым амма, артындан озюм чыкъып оламадым. Сол аягъым стартернынъ астындаки пружинагъа илишип къалгъан. Бар къуветимнен аягъымны чектим, пружина созулды, лякин аягъымны бошмады. Кабина ичине сув толды. Мен сув астында аягъымны бир къан кере даа чектим. Олмады. Чызманы чыкъармакъ керек, деп тюшюндим. Лякин бузлагъан пармакъларым манъа бойсунмадылар, бундан гъайры, тар кабина ичинде эгилип, чызманы тутмакъ ве чекмек пек мушкуль эди. Богъулып башлагъан вакъытта белимдеки пычагъымны чыкъардым ве сонъки къуветимнен аягъымнынъ уджуны кестим".

— Я о къадын не олды? О да къуртудылмы? — деп сорады бир къызчыкъ. Бу къызчыктынъ ленинградлы олгъаныны эпимиз биле эдик.

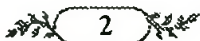
Къабул эмдже терен кокюс кечирди.

— Ёкъ, мен о къадынны бир даа корьмедим. О юклю эди. Юклю къадын ичюн бойле чапкъылып тургъан сув ичинде ялдамакъ, эбет, акъылгъа ятмагъан шей.

— Шай исе, ничюн сиз оны кабинадан итеп чыкъардынъыз? — деп багъырды банаки къызчыкъ. Дерсинъ, къадын кабинада къалгъан олса, ольмейджек эди. Къабул эмдже исе оны о ерден итеп чыкъаргъан.

— Къайдан билейим, балам, — деди Къабул эмдже ынърагъан киби сеснен. — Къайдан билейим! — О ири къолларынен башыны сыкъты. — Бельки, къуртулып къалыр белледим.

Къабул эмдженинъ икяеси буюклерни белли бир вакъыт сусмагъа меджбур этсе де, бойле лафлардан бир шей аныламагъан кучюклер кене шамата котерип башладылар. Башта бириси шыншыкълады, сонъ дигери къолтутты, бир къач дакъкъадан сонъ, Къабул эмдженинъ икяесинен пейда олгъан тынчлыкъ чешит сеслерден ибарет олгъан шаматанен денъишти. Кучюклер ойнамакъ да, динълемек де истейлер. Оларгъа аш керек, весселям. Олар тек бир шейни билелер-бизим эрзакъ амбарымыз ёкъ, демек, энди ач отураджакъмыз. Олар пек ач олгъанларындан дегиль, ачыкъ къоркъусындан агълай эдилер.



Бу куню базар эди. Балалар эвининъ эрзакъ анбары янгъанындан тек район меркезинде яшагъанлар дегиль, атта этраф къышлакълардан базаргъа кельген адамлар да хабардар олгъанлар.

Уйле авгъан сонъ, азбар къапъдан бир къартыйчик кирип кельди. О Къабул эмджеге бир дане джугара питеси беререк, "Балалар саба ашамагъан экенлер, аз олса да, улештиринъиз", — деди. Сонъ чонъ-къайып отурып, дуа окъуды ве шалынынъ уджунен козьлерини окъалай берип кетти. Бу арада, элине бардакъ туткъан, даа бир къартый кельди. О базаргъа къатыкъ сатмагъа кете экен. Бардагъыны биз кетирген къопкъагъа бошатып: "Аш олсун балаларым", — деди. Бундан сонъ, келиджилернинъ сайысы артты. Кимиси къуругъан меива кетире, кимиси — эки дане чукюндир, кимиси пенир, кимиси пите кетире. Сонъ-сонъуна олар о къадар чокълаштылар ки, адамлар невбетке турып башладылар. Къабул эмдже балаларнынъ ярдым этювлерине бакъмадан, шашмалап къалды. О емек кетиргенлерге тешекюр биле айтып етиштиралмай. Адамлар исе, онынъ тешекюрини беклемейлер. Балалар эви янындан бир сюрю ат ве эшек екильген арабалар пейда олдылар. Базаргъа кеткен де, базардан къайткъан да бу ерде токътап кече. Оларнынъ эр бири ашаладжакъ шей къалдырып кете. Кимдир бири бир торба богъдай узаткъан эди. Къабул эмдже алмайджакъ олды. О адам дарылды: "Мен буны санъа дегиль, балаларгъа берем, — деди. — Бу отъмек, оны эр анги вакъытта ашмакъ мумкюн". Къабул эмдже тезден эрзакъ кетириледжегини айтса да, о адам къайып олмады.

Директорымыз къайтып кельгенде, къапымыз огюнде невбетчилернинъ сафы тап ёлгъадже созулгъан эди. Адамлар оны таныймайып: "Невбетке турынынъыз, эр кеснинъ бир береджеги бар", — дедилер. Директорымыз, меселени анълагъан сонъ, озюни танытты ве адамларгъа бакъып: "Ярдымынынъыз ичюн сагъ олунъыз. Лякин энди керекмей. Шимди ашайт юкю машина келетяйр", — деди. Адамлар директорнынъ бу сёзюне къулакъ асмадылар. Эр кес элиндекисини теслим этмеге ашыкъа эди.

Акъшамгъа якъын эрзакъ юкю машина кельди. Шай исе де, адамларнынъ арды узюльмеди. Адамлар атта экинджи куню де кельдилер. Къабул эмдженинъ итиразына, анълатувына бакъмадан: "Бу бала ашыдыр. Балагъа пек файдалыдыр", — деп, бир де бир ашаладжакъ шей къалдырып кете бердилер. Оларнынъ ич бири, атта бизим мушкюль алымызнынъ там себебини бильгенлери биле, балалар эвининъ эрзакъ анбарларындаки маллар хырсызлангъаны акъкында лямим демедилер. Эр кес анбар янгъан экен, дей. Олар ойле истедилер.

Бу вакъиа узакъ ве агъыр къыркъ дёртюнджи йылда олып кечкен эди. О куню чешит адамлар кетирген ашларны ашагъан балалар бу вакъианы ве о адамларны бир заман унутмазлар.

Биз о куньлерде дженк кететякъаныны, эр ерде къытлыкъ экенини, бу адамлар озьлерининъ я да, озь балаларынынъ къысметини бизге беретякъаныны анъламай эдик.

Иыллар текерленди. Биз осип-буюдик. Мен балалар эвиндеки достларымнен сыкъ-сыкъ корюшем. Субетимиз неден башланса да, о куньге, о вакъыткъа барып ете. Биз ич бир заман, о аджайип адамларны хатырламайып дагъылмаймыз. Олар бизим къартбалаларымыз ве къартаналарымыз, ана ве бабаларымыз, апте ве агъаларымыз эдилер.

1967 с.

РЕГЛАН ПАЛЬТОЛЫ АДАМ

Икяе

О заманларда реглан пальто кийген адам сийрек расткеле ве зенгинлер несилинден эсап этиле эди. Бу адамны биринджи олып Сафет сечти. О мусафирхане къапасы огюндеки сачакъ астында тура, манълайына басып кийген, четлери кениш шляпасы астындан этрафкъа сувукъ ве мукъайт назар ташлай эди. О, бу ерде, ягъмурдан гизленген бир топ адам арасында да узун бою, джакълары ичине батып кеткен бем-безд, арыкъ юзю, къыргый буруны ве хусусан мод пальтосынен айырылып тура эди.

— Мен якълашайым. Минсе, артымдан келирсинъ, — деди Сафет янындаки яш йигитке. — Бир сызгырув — келебер, экиси исе... Умумен сигнал эскидже, о ягъыны озюнь билесинъ. Сермиясы да пальтосына коре олса, янъылмамыз. Тез абрармыз.

Талат Сафетнинъ бу иште айрыджа сезгирлиги олгъаныны ве онынъ элине тюшкен адам къолайлыкънен къуртулмагъаныны яхшы биле. Шимди о сачакъ астында тургъан без юзлю ве бойле белялы пальто кийген адамны аджыды. Кийин, иште, эль сырасы. Нэпманлар аля баш къалдырып тургъан заманнынъ не олгъаныны билесинъ де, я! Ёкъса, Сафеттен гизли шу заваллы адамны тенбилесинми? Энди кеч. Умумен, не динсиз адам бу Сафет дегенлери. Шорбаджы онъа энъ яхшы фазтонны ишана ве арабаджыларнынъ уйкени тайин эте. Эр кестен зияде де шу Сафет къазана. О козьлеген ёлджугъа башкъасынынъ якъынламагъа акъкъы ёкъ. Арабанъа минмек истесе биле, "адам беклейим, эфендим, афу этинъиз", — деп незакетнен ред этмелисинъ.

Талат, янъы арабаджылыкъ ялып башлагъанда, бир кере Сафетнинъ муштерисини алып кеткен ве бойле япмакънынъ неге мал олгъаныны пек яхшы анълагъан эди. Сафет оны отургъычтан шиддетнен чекип алды ве енгиль бир шей киби кенаргъа фырлатты. Башкъа арабаджылар онынъ аджемилигини ве оксюз оськенини айтып, зорнен къуртардылар. Эр кестен такъатлы, атик ве козьсиз олгъан ве арабаджылар арасында хан кесилген бу йигит, ери кельгенде, инсаниетли де ола биле: келирни такъсым эткенде, озюне башкъалардан азгъана чокъ ала, онынъ эли астында бирлешкен арабаджыларны къайгыра, кимисине паранен, кимисине танышлыкънен, керек олгъанда исе, къуветли юмрукъларынен де ярдым эте ве буны табийи сая эди. Талатны о тез бегенди. "Мен де оксюз осьтим, — деди о бир кере, экимиз бирмиз, демек истеген киби. — Ыргъатлыкъ. Эх-хей, къардаш, эгер мен ашагъан котеклерни сен ашагъан олсанъ, чокътан къуйругъын ерге тиер эди. Шорбаджы ойле дёге эди ки, огъуллары да, кимерде къызлары да джоша эдилер. Билесинъми, сонъ вакъытларда агъры дуймай эдим. Бахтыма, Пегас расткельди.

О манъа бабалыкъ япты. Биз башкъа зенааткъа авуштыкъ ве эм зенгин, эм сербест яшап башладыкъ. Сербестлик: ачмыз, чыпмакъмыз, лякин сербестмиз, деген йырны эшиткен эдинъми сен? Ёкъ? Эй, акъай, Пегас кельсе бир йырлармыз. Агъларсынъ. Биз бу йырны онынънен бир кере тюрьмеде йырлагъан эдик. Незаретчининъ козьлери торлангъан эди. "Вазгечинъ!" — деп ойле багъырды ки, аман агълайджакъ эди. О зенаат телюкели эди. Заваллы Пегас, шимди кимсин къайда юредир. Лякин къуртулгъанынен бу ерге келир. Артыкъ яныма алырым. О адетини ташлатырым".

Къабалыгъы ве джесюрлигинен нам къазангъан бу девсыфат йигитинъ яшлыгъы азаплар ве ашшаланувлар ичинде кечкенини, кимерде о пек мераметли ве муляйим олгъаныны тек Талят биле, кимерде о анасыны хатырлагъанда, окюрип-окюрип агълайджакъы келе эди. Онынъ энъ чокъ анъгъан адамы Пегас эди. Пегасны балаларнынъ ич бири корьмеген олса да, пек алидженап, "башындан аягынадже саф алтындан ясалгъан адам" олгъанына шубеленмей эдилер.

Сафет инатлангъанда, бир шейнинъ пешине тюшкенде, эм айнеджи тилькини, эм де гъаддар къашкъырны анъдыра эди. О адамларгъа сийрек илише, амма бирисине тузакъ къойса, илиндирмегендже токътамай. Шимди бир тарафта начар корьюнишли анавы реглан пальто кийген адам, дигер тарафта исе доландырыджылыкъта шейтангъа дерс берген яш ве къуветли Сафет тура. Талят къуветлернинъ тень олмагъаныны анълагъаны ичюн де анавы адамны аджыды. Лячаре, Сафетниң айткъаныны тутмакъ керек.

Сафет фазтонны еринден кочурди. Онынъ фазтоны шеэрде энъ яхшысы сайыла. Юргенде озю киби бир тюрлю сес чыкъармай, мешинлери янъы, отургъычлары кень ве йышмакъ, джыйма могодеги бар, истесень, башынъ устуне чеке билесинъ. Атлары исе даим ойнакълап туралар. Араба салмакънен саллана берип, мусафирхане къалысына якъынлады. Сачакъ астында тургъан адамлар дюльбер атларгъа, шаян гузель фазтонгъа бакъып къалдылар. Реглан пальтолы адам да башта саатине, сонъ арабагъа бакъты ве пальтосынынъ якъаларыны котерип, сачакъ астындан чыкъты. Сафет тельбевни чекти. Бир дакъкъадан сонъ, о адам артыкъ фазтонда отура, Таляткъа исе онынъ тек къара шляпасы корьуне эди. Сафет атларны айдаштыргъан олып "фио" деп сызгырды. Бу къабул этильген сигнал системасы боюнджа, "артымдан къалма", дегени эди. Талят бош арабаны оларнынъ артындан айдады. Эбет, шимди бир фаджиа зуур этеджек. О бу фаджиянынъ огюни алып оламагъанындан Сафетнен анавы адамнынъ бирден таныш чыкъмаларыны тасавур этти, "Я барып да, бу адам шу Пегас олып чыкъса, Сафет оны бир кереден танымагъан олса, о алда, бир тюрлю фаджиа олмаз, эр шей яхшы битер эди". Лякин Сафет арабаны эп айдай. О адам исе эп бир вазияте: омузларыны эгип, башыны къалдырып отура. Бир ерде токътап Сафет могодекни чекти — арабанынъ устю ортюльди. Бу арада о Таляткъа мемнюлликнен козь къымды. Демек, олар таныш чыкъмадылар ве о адам ичюн артыкъ къуртулыш ёкъ.

Атлар бир тегизде ёртып баралар. Оларнынъ сылакъ сыртларындан був котериле. Томалакълап багълангъан къуйрукълары балчыкъкъа былангъан. Вызнен айланаяткъан копчеклер астындан сычрагъан шинген балчыкъ арабанынъ астына урула бергенинден анда оба-оба балчыкъ саркъып къалгъан. Бешик киби йымшакъ салланып кетейткъан могодекли фазтоннынъ ичинде отургъан адам не ягъмурны, не де суклерни сызлатыджы ельни дуя. "Атлар ёрулдылар, бу эджнебий исе эп кезине. Барем, авасы келишикли олгъайды, — деп тюшюнди Талят. — Ягъмур козь ачырмай. Эбет, о ийыкъ ве йымшакъ ерде отура. Юзюнинъ не къаны бар, не де эти. Гедже корьсенъ къоркъаджакъсынъ. Верем олмапы. Тедавийленмеге кельгенлердендир".

Олар баягъы вакъыт шеэрни кездилер. Артыкъ кунъ къавушты. Меркез сокъакъларнынъ о ер, бу ерлеринде чыракълар янды. Сафет исе эп арабасыны айдай. Мына, ниает, о аралыкъкъа бурулды. Бу ёл шеэр четиндеки буюктен-буюк чёплик джарына алып бара. Онынъ

түбюнде оба-оба атешлер де түтеп, де алевленип ята. Түтеп тургъан бу джарны гедже корьген адамнынъ юреги артына чекеджеги, тиз чёкип ялвараджагъы белли.

Талят олардан юз адым къадар узакъта токътады. Якъынламагъа джесарет этмеди, мешум адалетсизликиннъ шааты олмакъ истемеди. Сафет бойле вакъытта аджымай. Вары-вариетини кенди истегинен теслим этсе, эбет, о адамгъа бир шей олмаз. Мына Сафет элине копчек анахтарыны алып ерге тюшти, арт отургъычнынъ ичине эгилди. Эбет, шимди о меселени буюк бир незакетнен анълатадыр. Сафет бир кереден тикленди, сонъ салпанды ве сес-солукъсыз янашадаки чамурлы чукъургъа юварланды. "Аягъы тайды, гъалиба?", — деп тюшонди башта Талят. Лякин о тура бермеген сонъ, арабасыны айдап кельди ве, керек олса, Сафет ичюн бир топар адамны дёгмеге азыр олып ерге тюшти. Сафет чукъурда баш ашагъы ята, о адам исе бу ишнинъ онъа бир тюрю алып-береджеги олмагъан киби первасыз тавурнен эп арабанынъ ичинде отура эди. Талят Сафетни котерип турсатты. О аякълары устюнде туруп оламады. "Бу пезевенкни таныйсынъызмы? — деди араба ичинде отургъан адам бекленильмеген къалын давушнен. — Чокъ ахмакъ эриф экен. Пальтомнынъ фиатыны сорады, сонъ чыкъарып бермемни истеди. "Адым Сафет, яхшылыкънен чыкъар", эмиш. Сонъ не олгъан? Меним адым Омар Хамза, лякин мен кимсени союндырмайым. Эм не кюстах эриф. Шакъаны да анъламай экен. Эки ченъгесини азачыкъ бир-бирине якъынлаштыргъан эдим, шу дакъкъада озюни бу чукъургъа атты ве я-аата!"

Талят бу адамнынъ кельмешек олмагъаныны ве насылдыр тылсымлы олгъаныны анълады. Сафет киби адамны бойле къолайлыкънен авдармакъ акъылгъа ятаджакъ шей дегиль. Талят Сафетни озь арабасына яткъызды. Сафетнинъ чырайы агъаргъан, агъызындан копюк акъа, сандыракълай, сытма туткъан киби къалтырай эди. Талят онъа сув ичирди. О бир кереден козьлерини ачкъанда исе, козь къара-чыкъларынынъ тёпеге кечкенлерини коръди.

Не япмалы? Эки арабанынъ бирисини де къалдырмакъ олмаз. Анавы худжур адам да анъылып тура, гъалиба, манъа да бир шакъа япмакъ ниети баргъа бенъзей. Талят чызмасынынъ къонучындаки пычакъны онъ енъининъ ичине гизлерек, арабадан тюшти.

— Айындымы? — Талят сескенди. Сафетнинъ арабасы янында пальтосынынъ кенъ якъасыны котерген банаки адам тура эди. Талят индемени. Пычакънынъ сапыны эйидже тутты. Ургъанынен четке чекилип. Эгер якъынласа, кене, урар. — Сен адай бер, — деди о адам сакин ве айны вакъытта кескин давушнен. Мен артынъдан буну айдап барырым. Къоркъма, ат-арабадан чакъам. Пычакъны исе ерине къой. Пычакънен шакъа олмаз.

Бойле вазиятте энъ келишлики ёл бу эди.

— Яхшы, — деди Талят ве озь арабасыны кери чевирип, дуракъкъа догъру айдады. Чюнки Сафетнинъ эви ёкъ ве о эски эм де бозукъ, копчеклери топракъкъа батып кеткен бир могедекли арабанынъ ичинде яшай ве онынъ яны арабалар дурагъы сайыла эди. Кельген сонъ банаки адам Сафетни "эви" не алып кирмеге ярдым этти ве джебинден пара чыкъарып беререк, "мытлакъ ракъы я да шарап ичир, кечер", — деди. Сонъ озю мусафирхане бетке кетти.

Талят аман ресторангъа чапты. Къапы огюнде тургъан швейцар кирсетмейджек олгъан эди. "Сафет ёллади", дегенинен деръал къапыны ачты. Шарап Сафетни тез айындырды. Козь бекелери де ерине кельдилер. О ахылдап-охулдап ичти, дюньяны сёгди, "козьлерим

огюнде бир чокъ отлы алкъалар учып юре, башым чатлайджакъ", деди ве бираздан юкълап къалды.

Сафет, вазииети енгиллешкен олса да, экинджи куню уйлегедже кыбырдамайып ятты. Дуракъкъа кельген арабаджылар бирер-экишер кирип, ал-хатыр сорап чыкътылар. О кимсенен лакъырды этмек истемей, бир озю къалып дюньки вакъианы талиль этеджек ола, лякин бир шей анълап оламай. О веремсыфат адамгъа якълашты, аджыгъаны ичюн бир кереден токъунмады. Незакетнен, "пальтоны ве кошелёкны гондюринъ, эфендим", деди. Чёплик чукъурыны косътерип, акс алда не оладжагъыны да пек ачыкъ анълатты. Сонъ не олды? Сонъ, о адам онынъ юзюни сыйпагъан киби олды. Ёкъ, сыкъты. Шу анъ козьлеринден атеш чакънады. Сонъ тюрпсиз джаргъа юварланды. Масхаралыкъ. О адамны мытлакъ кыдырып тапмакъ ве тазирини бермек керек. О бойле тюшонген арада арабанынъ къапысы гъыйкъылдап ачылды ве босагъада котен энген киби анавы адам лейда олды.

— Сонъ, къараман, кейфлер насыл? — деди о гуръ ве достане давушнен.

— Мен санъа коньяк ве пенир кетирдим. Эмин ол, бу экиси сени мытлакъ аякъкъа турсатыр.

— Эмин олунъ, мен аякъкъа турсам, сиз ерде серилип ятарсынъыз, — деди Сафет бу кюстах адамнынъ арыкъ ве къансыз юзюне бакъып. — Меним адым Сафет.

— Меним адым Омар Хамза. Эшитмединъми?

— Ёкъ, — деди Сафет. — Лякин сиз мени тезден эшитирсинъиз.

О адам къатып-сыкъылып кульди. Сонъ яшлангъан козьлерини силерек, "Омар Хамза Афгъанистан деген мемлекетнинъ сербест куреш боюнджа учъ дефа чемпионыдыр. Бу шеэрге исе дюнья чемпионы намы ичюн курешмеге кельди", деди.

Сафет шашып къалды. Сюфте кере бу адамны къаердедир корьгендай олгъан эди. Эбет, мусафирхане янында, дюнья чемпионатында иштирак этеджек пельванларнынъ ресимлери асылгъан афишада корьген, адамлар буларнынъ арасында энъ устасы ве къуветлиси Омар Хамзадыр деген эдилер. Ресимде о яры чыпкакъ, омузындан чекип багълангъан кыърмызы лентагъа бир сыра медаллер такъылгъан, бутюн вуджудундан кучъ-гъайрет ягъылып тургъан адамны хатырлады.

— Мен шакъа эттим, — деди Омар Хамза. — Сен исе керчек беллединъ. Тур энди, ичейик, къапынайыкъ.

Сафет еринден туруп отурды. Мусафир мешребелерге коньяк тёкти. Ичтилер. Сафетнинъ баш айланувы токътагъан, вуджуды енгиллешкен киби олды.

Бу акъшам Омар Хамза дуракътаки йигитлернинъ эписини пенир ве шараппен сыйлады. Оларнен таныш олды. Озюни танытты.

— Мен бу шеэрден кеткенде, сенинъ яшында эдим, — деди о Талаткъа бакъып. — Ыргъат чалыша эдим. Шорбаджым озюнен берабер Стамбулгъа алып кетти. Анда ишлеримиз башта яхшы эди. Сонъ чатлады. Шорбаджымны тюрьмеге къаладылар. Эгер Назмие олмагъан олса, дёрт тарафым кыйбла эди. Биз онынънен бир звде осыттык. О-эвде, мен-ахырда яшасам да, бири-биримизни севе эдик. Кышнынъ сувукъ геджелеринде звдекилерден гизлеп манъа даа бир ёргъан кетире, биз ян-янаша ятып бири-биримизге масал айта, я да аджайип келеджек акъкъында хаяллана эдик. Асылында бахт кыдырып, бахттан къачып кеткенмиз. Биз кеткен сонъ, дженк битти. Бу якъларда революция олгъан. Мен исе пара къазанаджакъ ве Назмиенинъ бабасыны къуртараджакъ олып шеэрлерни, мемлекетлерни кездим.

О мени мытпакъ беклейджегини ве пара талып бабасыны къртургъанымызнен эвленеждегимизни сейледи. Мен бир чокъ ишлерге кърпылдым. Ахыр-сонъу куреште токътадым... Паралы иш олгъаны ичюн, збет. Озь чекимде мемлекет чемпионы олгъан сонъ, керекли параны топпап Назмиенинъ бабасыны тюрьмеден къртурардым. Лякин: алчакъ кърарт, яхшысы анда гебергейди, кързыны зенгин бир адамгъа саткъан ве парасына кене насылдыр ишке къратылгъан. Мен Назмиени дърт йылдан сонъ, Афгъанистанда булдым. Кърбулда бир зенгин фабрикантынъ учюнджи кърадыны экен. Корюштик, къронуштыкъ ве кърачмагъа кърарар бердик. Шу гедже лек чокъ ягъмур ягъгъан эди. Ёлда Назмие тайып йыкърылды ве аягъыны кърырды. Мен баягъы вакърыйт оны котерип кеттим. Экинджи куню аягъы лек яман шишти ве йирин багълады. Экимге косътермеге меджбур олдым. Артымыздан кърдыдырув илан этильген экен. Эким бизге дуйдурмадан полициягъа адам ёллагъан. Эки полицияджы келип мени алып кетти. Шеър тышандаки бир тюрьмеге кърпадаылар. Эки йылгъадже "ош колегим" деген адам олмады... Эки йылдан сонъ кене кельдим. Назмие акъ-сакъланып юре, хасталангъан, лек ярамай окъюре, кимерде къран тюкюре эди. Фабрикант мени корип айретленмеди. "Бабасына берген парамны кърайтар, сонъ сакърат севгилини алып кетебер", деди. Мен кене курешип башладым. Озь чекимде шу мемлекетнинъ учъ дефа чемпионы олдым. Баягъы пара топпадым. Онынъ бир кърысымы Назмиенинъ деваланувына кетти. Бу чемпионатта да еньсем, етеджек. Сонъ курешни де, эр шейни де быракърыйп, Назмиенен бу ерге келеджекмиз.

— Келинъиз, баш устюне, — деп багърырды Сафет, дерсинъ, олар онынъ бу джарты араба эвине келеджеклер.

— Келинъиз, — деди Талат зеджаннен, — биз ярдым этермиз. Меним къртанам бар. Бизде тура билесинъиз. Эвимиз бол.

— Сизинъ звинъиз лек тарашлыкъ, — деп итираз этти онъа кесментик арабаджы. — Бизим азбарда бир эв бошады: эки ода ве бир софа. Азбар исе умумий, анда йигирми дърт къроранта яшай. Эписи агъа-кърардаш киби. Мен айтырым, о звни кирагъа бермей турарлар.

— Шорбаджынен озюм лакърды этерим. Бу къралай меселе. Мен айтсам — тапар, — деди Сафет эминликнен. — Сиз тек келинъиз.

Бу адамны о эр кестен коре озюне якърын сая онъа яхшылыкъ япмакъ укъркърыны да эр кестен озюнде зияде эсап эте эди.

— Мен о звни эр алда кирагъа бердиртмем...

— Мен эр итималгъа къраршы битама айтырым, бельки, биринджи вакърыйтларда бизде турарсынъыз...

— Сагъ олунъыз тувгъанларым. — Омар Хамзанынъ козьлери торланды. — Озь еримизде, озъ халкърымыз арасында хорланмамыз, збет. Мында зенгинлернинъ тельбевини чеккенлер. Фукърарени котергенлер. Не кърадар яхшы олгъан. Анда парасы бар — инсан, парасы ёкъ — не истесенъ шу.

Омар Хамза янъы достларынынъ эллерини самимий сыкъраракъ, озю курешеджек кунълерде бешер билет кетирип береджегини айтты. "Мен курешкенде, сиз залда булунсанъыз, манъа кърувет олур", — деди кулип.

Сербест куреш боюнджа дюнья чемпионатында курешчилер де, сейирджилер де лек чокъ эдилер. Омар Хамза айткъраныны япа, озю курешеджек кунълери сабадан дуракъркъа беш билет алып келе, йигитлер невбет-невбет бара эдилер.

Тек бир Сафет невбеттен тыш эр сефер бара. Омар Хамзанынъ

джесюрлиги, къувети ве даа бир чокъ дегерликлери турмадан тариф олуна, арабаджы йигитлер исе онынъ башкъаларгъа даа белли олмагъан дегерини — онынъ инсаниетлигини биле, онынъ бахты — яресине де, ватанына да, халкъына къавушаджагъы мына шу курешнинъ нетиджесине багъыне олгъаныны анълап, онъа джан-юреклеринден енъиш ве тек енъиш истей эдилер.

Бугунъ Омар Хамза инглиз чемпионынен куреше. О мускул къатмерлеринден ибарет олгъан къуветли вуджудыны бираз эгип, ракъибине догъру юрюш эте, узун ве къалын къолларынен оны чар-чабик тута, деръал, усул къуллаана. Бу онынъ сонъки куреши. Енъсе — чемпион оладжакъ. Онынъ ичюн де бугунъ курешке бутюн арабаджылар кельди ве залнынъ огъ сыраларындан ер аддылар.

Шишман инглиз курешчиси артыкъ пышнап-уфулдап башлады. Омар Хамза даа тазе корюне. Арекетлери къатий ве кескин. Бир кере инглиз курешчиси усул къуллаангъанда, олар берабер омузлары устуне иыкъландылар. Курешчилернинъ эр бир арекетини буюк дикъкъатнен инджелеп отургъан Сафет Омар Хамзанынъ озю шу анъ бир тюрюлю олгъаныны сезди. Онынъ шай да безз юзюнде азапланув бельгиси пейда олды. О артыкъ къаршылыкъ косьтермей, агъыр-агъыр арекет эте, о ян-бу ян салланып аякълары устюнде зорнен тура эди. Шишман курешчи буны дуйды ве онынъ сагъ омузына баса-рактъ, сагъ элини кескин чекти. Сафет богъукъ бир ынъылты эшитти. Омар Хамзанынъ юзю артыкъ безз чаршаф киби эди. Шишман исе, дерсинъ, оны къатламакъ, джумарламакъ ве эзип ташламакъ истеген киби ачувнен сильтей, чеке, котерип ташлай. Омар Хамза исе къол-аягъы багълангъан киби зорнен къыбырдай, сагъ эли аркъан киби арекетсиз салынгъан, юзю когерген эди. Бирден шишман оны чувал киби котерип алды. Бу анъ Сафетнинъ козьлери Омар Хамзанынъ козьлеринен расткелишти. Сафет иылдырым вызынен санагъа атылып чыкълты ве шишман курешчиге япышты. Дигер якътан Талят етишти. Залда булунгъан арабаджылар ерлеринден алып кочтылер. Омар Хамза ерде серилип ята, Къансыз юзю агърылардан бурюшкен. О, устуне эгильген Сафетке, "сагъ олунъыз!" — деп пысырдады ве эсини джойды.

Хастаханеде Омар Хамзанынъ сагъ омузы чыкълкъаны ве сагъ эли билегинден сынгъаны тайин этиле. Экинджи куню газеталарда белли афган курешчиси Омар Хамза агъыр яралангъанындан себеп, чемпионатта иштирак этмейджеги илян олуна.

Бир къач кунъден берли арды кесильмеден ягъаяткъан ягъмур ер-кокни сылатты. Эр шейге кок ренк берди. Адамларнынъ кейфлерине кедер къатты. Эр шейни джансыкъыджы япты.

— Токътагъайды бареме, — деди кесментик йигит.

— Токътамаса, Омар агъанынъ самолёты бугунъ де учмаз, — деди Талят.

Сафет индемеди. О Пегаснынъ ольгенини эшиткен сонъ пек аз лакъырды эте. Пегасны тюрьмеден къачаяткъанда, къуршунлагъанлар. Онынъ янында тек Сафетнинъ адреси бар экен. Иште, буны онъа бильдирип мектюп язгъанлар. Мектюп арабаджылардан бирининъ элине тюшкендже бу шеърни узакъ долангъан. Сафет достунынъ олжуми ичюн учъ айдан сонъ матем тутмакъта эди.

Йигитлер сым-сылакъ олгъанларына ве сувукътан дыр-дыр къалтырайткъанларына бакъмадан, учуш майданынынъ чилтерлери янындан кетмедилер. Олар учъ кунъден берли бу ерге Омар Хамзаны озгъармакъ ичюн келелер. Онъа айтаджакъ сёзлери бар. Олар ча-

ресини таптылар. Эр шей енгиль битеджек. Топлашып, Сталинге мек-түп яздажакълар. Эр шейни кереги киби аңлатырлар. О анавы фаб-риканткъа акъыл къояр. Назмиени къуртартырыр. Омар агъа озюни сыкъмаса олгъаны. Бу оладжакъ шей.

Учуш мейданына шаматанен "аджеле ярдым" машинасы кечти. О узакъта, ягъмур йиплеринен сарылып тургъан бир самолёт янына барып токътады. Машина ичинден къара пальто ве къара шляпа кий-ген адам чыкъты. О де самолёткъа, де йигитлерге бакъып турды. Сонъ бир даа машинанынъ ичине кирди. "Аджеле ярдым" йигитлер тургъан пармакълыкънынъ янына кельгенде, кескин тормоз берип токътады.

— Йигитлер, мен даа келирим! — деген богъукъ сес эшитильди.

Машинанынъ тар пенджересинден Омар Хамзанынъ къансыз козю корюнди. Машина ичинде онынъ къоллары байлы экенини ким-се абайламады. Шофёрнынъ янында отургъан мешин плащлы адам йигитлерге серт-серт бакъты. Машина кескин бурулып кене самолёт бетке кетти.

Йигитлер бири-бирлерине сыйыкъып, самолёт учып кеткендже бакъып турдылар.

1974 с.

ШАХ ЭСЕР

Икяе

Нури биревлернинъ эсерлери акъкъында айтмагъа севмей. Озъ эсерлери акъкъында айтылгъан фикирлерни де лякъайдлыкънен къа-бул эте. Лафнен ресим чызылмай. Лаф лафлыгъынен къала, акъыкий санат эсери исе-эгер онъа яшамакъ къысмет олса, озъ омюринен яшай. Оны эр ким озюндже аңлай ве къабул эте. Энъ муими, япылгъан эсер яшамакъ ве адамларгъа тесир этмек керек. Санат эсери акъкъ-ында саатлернен айтмакъ мумкюн, лякин бундан о яхшы да олмаз, яман да олмаз. Яхшы ресим телькынге мухтадж олмай. О озю ичюн озю айта. Лякин Нури бу фикирини де кимсеге айтмай. Кимерде санатшынаслар онынъ ресимлерини тамамиле башкъаджа аңлата-лар. Бойле вакъытларда Нури музакереге къошула ве бир къач сёз-нен макъсадыны аңлата.

Мына бу ресими де музакереде бир чокъ, бири-бирине къапа-къаршы фикирлер догъурды. Биревлер оны кокке котерип макътай-лар, биревлер исе, "аджемилик, арткъа чекилюв", деп тенкъид этелер. Энъ муими, Гульшен ресимни бегенди. Нури Гульшеннинъ фикир-нен эсаплаша. Чызгъан эр бир ресимининъ о бегенмесини истей. Онъа Гульшен бегенсе олгъаны.

Гульшен "Рессам" джемиетине медениет институтынынъ санат-шынаслыкъ факультетини битирген сонъ кельди. Онынъ келюви бутюн рессамлар джемиети коллективини аст-устъ этти. Базы яшлар деръал "зенаат" усулыны къулладжакъ олдылар. Хусусан Ибраим Кемал зияде-гъайрет этти. О Гульшенге "бир ресим япмакъ истейим, манъа ильхам багъышланъыз", деп ялварды. Лякин Гульшен кесен-кес ред этти.

— Сизинъ агъызынъыздан ракъы сасыгъы кельмеген такъдирде

биле, беш дакыкъя кършыныызда турып олмаз эдим, — деди.

Лякин Ибраим чекильмеди. Тек усулыны денъиштирди. Музакерлерде Гульшеннинъ фикирлерини, кимерде исе онынъ озюни кыызгынлыкънен макътай. Лаф арасында "биз Гульшен Джаферовнанен тюшюнип бакътыкъ, бу эсерни башкъа тюрлю анъламакъ керек", деп ташлай.

Бугунъ де о, Гульшен сёзге чыкъмагъандже, индемей отурды. Нурининъ шартлы оларакъ "Ялыда" деп адландырылгъан ресими шаматалы тенкъидкъа огъратылды. Мунакъашалар энъ кыызгын вакъытта Гульшен сёз алды. Рессамлар, атта директор Хадит Назарович биле, Гульшеннинъ фикирине къулакъ аса ве о эр анги музакерининъ догърулышыны, рухуны денъиштире биледжегини анълай эдилер.

Нури Гульшенге сёз берильгенинен отургъан еринде бир кыбырдап алды. Мийине "бегенмегендир", деген фикир келип-кечти, юрегинде бир хошнутсызлыкъ дуйды.

Гульшен сес-шамата ятышмасыны беклеп бираз индемей турды ве Нурини даима зеджанландыргъан, къалынджа, кокрек сесинен сёйленип башлады.

— Нури Бакъиевичнинъ "Ялыда" деп адландырылгъан эсери акъкъында чешит фикирлер айтылды. Оларнынъ базыларына къошулмакъ, базыларына исе къошулмамакъ мумкюн. Айдынъыз, даа бир кере ресимге бакъайыкъ.

Эр кес залнынъ тёрюнде, сана ортасына ерлештирилген буюк полотногъа бакъты. Анда къоджаман денъизнинъ къутургъан далгъалары кокке чапкъылгъанлар. Буюк ве къап-къара бир далгъанынъ устюнде батаджакъ олып тургъан геми корюне. Онынъ устюнде адамлар имдат истеп къол саллайлар. Полотнонынъ ашасында, сагъ кошесинде, шиддетли далгъаларны уруп къайтаргъан эйбетли къаялар устюнде йигит ве кыыз тура. Олар анда, къара далгъалар ичинде зуур этеяткъан фаджиадан хаберсиз, бири-бирине бакъып къалгъанлар. Кыыз эллерини кокюсине къойгъан ве йигит тарафкъа бираз эгильген. Йигитнинъ эллери исе кыызгъа узатылгъанлар.

— Автор не демек истей?

Залдакилер кене Гульшенге бакътылар.

— Автор демек истей ки, севги эр анги вазиятте, эр анги шарайта яшай. Бельки бир ерлерде дженк ола ве адамлар оледирлер, бир ерлерде фелякетлер, фаджиапар юзь бере ве кене адамлар къурбан оладырлар. Лякин севги бир заман ольмей. Севги бир заман, бир анъ яшамакътан токътамай. Мына бу ресимде де ойле. Дешетли далгъалар арасында мешум бир фаджиа юзь бермекте. Анда адамлар бельки оледжеклер. Ялыда исе севишкенлер корюшелер. Олар фаджиа-ны коръмейлер. Автор севгининъ къудретини къуветлендирмек ичюн оны фаджиа фонында тасвирлеген. Севги бар экеч, аят бар. Севги эр анги фаджиа-ны, эр анги олюмни енъе. Севги бакъий. Мендже, Нури Бакъиевичнинъ бу ресимини бойле анъламакъ керек. Занымджа, автор огюне конкрет бир макъсад къойгъан ве онъа ирген. Бу эсерни мен санатымызда янылыкъ деп билем ве онынъ экинджи кварталда оладжакъ сергиге къойылмасыны теклиф этем.

Нури зеджанланды. Гульшен онынъ фикирлерини о къадар там ве ачыкъ анълатты ки, эгер озюнден сорагъан олсалар бу къадар айтып оламаз эди.

Меджлисининъ экинджи ярысында Нурининъ ресими макъталды ве сергиге къабул олунды.

— Хайырлайым акъай, — деди Ибраим Кемал тоглашувдан сонъ Нурининъ элини тутып. — Бизим Гульшен чокъ ферасетли къыз. Корьдинъми, меджлисни насып чевирди. Доъру япты. Мынавы къабакъ-башларгъа акъыл къойды. "Пессимизм, къара ренк, тюшкюнлюк" эмиш. Ух, кёрлар! Къара ренкнинъ астындаки ярыкълыкъны, истикъ-балъ къыгъылчымларыны корип оламайлар.

Ибраим онъа деми меджлисте айтылгъан фикирлерни бираз къаба шекильде текрарламакъта эди. Бу арада оларнынъ янындан Халит Назаровичнинъ кечип кететкъаныны корьген Ибраим: "Бугунъ пек аджайип, пек медений музакере олды!" — деп багъырды.

Нури чырайыны сытты. Халит Назарович исе баягъы кеткен сонъ артына айланып къарыкъ сеснен: "Энди шу-шулашып лафны чубалта берменъиз, — деди. Сонъ Нуриге бакъып иляве этти: — Бир тюрлю "юув-муув" олмасын. Анъладынъызмы?"

Нури анъладыкъ манасында башыны саппады.

Софанынъ о башында пальтосыны ве шляпасыны кийген Гульшен корьонди.

— Сиз къайтасынъызмы? — деп багъырды Ибраим ве: — Мен шимди, — деп кийинмек ичюн чапып кетти.

— Хайырлайым, Нури агъа, — деди Гульшен онынъ янына келип. — Мен тюшкюнгенимни, корьгенимни айттым.

— Эр вакъыт ойле япасынъызмы?

— Эр вакъыт.

— Я козьнен корьмек мумкюн олмагъан шейлерни насып анълай-сынъыз?

Гульшен къызарды, кулюмсиреди.

— Оны да анълайым. Дуйып, сезип анълайым, .

— Гульшен, мен къаба ве къарт бир адам дегитимми?

— Ёкъ. Не ичюн бойле сорайсынъыз?

— Сизни корьгенде манъа ойле келе.

Нури айткъанынен пешман этти. Эали-баркълы бир адам яш къызгъа бойле лаф айтырмы?

Гульшен онъа бакъып къалды. Дудакълары недир айтмакъ истеген киби кельдилер. Бу вакъытта Ибраим кельди ве деръал лаф къошты.

— Гульшен, сиз бу адамнынъ лафларына чокъ къулакъ асманъыз. Даа севги изъар этип етиштирмедими? Чокъ яхшы. Айсе кеттик.

Олар кеттилер. Ибраим Гульшеннинъ тирсегинден тутаджакъ олгъан эди, къыз чекильди ве артына айланып Нуриге:

— Сизинъ бир эксиклигинъиз бар: пек индемеъ адамсынъыз, — деди.

Нури эвине кельген сонъ не ишлейджегини бильмейип, баягъы вакъыт телевизоргъа бакъып отурды. Азербайджан йырджысы "Сурея" деген тюркюни азербайджан ве рус тиллеринде йырлай. О исе Гульшен акъкъында тюшюне. Озюнден баягъы яш олгъан къыз акъкъында не тюшюне биле. Иште оны эр кес эвли деп биле. Апайынынъ чокътан кеткенини кимсеге айтмады. Бунъа аджет де ёкъ. Бельки даа къайтып да келир. Я кельмесе?.. Гульшен! Оны насып этип мийинден чыкъармакъ керек? Иште, кельди ве кельгенинен Нурининъ мийи ичине кирип алды. О даима онынънен берабер юре, оны такъип эте. Къафасыны ёра, вуджудыны эзгелей, лякин кетмей. Башкъа бирисини тапмакъ керек. Бирден кельген бу фикир Нурини къоркъузды. Эгер башкъа бирисини, яшы келишкен олгъаныны тапса, Гульшен-

ни унутыр. Ич олмадым, онынъ акъкъындаки фикирлерден къуртулып. Эм керчектен де, апайы къайтып кельмейджек олса, хаберини бильдирсин. О вакъытта истегени киби иш корер.

Нури акъшам апайына мектюп язды. Меселени кесен-кес къойды. Эки афтадан сонъ апайы яшагъан районнынъ загс болюгинден айырылышув акъкъында къагъыт кельди. Нури озь районунынъ загс болюгине барып, бу къагъытны ресмийлештирди. Барсын, шай олсун. Чекишип яшагъандан коре, вакъыт бар экенде айырылышкъанлары яхшы. Апайы да озюне лаякъатыны тапар. Эбет, озю де пайнозю къалмаз.

Нури ильки вакъытларда озюне эш къыдырып таныш-билиш къызларгъа козь этти. Базыларына агъыз арап бир шейлер айтты биле. Лякин озь эвинде, апайы оларакъ оларнынъ ич бирини тасавур этип оламады. Тасавур эткени киби Гульшен келип чыкъа ве эр шейни боза. Нури озь тошюнджелеринден озю ёрулды. Ниает, биревден къуртулмакъ ичюн биревге эвленмекнинъ ахмакълыкъ экенини анълады ве озюне апай араштырувдан вазгечти, ишке берильди. Янъы ресим чызды. Оны кечирмек ичюн Гульшенге даа пек гъайрет этмек керек олур. О Гульшеннинъ бу ресим акъкъында нелер айта биледжегини тошюнди. Тапыштырып оламады. Буны тек Гульшен озю биле.

— Напасынъ акъай? Янъы бир шейлер къаралайсынъмы?

Бу Ибраим эди.

— Қъараладырсынъ, эбет. Косьтермейсинъ де, айтмайсынъ да. Эр шейни сыр тутасынъ.

— Азыр олмагъан шейни насып этип косьтерейим?

О, бу йигитнинъ элемини бегенмеди. Ибраим вакъты иле истидатлы рессам оларакъ нам къазангъан, атта озюнинъ шахсий сергисини тешкиль эткен эди. О вакъытларда оны "яш фырчы устасы" деп макътагъан эдилер. Лякин бир кере онынъ ресими кескин тенкьидже огърады. Бундан сонъ о эсерлерини музакереге къоймай ве сыкъ-сыкъ иче эди.

— Баш кутъмесе Ибраим, — деди Нури. Бу огълан энди онынъ зытына токъунып башлагъан эди. — Чызам. Кетиргенде корерсинъ.

Қапыда Гульшен корюнди. Нурининъ беденинден электрик токи кечкен киби олды. Озь-озюне ачувланды ве сувукълыкънен сепялашты.

— Кедер этмедимми?

Онынъ ерине Ибраим джевапланды.

— Буюрынъ Гульшен ханым. Биз Нури эфендинен онынъ янъы эсерини музакере этемиз. Чыза экен. Энди бутюн умюти сизден. Даа бир кере джошсанъыз, бусы да кечер.

— Джошмакъ ичюн башта бир джоштургъан менбаа олмакъ керек, — деди Гульшен джиддий тавурнен. — Джоштургъан эсер олса джошарым.

— Мен исе Гульшен ханым, джошуп оламайым. Учъ йылдыр ки, джошуп оламайым. Менбаа яни илъхам менбаасы ёкъ. Сиз мени джоштурсанъыз, яни рухландырсанъыз шедевр чызарым. Валлаи чызарым.

— Ёкъ. Мен сизни джоштурып оламам. Озюнъизге илъхам менбаасыны исе башкъасындан аранъыз.

Ибраим не дейджегини бильмейип бойнуны ышкъалады. Сигар якъты ве ода ичинде о ян-бу ян юрип башлады.

— Нури агъа, янъы бир шей башладынъызмы? Пек меракълы

олур эди. Умумен, сизинъ эсерлеринъиз меракълы ола, — деди Гульшен.

— Энъ муими — Гульшенни джоштура, — деди Ибраим ве ичиндеки тютюнни уфурип чыкъаргъан сонъ сёзюне девам этти. — Меним де башымда бир сюжет долана, эм чокътан долана. Насып этер де оны холсткъа кечиирсинъ. Эгер сиз, Гульшен, мени бир керечик рухландырсанъыз, чызарым! Валлаи чызарым. Чюнки сиз...

— Бир лафны чайнай берсенъиз, дамы къачар, — деп чырайыны сытты Гульшен. Сонъ кене Нуриге юзленди: — Керчектен чызасынъызмы, тезден битеджекми?

— Тезден. Лякин кене худжур бир шей опып чыкъаята. Умумен, кетирген сонъ корерсинъиз.

Гульшен Нурининъ кейфи олмагъаныны дуйса керек, "эбет, эбет", деп чыкъып кетти.

— Якъа туттырмай, — деди Ибраим Гульшен кеткен сонъ. — Аман дызман къыз. О якъындан якълашам, бу якъындан якълашам — якъын алмай. Зарары ёкъ. Бунъа вакъыт керек.

Нури бу кюстах йигитнинъ юзюне бир шамар яндырмакътан озюни зорнен тутты. Эбет, онынъ не иши бар? Ибраим яш ве энъ муими, бекяр. Бельки эвленирлер. Бу фикирден онынъ ауджуды буз-бузлады, башы айланды. Гульшенге башкъасы эвлениджек. Насып дешет!

О Ибраимнинъ козьлерине тикилип бакъты. Айнеджиликнен биревни масхара этер киби къысылгъан бу козьлер онъа, "Индемейсинъ амма ичинъдекини билем", дер киби бакъмакъта эдилер.

— Сен онъа айнеджиликнен бакъасынъ, ильхамландырмасыны талап этесинъ. Бойле олмаш, — деди Нури къуру даушнен. Бу даушда, бу сёзлер де онынъки дегил эдилер. О шимди бу йигитке башкъа сёзлер айтмакъ истей эди.

— Я насып олур?

— Не насып олур?

— Насып япмакъ керек? Огретсе акъай. Сенде теджрибе буюк. Пайлаш.

Нури мыскъылнен къысылгъан кюстах козьлерге нефретнен бакъты. Ибраим тек козьлеринен кульмекте эди.

— Башымыны кутъме. Устазлыккъа башкъасыны тап.

Ибраим йылмайды ве дудакъларыны джыйыштырмадан къапы янына кельди. О къапыны япаяткъанда биле дудакълары аля даа йылгъан, сарышын тишлери агъарып корюне эдилер.

"Не ичюн куле? — деп тюшюнди Нури. — Мени кулеми? Бельки оларнынъ арасында энди бир шейлер опып кечкен ве о манъа: "Кеч къалдынъ аджеми", деп куледир?"

Нурининъ башы агъырып башлады. Эр вакъыт ойле ола, эеджанланса я да тарсыкъса. Бу кягъытлар шишип къалгъайдылар. Рессам адамгъа бу къадар язы язмакъ неге керек? План-бюджет болюгине кирип Меръем аптеден бир анальгин истесе, бельки енгиллешир эди. Бираздан онынъ джакълары, бутюн тишлери, къулакълары агъырып башлады. Не япмалы? О агъыр адымларнен план-бюджет болюгине кирди.

Гульшен Меръем аптенен лаф этип отура экен.

— Лаф севмей, амма иш севе... — деди Меръем апте ве къапыда Нурини коръгенинен лафны чевирди: — Кель, Нури, кир. Не олды? Чырайынъ къачыкъ. Кене ярамадынъмы?

— Башым, — деди Нури терен кокус кечирип. — Чатлайджакъ. Меръем апте деръал илядж берди.

— Ана, графинден сүв төк де ич. Бираздан токтар.
Гульшен атылып туруп, графинден стаканга сүв текти ве Нуриге узатты.

— Кейфинъиз олмаса къайтынъыз, — деди о Нури иляджны ичкен сонъ. — Барып ятынъыз.

Бу муляйым сес оны элеслендирди.

— Эбет, ятмасам олмаз.

— Яхшы этип оранып ят. Эм сигар иче берме. Сигар сизинъ баш белянъыз, — деди Меръем апте аналарджа мераметликнен.

Нури акъшам устю эвде чалышты. Баш агърысы кечти. Озюни энгил дую ве ашыкъмайып, башлагъан ресимини битире эди. Эм чыза, эм Гульшен акъкъында тюшюне. Онынъ акъкъында не тюшюнеджегини бильмейип, хаялында Гульшеннинъ еринден атылып тургъаныны, стаканга сүв къойып бергенини ве: “Кейфинъиз олмаса, къайтынъыз. Барып ятынъыз” деген сёзлерини дефаларджа текрарлады. Текрарлагъаны сайын бу сёзлерининъ, бу арекетнинъ янъы тафсилатларыны кешф этти.

Гедже ярым олгъанда ресим битти. Артыкъ онъа бир чызыкъ биле къошмайджакъ. Япаджагъыны япты. Мольбертни оданынъ энъ узакъ кошесине къойып, ресимге узакътан бакъты. Кене къап-къара олып корюне. Бир топ адам, даа догърусы бир топ баш къаранлыкъ ичинден бакъып тура. Оларнынъ юзьлери кедерли, козьлери яныкълы. Этраф зифт къаранлыкъ, ягъмур къуюп ягъа. Яныкълы козьлер исе ягъмур йиплери ве тамчылары арасындан эп бир нокътага бакъып къалгъанлар.

Нурининъ бу ресими, беклегени киби, къызгъын музакереге сепчи олды.

— Ожюрни бойле къара ренкте коръмек ве тасвирлемек земане рессамина ярашмаз, — деди Халит Назарович. — Сиз не, Нури Бакъиевич, ресимлеринъизни къара козьлюк такъып чызасынъызмы шу? Эсерлеринъизде кунеш, ярыкълыкъ корюнмей. Ёкъса, сиз де пессимизмге урундынъызмы? Сиз, Гульшен Джаферовна, санатшынас алим оларакъ, бу ресимни насыл анълайсынъыз?

Гульшеннинъ чырайы агъаргъан, дудакълары сыкъылгъан. Ашыкъмайып еринден турды.

— Ресимде тасвирленген адамларнынъ эписи эркеклер. Гедже маали олгъаны ичюн эписининъ урбасы къара. Олар насылдыр бекленилмеген бир фаджианынъ устюнден чыкъкъан олмалылар ки, бойле дешетнен бакъып къалгъанлар...

Нуринен Гульшеннинъ назарлары чатышты. Нури онынъ бакъышыны имдат истеген манада анълап, деръал еринден турды ве изинсиз сёз башлады.

— Бир группа эркек, — деди о ресимге бакъып. — Олар эвлери не къайталар. Къаякътан олгъаныны бильмейим. Бельки бир сеферден, бельки де дешектендик. Къайтып кельген сонъ оларнынъ оглеринде дешетли бир манзара пейда ола. Оларнынъ тувгъан койлери, юртлары ёкъ. Олар бири-бирлерине сыйыкъып, эвель кой олгъан ерге бакъып туралар.

— Я ягъмурнынъ, зифт къаранлыкънынъ не кереги бар? Буны кунеш парылдап тургъан вакъытта да тасвирлемек мумкюн эди де?

— Оларнен берабер ана табият яныкълай. Кок козяшыны төке.

Ресимнинъ музакереси битмей къалды. Бунъа Нурининъ джаны агъырмады. Керчектен де, сонъки вакъытларда даима яныкълы шейлер чызып башлады. Бельки айдынлыкъкъа чыкъмакъ, чечеклер ач-

кѡан, кунеш нурына чомгѡан дюльбер табиаат манзараларыны чызмакъ вакъты кельгендир?

— Мен тенкъидден айт хуляса чыкъардым. Энди табиаат кѡйнуна бир сефер япмакъ истейим, — деди о бир кере Гульшенге. — Энди ресимлеримнинь ренкини денъиштиреджегим. Кѡуванч ве шадлыкъ йырджысына чевириледжегим.

— Чокътан бойле япмакъ керек эдинъыз. — деди Гульшен. — Ода ичинде о ян-бу ян юрип, сюжет араштырувнен иш битмез. Ресамнынъ, санаткъарнынъ биринджи менбаи табиаат.

— Бельки манъа да бир менбаа керектир?

Гульшен онъа “ялт” этип бакъты. Нури озю бильмеген алда Ибраимнинъ сѡзлерини текрарлагъаныны анълап сыкъылды. Пачавра. Сюмсюкленмеге не бар? Сенинъ агъыз кѡашыгъынъ олмагъаны апачыкъ корюнип тура да!

— Истесенъыз, мен де сизнен барайым, — деди Гульшен.

Нури шашмалагъанындан, “ѣкъ, ѣкъ, озюм барырым”, деп итираз этти. Сонъ бирден не айткъаныны анълап, “эбет, эбет, пек яхшы олур эди”, деп сомурданды.

— Лафларынъызнынъ кѡайсы бирине ишанмалы? Башта айткъанларынъызгъама, ѣкъса сонъундан айткъанынъызгъама?

Нури озюни эльге алды ве ачыкъ лаф этип, эр шейни анълатмагъа кѡарар берди.

— Мына шимди айтаджакъларыма ишанынъыз, — деди кѡатий давушнен.

— Айса айтынъ. Динълейим.

— Мен сизге... бельки “севем” дерим. Даа чокъ шейлер айтып башынъызны айландырырым. Лякин сиз ишанманъыз, ѣкъ, теслим олманъыз. Кѡатты турынъ, челик киби олунъ. Эгер ич де даянып оламанъыз, яни теслим олып башлагъанынъызны дуйсанъыз, манъа айтынъ, мен озюм сизге ярдым этерим.

Гульшен гуръ сеснен шакъылдан кульди. Ойле кульди ки, деръал Ибраим етишип кельди.

— Хайыр опа! Не олды?

Гульшен озюни токътатып оламайып, баягъы вакъыткъадже ошланып, тавланып кульди. Сонъ чантасындан кучюджик явлугъыны чыкъарып, яшлангъан козьлерини сильди.

— Худжурсынъыз, Нури агъа.

— Эбет, худжур. Худжур олмаса, бир топ кѡап-кѡара адамларны кягъыткъа япыштырып кетирмез эди.

Арагъа Ибраим кѡошулгъан сонъ кульки, шенълик котерильди.

— Я сиз, озюнъыз, не чыздынъыз? Учъ йылдан берли биревлерни тенкъид этип юресинъыз! — деди Гульшен даргъын давушнен. — Ёкъса, энди тенкъидчиликке кечтинъизми?

— Гульшен ханым, — Ибраим эллерини кокъюси устюне хачлады. — Сиз манъа илхам беринъ, мен ойле бир шедевр яратырым ки, досдогъру джиан санатынынъ шах эсерлери арасына барып кирер. Монна Лиза дѡрт юз йылдан берли йылмая... Сиз исе кѡайил олмайсынъыз да!

— Here?

— Дегениме.

— Сизинъ башынъызда шундан башкъа фикир ѣкъ.

— Насыл этип олур? Мен сизге бир лятифе айтайыммы? Командир аскерлерни сафкъа тизе де кѡаршыдаки бир ѡба толаны косьтерип, оларнынъ биринден сорай: “Аскер Аметов, сен бу толаларгъа

экимнен лаф этмеге кеткен арада Гульшен Нуриге афу истер киби бир давушен:

— Бир озюме келебермеси кьолайсыз, иштен биревлер корерлер. Мынавы дели Ибраимнен берабер кельсем, кимсе бир шей тюшюмез, — деди.

Бундан сонъ олар сыкъ-сыкъ берабер келип башладылар. Нури оларны корьгенде кьуванчындан озюни кьоймагъа ер тапмай, лякин юкъусыз геджелеринде Гульшен ичюн азырлап кьойгъан лафларыны Ибраимнинъ янында айтып оламай. Ибраим олгъаны ичюн олар умуий ве эмиетсиз шейлер акъкъында лаф этмеге меджбур олалар.

Гульшеннинъ Ибраимнен берабер келюви кет-кете адет олып къалды. Кимерде олар акъшам устю келе ве кеч олгъанда кьайталар. Нури олардан "Рессам"даки бутюн янъылыкъларны сорап биле. Янъылыкъларны эсасен Ибраим айта.

— Гульшен айтувлы Шадырваннынъ ресимини ойле бир тенкъидке огъратты ки, — деди о бир сефер. — Заваллы Шадырван тап агълайзды. "Бу кьадар кескин айтмагъайдынъ", десем, "санатта юзъхатир олмай. Сен кьарышма", дей.

— Эбет, — деди Гульшен. — Санъа къалса рессамларнынъ эсерлерине бакъып дегилъ де, иш вазифелерине ве унванларына бакъып кьыймет кеседжексинъ.

— Гульшен янъы китап азырлай, — деди Ибраим ешилъ козьлерини айнеджиликнен кьысып. — Ичинде сенинъ акъкъынъда да бир макъале бар. Серлевасы "Кьаранлыкътан айдынлыкъкъа". Анълайсынъ, эбет.

Гульшен Ибраимге "нечюн айттынъ" деген манада элемнен бакъып алды.

Нури Гульшеннинъ онынъ акъкъында язгъаныны бегенди. Умумен о Гульшен якъзан эр бир ишни, Гульшен айткъан эр бир сёзни бегене. Онынъ бутюн арекетлерини, лакъырды интонациясыны, тышкы муитке олгъан бутюн мунасебетлерини итираз этильмез бир акъикъат деп биле. Гульшен яптымы — демек, яхшы. Башкъа тюрлю ола бильмей. О ресим чызгъанда бир заман вариантлар япмай эди. Бир кере якъзанда чыкъса — чыкъты, чыкъмаса, озюни меджбур этмей ве йыпларджа бу сюжетке токъунмай эди. Гульшен вариантлар япув усулынынъ файдалы экенини айткъан сонъ, онынъ фикери бир тамам денъишти. О бир заман джевиш ашамай эди. Гульшеннинъ джевиш севгенини анълагъан сонъ, онынъ фикери кене бир тамам денъишти. Бу емишнинъ лезетли ве атта файдалы олгъаныны кешф этти. Умумен Гульшен онынъ ичюн такълит этиледжек бирден-бир темсиль олып къалды. О озю дуймагъан алда Гульшеннинъ ибарелерини кьуллана, Гульшен киби тез-тез ве юсекче сеснен лаф эте, лаф арасында эллерини онынъ киби — авучыны тёпеге котерип саллай. О тек Ибраимнинъ айнеджиликнен купюмсиреп бакъкъан козьлерини корьгенде сескене ве бу сувукъ тавурлы адамнынъ первасыз назары оны бир анъде аслы алына кьайтара эди. Лякин Гульшенге бакъкъанда бу анъ тез кечип кете ве Нури бахтиярлыкънен, анълашылмагъан бир истекнен кене Гульшенге такълит этип башлай, кимерде бир, Гульшен киби: "вармах", "чох", "халабалых", "кавгетменъиз" деп лаф эте эди.

Нури бу ерден чыкъкъан сонъ чызаджакъ янъы ресимлерининъ сюжетлерини зевкънен икяе эте. Умумен, олар санат эсерлери акъкъында саатлернен лаф эте ве лафлары битмей къала эди.

— Меним энъ яхшы эсерим даа догъмады, — деди Нури. — Онынъ

сюжети мында пейзажды. Мен о ресимнин контурларыны ачык корем.

— Бу ерден тездже чыккынъыз да, о тюшюнген ресимлеринъизни чызынъыз, — деди Гульшен.

— Эбет, мытлакъа чызарым, — деди Нури къолларыны бири бирине уфкъалап. — О меним баш эсерим, энъ буюк эсерим оладжакъ.

О бирден Ибраимнин къысык козьлерине бакъып шашып къалды. Бу козьлер онъа мыскъылнен бакъмакъта эдилер. Нури Ибраимнин онъа бойле тикилип бакъкъаныны насылдыр анълатмакъ истеп, мийине кельген биринджи фикирни айтты.

— Сонъ, насыл, Ибраим эфенди, озюнънин шедевринъни чыздынъмы?

— Энди мытлакъа чызарым, — деди Ибраим сары тишлерини косътерип, — мытлакъа.

Нури онын козьлерине бакъып оламады.

Гульшен нелердир айта. Лякин Нури оны анъламай. Сесини эшите, лякин сёзлерини анълап оламай. Шимди о тек бир шейни — буларнын тездже кеткенини истей. Гульшен исе эп сёйлене, ондан нелердир сорап.

Олар кеткен сонъ Нуринин башында янъы бир сюжет догъды: “Къар ягъа. Узакъта эки адам табут котерип кете. Табутнын артындан исе алты-еди яшларындаки бир балачык кете. Орталык бембюз. Беяз кефиннен орътюльген киби”.

Бу балачык онын озю. Табуатта исе онын анасы. Къар эп ягъмакъта. Энди о къар онын юрегине ягъа эди.

Бу ресимни тек озю ичюн чызар.

1979 с.



ОЗЪ ХАЛҚЫНЫНЪ ШУРЕТИНИ АРТТЫРГЪАН АЛИМ

“Галлилей девиринден сонъ дюнъя бир баптан чыкъ-
къан бойле аджайип ве чешит кешфиятларны корьмеген
эди”, — физика алыми А. Г. Столстов. XX асырда кы-
рымтатар халкъынынъ шурети ичюн булок ишлер япкъан,
такъдири сукъланыладжакъ дереджеде онемли олгъан алим
акъкъында икяемни бу сёзлер-
ден башламакъ истейим. 60
йыл-бу ярым асырдан текъран
узунджа девир, амма онынъ
ильмий биографиясы шашы-
ладжакъ дереджеде зенгин ве
меракълыдыр.

Куркчи Усеин Мустафа огъ-
лу 1937 сенеси, август 7-де,
Алушта районынынъ Ускут ко-
юнде, чобан къорантасында
догъды. Онынъ балалыкъ йыл-
лары исс узакъ Фергъана обла-
стынынъ Бешарыкъ коюнде
кечти. Мында о орта мектепни
мувафакъиетнен битирди. Мек-
теп черчивесинде догъгъан
илимге ынтылув оны алий окъ-
ув юртларына эп давет этти. О
севимли бабасынынъ сёзлери-
ни даима акъылында тутты: “Намуснен яша, адамларгъа
инан, олар сени анълар, бир заман алдатмазлар, кыйын
олгъанда янгъгъыз къалдырмазлар. Къамарозланма, халкъ
яныгъындан къачма. Эджатларымызнынъ топрагъы джен-
нет мекян бир ердир. Баплагъан ишинъни даима сонъуна
алып чыкъмагъа бакъ”. Усеин Куркчи баба васиетини бир



Усеин Куркчи

заман угутмады. О, 1958 сенесинден 1964 сенесинедже Ташкент университети химия факультетининг студенти. Факультетте энг яхшы окыгъан талелерден бири. 1964—1967 сенелери СССР Илимлер академиясынынг Н. Д. Зелинский адына органик химия институтынынг аспиранты. Иш сри оларакъ Самарканд Девлет университети бельгилене. 1969 сенесинден 1989 сенесинедже СССР ренкли маден министрлигининг “Средазнипроцвет” институтында чалышты. Эмек фаалистини кучюк ильмий хадимликтен башлады ве сектор мудирлигинедже котерильди — “саф мадделер” ве “теркибинде висмут олгъан сюръмелерни экинджи керс ишлев”.

Терсн фикирлев, эр бир янгылыкъны терен талиллер нетиджесинде кешф эткен алим озь ильмий фаалистинде юксекликлерге учты. Бутюн акъылы, фикери, кучю илимнен багълы эди. 1986 сенесининг июнини онынг ильмий юкселювинде алтын саифени тешкиль этти демек мумкюн. Москвадаки Д. И. Менделеев адына айтувлы химия-технология институтынынг къоджаман бинасы. Озбекистандан кельген къырымтатар йигити бир чокъ мешур алимлернинг укюмине озюнинг докторлыкъ диссертациясыны такъдим этеджек. Бу диссертация оны тек республикада дегиль, бутюн джианда мешур этеджек. Диссертация къорчалавгъа омюр аркъадангы Эльмира ханымнен берабер кельди. “Мен акъайым ичюн пек раатсызланам, эеджанланам. О исе озюни сыкъмай”, — деп хатырлай Эльмира ханым.

Пакъыл киби бу кучю вахтер кечикмекте эди. О эртедже келип, топлашув залыны ачмакъ керек эди. Топлашувда иштирак этеджек адамлар-илим докторлары, чешит мукаяфатларнынг лауреатлары, Москва ве Ленинграднынг айтувлы ильмий-тедкъикъат ве проект институтларынынг хадимлери эдилер. Эр кес залынг къапаныкъ олгъанына тарсыкъа, инает, вахтер пейда олды ве топланув залыны ачты. Илим эрбагларынынг чырайлары сытыкъ эди. Олар озь ерлерине отурдылар. Минбер артында исе Усеин Куркчи турды. Башында мунт джиддий дегиль эди: биревлер фысылдашып лакъырды эте, я да огюнде тургъан кыгъытларны эвирип-чевирип бакъа. Аджеба, бу четтен кельген адам оларгъа не айта биле? Диссертация Орта Асияда “Союзвольфрам” институтында ве Ташкент девлет университети химия факультетининг аналитик химия кафедрасында азырлангъан эди. Докторлыкъ диссертациясынынг мевзусы “Сюръме ве юксек темизлик, онынг органик олмагъан мадделер технологиясына аит олгъан мадделер технологиясында оксидлер ве хлоридлер ве электрохимия истиса-

лы". Адий окъуйджыларнынъ аңламасы баягъы муреккеп олып корюнген бу мевзу залдаки фысылтыларны деръал токътатты. Энди тек Усеин Куркчининъ сеси эминликнен янъгъырамакъта эди. Сытыкъ чырайлар ярыкъландылар. Алий ильмий унван ичюн такъдим этильген бу иш эр кесни шашмалатты. Къорчалав иши биткен сонъ эр кес аякъ устюнде туруп, энди техника илимлери докторыны алгъышламакъта эди.

Усеин Куркчи бир тыныш токътала, насылдыр фамилияны хатырлайджакъ ола, хатырлап оламай.

— Языкълар олсун, — дей сонъра муляйим сеснен, — меним акъкъымда о къадар гузель лафлар айткъан алимнинъ фамилиясыны хатырлап оламайым... Э, о алим шойле деген эди: "Орта Асияда, бизим назарымызда дживар бир улькеде, бу адам бир озю ойле салмакълы иш япкъан ки, бу иш бир дегиль, эки докторлыкъ диссертациясынынъ ерини тутат. Бизлер исе мында, Москвада, бутюн керекли донатмаларгъа ве шараитлерге малик ола туруп, бу ишни япып оламадыкъ. Бизим ишимизни он йыл огге джылыштыргъан бу инсан огюнде мен теменна этем. Чокъ сагъ олсун".

Бойледже, къырымтатар халкъынынъ бир эвляды химия илими саасында терен денгъишме япты. О классик фундаментализмден чекильди, лабораториядан кениш истисалгъа адымлады. Онынъ тарафындан ишленген ве сыналгъан саф маденлер ве оларнынъ муимден-муим компонентлерини алув усуллары арбий-санайи комплексинде, сюрюме саасында ве халкъ хозяйствосынынъ дигер къошма сааларында чалышып башлады. Ярым отъкезгичлер, полимерлер азырлав саасында баягъы ишлер япылды.

Усеин агъанен лакъырды этмек меракълы. Озю акъкъында пек аз айта. Онынъ бир омюр къаидеси бар: бир саатлик акъыкъый иш, аят къыйынлыкъларына бир ай япылгъан шикъеттен файдалыдыр. О такъдирге ишана ве ондан миннетдар. Озюнинъ омюр аркъадашы Эльмира ханымны пек урьмет эте, о эр анги вазиятте оны аңлады, онъа ярдым этти, даима янында булунды, акъайынынъ башына келип-кечкен шейлернен болюшти.

Усеин агъа кулюмсиреп апайынен биринджи танышлыгъыны хатырлай. О вакъытта Усеин агъа отуз яшында, Эльмира ханым исе он едиде эди. "Биз танышкъанда о аспирант эди, — дей Эльмира ханым. Сонъра иляве эте: — Москвада окъуй, манъа пек назик, меракълы мектюплер яза эди. Мен оларны сакътайым".

Маса устюне бир топ сараргъан зарфларны чыкъарып

къоя: аспирант яшнынъ вакъты иле севимлисине язгъан мектюплери.

Бу къорантада бири-бирине урьмет кучьлю. Олар бир заман такъдирлеринден шикъятленмейлер. Экиси де кулп: “Эгер аятымызны янъыдан башламакъ керек олса, кене шойле башлар эдик”, — дейлер. Оларнынъ учъ аджайип эвлятлары бар: эки огълан ве бир къыз. Уйкен огъуллары Москвада Бауман адына алий техника окъув юртуны битирди, экинджиси Къырымдаки алий окъув юртларындан биринде гъиябий окъуй. Къызлары Зарема исе табиятны къорув ве курорт къуруджылыгъы институтында окъуй. Балалар озъ бабаларыны севе ве онынънен гъурурланалар. Балаларына бабаларына нисбетен бойле дуйгъу ашлагъан инсан, эбет, оларнынъ аналарыдыр.

“Меним бабамдан яхшы баба дюнъяда ёкътыр”, — дей къызлары Зарема бабасыны къучакълап.

1989 сенесинден берли бу айле Къырымда яшай. Пек чокъ шей корип-кечирдилер. Усеин Куркчининъ дачасы да, машинасы да ёкъ. Ишке троллейбуснен къатнай, “меним бутюн зенгинлигим меним япаяткъан ишимдир”, — дей Усеин агъа. Бутюн бош вакъытында огъулларынен берабер эв къуруджылыгъында чалыша. Къуруджылыкъны 1990 сенеси башлагъан эдилер. Къырымда бу адам кене бир зенаат менимседи, къуруджы олды.

Шимди Усеин агъа Куркчи Къырым табиятны къорув ве курорт къуруджылыгъы институты химия кафедрасынынъ мудири, Украина Илимлер академиясы Къырым болюги реисининъ муавинидир. Алий икътисадий совет Президиумынынъ азасы, “Тенкъидий технология” адлы девлет программасы ильмий советининъ эксперти, Украина экология Илимлер академиясынынъ акъикъий азасыдыр. Бу алидженап инсан илимге 45 йыл девамында нафиле хызмет этмеди. Онынъ ильмий асабалыгъы, онынъ зенгинлиги керчектен де буюктир. О 145 ильмий ишнинъ муэллифидир, оларнынъ 31-и саалар фондуна къабул олунды, 33-и менимсенильгени ичюн муэллифлик шеадетнамеси берильди. Онынъ ёлбашчылыгъында эки илим намзети диссертация къорчалады. О Къырымны ичтимаий-икътисадий джеэттен инкишаф эттирюв боюнджа чешит проектлернинъ авторыдыр. Онынъ ильмий ишлери вакъыт сынавындан кечтилер. Мында, Къырымда да онынъ ишлерине юксек къыймет кесильди. Илим инкишафына къошкъан айрыджа салмакълы исселери ичюн, миллий ильмий мектеплер тешкиль эткени ичюн якъында онъа “Украинада нам къазангъан илим ве техника эрбабы” унваны берильди.

Халкъымыз озюнигъ бойле эвлятларынен гъурурлан-
магъа акълыдыр. Уссин Куркчи бизимнен ян-янаша, бир
къасабада яшай. Бойле буок алимнигъ, корюмли илим ве
техника эрбабынигъ эвинде, азбарында огълацларынен бе-
рабер чалышпаяткъаныны сыкъ-сыкъ коремиз. Бу куньлер-
нингъ къыйынлыкълары да кечип кетер, къыйметли Усеин
агъа, сизингъ илим ве техника саасында япкъан хызметле-
рингъиз исе бир заман кечип кетмез. Олар юртумызныгъ,
халкъымызныгъ вариети оларакъ эбедий къалырлар. Биз-
лер эпимиз сизингъ илим ве техника саасындаки хызметле-
рингъизде бизим де иссемиз бар киби къуванамыз. Украй-
нада нам къазангъан илим ве техника эрбабы деген ше-
рефли унваныгъыз хайырлы олсун. Бойле унванлы алим-
леримиз, эрбапларымыз даа чокъ олсунлар.

М. МАВКЕ.





ДЖЕВДЕТ АМЕТОВ

ДОГЪГЪАНЫНА 80 ЙЫЛ ОЛУВЫ МУНАСЕБЕТИНЕН

Джевдет Аметов дегенде козь опомизде муллийм черели, дайма эйилик истеген, лакъырдыда бираз шакъа севген адамынъ къияфети джанлана. Шимди о аятта бар олгъан олса 80 яшыны толдураджакъ эди Энди

бизге асабалыкъ оларакъ, Джевдет агъанынъ айдын хатырасы ве язып къалдыргъан эсерлери къалды. Язгъан эсерлери о къадар чокъ олмаса да озюнинъ къыйметинен том-том китапларнынъ ерини тута. Джевдет Аметовнынъ эдебияттаки исарлы хызметлери саесинде биз бугунъ дженк ве къырымтатар баласынынъ такъдири акъкъында айта билемиз. Дженк девиринде бала олып, сюрдюнликнинъ энъ дешетли йылларында ольмемек ичюн ёлда-ызда, базарларда чепленип юрген къырымтатар балачыкълары бугунъ къыйметли Джевдет агъанынъ язып къалдыргъан икяелеринде озьлерининъ балалыкъ такъдирлерини корип эджанланалар. Озьлерининъ севимли аналарыны, дженктен къайтмагъан бабаларыны, агъаларыны хатырлайдырлар. Бизлер исе Джевдет Аметовгъа текрар-текрар тешеккиюр айтамыз. О, бизим эдебиятымызда бош къалайткъан ерни дуйды ве шу бошлыкъны толдурмакъ ичюн бар кучюнен чалышты.

Джевдет Аметов 1917 сенеси апрель 14-те Ялта районынынъ Лимена коюнде догъды. Кой мектебини битирген сонъ, Ялтада еди йыллыкъ татар мектебинде окъуды. Онынъ эдебияткъа олгъан авеслиги о йылларда башланды. Орта мектепни де битирген сонъ Къырым девлет педагогика институтынынъ къырымтатар тили ве эдебияты факультетине кирип окъуды. 1941 сенеси институтта девлет имтианларыны берейткъан вакъытта, дюнья дженки башланды. Шу йыл институтны битиргенлер мектеплерге оджалыкъкъа дегиль де джебэге кеттилер.

Дженк биткен сонъ джебэджилер Ватанларына дегиль, къоранталары сюрдюн олунгъан ерлерге "саткъын" тамгъасынен къайттылар. Джевдет Аметов Андижан шеэринде маариф систе-

масында чалышты. Ана тилимизде газета чыкъа башлагъанынен озюнинъ макъалелери, очерклери, шиирлери ве икяелеринен онынъ сифелеринде сыкъ-сыкъ корюнип башлады. Сонъки он йыл девамьнда Ташкентте къырымтатар тилинде радио эшиттирювлер редакциясынынъ башлыгъы олып чалышты.

Ташкенттеки Гъафур Гъулам адында нешриятта чешит йылларда онынъ "Атеш башында", "Топлар сускъан сонъ", "Эрылгъанлар ачкъанда", "Абдул Тевфыкъ", "Къуршуннен токъта-тылгъан йыр" адлы повесть ве икяелер джыйынтыкълары басылды.

Джевдет Аметовнынъ эдебиятта озъ ери бар. О, бу ерни озюне махсус яратыджылыгъынен къазанды. Эгер дженк олмагъан олса, бу иджат чокъ йыллар эвель башланып, озюнинъ семерсинен том-том эсерлер яраткъан олур эди. О къырджыманлыкъта элине къалем ерине тюфек тутты, эдебиятта озюнинъ шегиртлик девирини окоплар ве атешлер ичинде кечирди. Дженк йылларынынъ агъыр теэссуратлары артыкъ башкъа тюшюнджелерни сыкъып чыкъардылар. Дженктен сонъ да о, чокъ йыллар девамьнда бу теэссуратлар алтында булунды ве ниает, къырымтатар тилинде газета чыкып башлагъан сонъ, артыкъ тыныкълашкъан бу теэссуратларыны шиирлер ве икяелерде беля этти. Онынъ икяелерини окъутан адам бу яызджыны эдебиятка досдогъру дженк атешлери ичинден чыкып кельген киби зан этер. Эм керчектен де ойле. Онынъ эсерлеринде дженк акъибетлери мевзусы эсас ерни тута. Бу мевзунынъ яызджы иджадында бу къадар терен тамыр аткъаны тевеккель дегиль. Джевдет Аметов дженкнинъ башындан сонъунадже иштирак этти. Дженкнинъ не киби феякетлер кетиргенини коръди, ис этти ве озюнинъ юрегинден текрар кечиререк, бедий эсерлер шекилинде тѣкип башлады. Онынъ "Топлар сускъан сонъ" деген джыйынтыгъында дигер джыйынтыкъларындан фаркълы оларакъ, даима къуршун атылмай, снарядлар, бомбалар патламай, аскерлер окопларындан чыкып, окъ агъмуры астында уджюмге кетмейлер. Бу джыйынтыкътаки икяелернинъ аман-аман эписи ичюн дженкнинъ ве дженкчилернинъ ихтираслары ятышкъан сонъ, адамларнынъ козьлери огюнде дешетли манзара ачыла: дженк инсанларнынъ бир кысымыны ольдюрген, ана баласыз, баба огъулсыз, чокътан-чокъ балалар оксюз къалгъанлар. Даа бир чокълары бири-бирлерини джойгъан, шеэр-шеэрден, кой-койден къыдырып, сораштырып юрелер. Дженк яралары къолайлыкънен савулмай. Топларнынъ гудюрдили сеслери ерине энди адамларнынъ нидалары, феръядлары, асретлик яныкълары эшитиле.

Дженк фаджиасы миллионларнен адамларнынъ талийине токъунды. Дженкте енъмекнен иш битмеген экен, энди онынъ акъибетлерини енъмек, юреклерде къалдыргъан яраларыны деваламакъ керек эди. Бунынъ ичюн дженктеки киби себатлыкънен, федакарлыкънен курешмек керек ве адамлар курешелер. Мына бу даянылмаз кыйынлыкъларгъа къаршы куреште Джевдет Аметовнынъ къараманлары корюнмез йиплернен бири-бирлерине багъланалар. Мына бу багъланыш, талийлердеки умумийлик дженк акъибетлерини енъмеге, бири-бирлерини анъламагъа ярдым эте. Джевдет Аметов яраткъан эсерлернинъ къараманлары барышыкъ омюр бою адымларакъ эп огге кетелер.

Джевдет Аметов язгъан бир чокъ эсерлернинъ сюжетини ана-

бабасыз кяалгъан балаларнынъ талийлері тешкиль эте. Бала дженкке кяршы күреше ве енъе. Бу бизим омюримизнинъ енъишидир. Затен, балалыкнынъ вакъытсыз битмемеси ичюн, аналарны балалардан, балаларны бабалардан айырылмаасы ичюн күреш бир заман токътамамакъ керек. Бу — барышыкъ эшкына күрештир. Сабыкъ джебэджи, истидатлы языджы Джевдет Аметов да бу күрешке озь кяалеминен дегерли иссе къошты.

Джевдет Аметовнынъ икяелери пек адий сёзлернен языла, лякин мына шу адий сёзлернинъ астындан окъуйыджынынъ юрегини тепрендириджи эеджан келип чыкъа. Адам оны бир кереден дуймай. Икяе биткен сонъ онынъ ичинде реаль омюр акъынтысынынъ бир парчасы, эм характерли ве меракълы парчасы токътатылгъаны ве рессам фырчынен сызгъаны киби чызып косътерильгени анълашыла.

Языджынынъ эр бир икяеси аят акъыкъатыны терен акс эттирювинен окъуйыджыны мефтун эте. Бу икяелернинъ эр бири биз яшап кечирген девирнинъ узвий кысымыдыр. Оларда дженк девири балаларынынъ талийлерини ачыкъ коръмек мумкюн. Затен, онынъ бутюн иджады дженкке кяршы нефрет дуйгусынен ашлангъандыр. Онынъ китаплары да дерсингъ бири-бирини девам эттирелер. Языджынынъ “Эрылгъанлар ачкъанда” китабына кирген икяелернинъ базылары кене шу мевзуда язылгъанлар.

Дюнъя дженкинде осьмюрлер де иштирак эттилер. Оларнынъ эксериети, яшы етмегенинден себеп, дженкнинъ башында джебэге алынмагъан, сонъундан исе фашистлер тарафындан Германиягъа айдап алынып кетильген яшлар эдилер. Олар лагерлерде бирлештилер, бири-бирлерине ярдым эттилер, къачтылар, умумий душмангъа кяршы дженклерде батырларджа уруштылар. Языджынынъ “Фиданлар” икяесининъ баш къараманы Усеин Асанов душман лагеринде чекишкен ве джебэлерде пишкинлешкен бойле яшларнынъ биридир.

Джевдет Аметовнынъ “Къуршуннен токътатылгъан йыр” повести яш композитор Абибулла Къаврининъ дженкявер күреш ве фаджиалы элякети реалистик шекильде тасвирленген эсердир. Музллиф омюрни ве хусусан арбий омюрни яхшы биле, эсерлерини темиз ве тегиз тильнен яза. Онынъ шиирлери де, икяелери де, повестьлери де даима меракълы ве окъунакълы олалар. Онынъ эсерлеринде акъылда къаладжакъ аджайип ошатувлар, ибарелер сыкъ-сыкъ расткеле: “О бирден тизи устоне тюшип, тюбюнден кесильген терек киби ерге серильди”, “О башыны котерип, шише джамыны анъдыргъан козьлеринен манъа бакъты”, “Юрегим эскирген саатнинъ маятниги киби де токътап, де чапкъалай”.

Джевдет Аметовнынъ эсерлерини эеджансыз окъумакъ мумкюн дегил. Оларда, эм букюклернинъ, эм кучюклернинъ талийинде девир рухы, дженк фаджиасы типиклештирильген алда косътериле, онынъ эсерлери тарихымызны тиклев ишине хызмет эте. Языджы дженктен сонъки девирнинъ къыйынлыкъларыны косътермекнен кяалмайып, шу къыйынлыкъларны енъюв огърундаки күреш процессинде адамларнынъ характерлерини, оларнынъ психологиясында олып кечкен денъишювлерни косътере.

Джевдет Аметов бизим эдебиятымызгъа дженк ве бала мев-

зусыны алып кирди ве бунинънен эдебиятымызны бир джеэттен текмиллемеге, инкишаф эттирмеге ярдым этти. Гъайрыдан къурув девиринде къырымтатар аызджыларынынъ яратылжылыгына янъы сильтем берди. Онынъ "Сенген оджакълар", "Дагъкесерлер", "Эски достлар душман олды" киби повестлеринде къырымтатар халкъынынъ фалжиасы ачыкъ корюнди. Хусусан, "Сенген оджакълар" повести бизим несир эдебиятымызда да жанланув башлангъанындан бир делеялет эди. "Эски достлар душман олды" повести де халкъымызнынъ сонъки ярым асырлыкъ аяты ичюн чокъ джеэттен характерлидир. Партия ве укюметке сандыкълыкъта къарарыны къачыргъанлар озълери къазгъан чукъурларгъа озълери тюшелер. "Дагъкесерлер" — миллети къырымтатар олгъаны ичюн узакъ Сибирьде дагъ кесмеге макюм этильген йигитлеримизнинъ пек чокъу анда жан берди. Олар аятларынынъ сонъки дакъыкъаларында ана халкъына аманлыкъ истедилер.

Джевдет Аметовнынъ икяелери, повестьлери бир бакъышта аджыныкълы олып корюне билелер. Лякин, терендже бакъылса, оларнынъ эр бири юксек оптимизм рухунен ашлангъаныны, аят фаджиасы астындан келеджекке олгъан къавий ишанч фидисленип башлагъаныны коръмек мумкюн.

Севимли аызджымыз Джевдет Аметов 1995 сенеси январь 20-де Акъмесджит шеэринде вефат этти. Яткъан еринъиз дженнет олсун, Джевдет агъа, миннетдар халкъынъыз сизни бир заман унутмаз.





ИЛИМ ОГЪРУНДА ХЫЗМЕТ

Исмаил Асан-огълу Керим 1955 сенеси октябрь 3-те Самарканд виляети Булунгъур районунынъ "Булунгъур-1" совхозында дюньягъа кельди. 1972 сенеси ерли орта мектепни битирип, арбий учуджылар алий окъув юртуна киреджекте, кырымтатар миллетине менсюпиги себебинден, комиссия тарафындан чешит айын-онларнен окъувдан четлештирильди.

Айны шу сенеси озю окъугъан мектебинде биринджи разрядлы спортчы-футболджы оларакъ, беден тербиеси оджасы олып чалыша.

1973 сенеси Низамий адына Ташкент девлет педагогика институтынынъ кырымтатар тили ве эдебияты болгогине окъумагъа кире.

Алий тасильнинъ биринджи кунълеринден халкъымызнынъ белли оджасы, мерхум Мемет Умер-огълунынъ лекцияларыны динълеп, кырымтатар тили ве эдебиятына буюк меракъ ве авеслик беслей.

1975 сенесининъ яз татили вакъытында озь башына Озбекистан бойлап, сеяткъа чыкъа, Ташкент, Бекабад, Самарканд, Фергана шеэрлери ве больгелеринде эки ай девамында кырымтатар халкъ агъыз яратыджылыкъ нумюнелерини топлап, бир кыысымыны "Ленин байрагъы" газетасында дердж эттире.

Кене де шу сенелери "Кырымтатар тилинде тургъун ибарелер" мевзусында диплом иши язмагъа тутуна. Дёртюнджи курстан сонъ, 1977 сенесининъ яз татилинде Баку, Махачкъала, Нафтали киби шеэрлерде булунып, къардаш азербайджан, къумукъ, ногъай халкъларынынъ фразеология материалларынен таныша. Андаки Таги-заде, Хангишиев-киби тильшынас алимлеринен корюшип, фразеология меселелери боюнджа озь фикирлеринен пайлаша ве Кавказда топлангъан бир джемидан китапнен Ташкентке къайта.

1978 сенесининъ июль айында "Кырымтатар тилинде тургъун ибарелер" мевзусында диплом ишини къорчалап, институтны имтиязлы дипломнен битири.

О заманлары кырымтатар тили ве эдебияты кафедрасынынъ мудири Мемет Умеровнынъ арекетлери ве ярдымынен Исмаил Асан-огълу Керим айны шу кафедрада уйкен лаборант сыфатында къалдырыла ве шу сененинъ сентябрь айындан башлап, талелелерге дерс бермеге башлай.

Йыллар сайын эдебият илимине авеслиги арта. Чешит мевзуларда

макълелер язып, матбуатта дердж эттире. Аспирантурагъа кирмеге авеслене. Амма о вакъытлары кырымтатар эдебиятынен багълы бир мевзу боюнджа чалышып, аспирантурагъа кирмеге ич бир имкян ёкъ эди, кырымтатар эдебияты тарихына багъышланып язылгъан диссертация ясакъ эди. Амма о, озь ниетинден ич де вазгечмеді. Тасильнен багълы бир сыра министрликлер ве министрлерге аспирантурада ер истеп, мектюппер ягъдырды. Мусбет джевап аламайып, 1982—1983 сенелери сабыкъ СССР укюметининь башында булунгъан Л. И. Брежнев, сонъра Ю. Андроповгъа мектюппер язып, кене де кырымтатар эдебиятындан аспирантурада ер берильмесини талап эте.

Айларнен Москвада булунып, чешит юксек идаре къапыларыны ачмагъа уруна. Ниает, 1984 сенесининь март айында Низамий адына ТДПИнинь СССР Халкълары эдебияты кафедрасынынь куньдюзки болгю аспирантурасына окъумагъа кире.

Исмаил Асан-огълу Керим институтта чалышкъан ве аспирантурада окъугъан заманында дефаларджа Москва ве Ленинград меркезий китапханелеринде чалышып, кырымтатар тили ве эдебияты, медениети, тарихынен багълы бир чокъ малюматлар тоглап, джиддий ильмий макълелер яза ве дердж эттире.

1989 сенеси январьнынь он секизи, Исмаил оджанынь омюринде унутылмаз бир кунь ола. Шу куню о Озбекистан Илимлер Академиясында "Умер Ипчининь омюри ве фаалиети" мевзусы боюнджа диссертациясыны къорчалап, филология илимлери намзети ильмий унваныны къазана. Дженктен сонъки йылларында кырымтатар эдебияты боюнджа биринджи къорчаланылгъан диссертация онынь шуретини арттырды. Кеткен сайын онынь ильмий ишлери: макъале, рисале ве китаплары матбуатымызнынь саифелеринде сыкъ-сыкъ корюне башлады.

1993 сенесининь сентябрь айында Исмаил оджа озь къорантасынен Кырымгъа къайтып, Акъмесджит Девлет университетининь кырымтатар эдебияты кафедрасында чалышмагъа башлай.

1994 сенесининь язында Кырым Девлет санайы педагогика институты ачылгъан сонъ, Исмаил оджаны кырымтатар тили ве эдебияты кафедрасынынь мудирин ве филология факультетининь деканы вазифесине тайин этелер. О, шимди эм университетте, эм институтта кырымтатар эдебиятындан лекциялар окъумагъта.

Исмаил оджа озюнинь иджадий ве ильмий фаалиети девамында бир чокъ макълелер ве китаптар нешир этти. Исмаил оджа эдебий эсерлер яраткъан вакъыты да олды. Онынь эсерлери Ташкентте Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешриятында 1982 сенеси "Къарылгъачлар" серлевалы ширий, 1985 сенеси "Фесилген" несири джыйынтыкъларында нешир олунгъан эдилер. 1988 сенеси Умер Ипчининь омюри ве фаалиетине багъышлангъан монографиясы "Теренлик" серлевалы китабында озь аксини корьди.

Исмаил оджа 1832 сенесинден 1987 сенесине къадар кырымтатар тилинде нешир олунгъан китап ве макълелернинь библиографиясыны тертип этип, 1994 сенеси Акъмесджитте "Библиографик сечмелер" серлевалы китабыны нешир эттирди. 1995 сенеси исе юкълары сыныф талелелери ве алий окъув юртунынь талелелери ичюн "Кырымтатар эдебияты" кырымтатар эдебиятындан къулланма дерслигини нешир эттирди. 1996 сенеси кене де Акъмесджитте XIX асырыннь сонъу ве XX асырыннь башында иджат эткен кырымтатар языджыларынынь фотосуретлери ве терджимей алларыны "Эки асыр арасында" серлевалы буклетини чыкъарды. 1996 сенеси Амет

Озенбашлының "Къырым фаджиасы" топламыны нешир эттирди. Бу топламда А. Озенбашлының тарихынен багълы монография ве макъалелери ве эдебий иджадындан нумюнелер берильген.

Бундан гъайры Исмаил оджанынъ нешрияткъа нешир эттирмек ичюн берильген Исмаил Гаспринскийнинъ "Джанлы тарих", "1920 селердеки эдебий ве медений эснас", "Дженктен эвельки къырымтатар зиялыларынынъ ичтимай фаалиети ве дюньябакъышлары" киби бир сыра китаплары озь неветини беклеп турмакталар.

Иште, бойле махсуслар чалышкъан оджамызнынъ мувафакъиетлерини козь огюне алып, Къырым джумхуриетининъ медениет фонды 1995 сенеси январь 27-де онъа Гаспринский адына джумхуриет мукафатыны такъдим этти.

Кене де шу 1995 сенеси Акъмесджит девлет университетиндеки къырымтатар эдебияты кафедрасы Исмаил Асан-огълуны Имам-Аль — Бухарий адына (Иордания къыраллыгъы) халкъара мукафаткъа намзет оларакъ сечти. Ве энъ сонъки вакъытларда, яни 1996 сенеси июль 12-де Исмаил Асан-огълунынъ ильмий ве оджалыкъ фаалиетини козь огюне алып, Къырым Девлет санайы педагогика институтынъ ильмий шурасы оны Украина Девлет стипендиясына такъдим этти.

Исмаил оджанынъ ильмий реберлиги алтында бугунъде-бугунъ он бешке якъын аспирант ве араштырыджылар къырымтатар эдебияты боюнджа диссертациялар язмакталар. Иншалла, якъын арада къырымтатар эдебиятынен багълы илимини олар юксекке котерип, даа да мувафакъиетли ишлер япарлар.

Иште, бир оджанынъ эял хызмети ве зенаатына садыкълыгъы, аман-аман ёкъ этильген медениетимизни, эдебиятымызны джанландырмагъа сезилирли ярдым этмекте. Занымджа, бойле федаийликнен чалышкъан иджаткарларымыз, алимлеримиз бугунъде-бугунъ миллиетимизни аякъкъа турсата билирлер. Олар халкъымызнынъ бугунъки кунюне, эм де келеджегине исрарлыкънен озь исселерини къошып чалышмакталар.

Хызметлеринъиз огюнде баш эгип, къорантанъызгъа сеадет, Сизге мувафакъиетлер истеймиз, урьметли Исмаил оджа!

**Къубедин Саялинов,
Акъмесджит Девлет университети
къырымтатар эдебияты
кафедрасынынъ оджасы.**



На крымскотатарском языке "Йылдыз" № 2 ("Звезда" № 2).

Техред. Н. Къараманов.

Корректор З. Эреджепова.

Бир матбаа табакъы колеминден эксик эльязмалар муэллифине къай-
май. Буюк колемли эсерлернинъ къыскъартылгъан, журнал вари-
къабул олуна.

Джыювгъа 20.01.97 с. берильди. Басылувгъа 26.03.97 с. рухсет эти
Формат 84x108¹/₃₂. Офсет усулында басылды. Нешрият-есап табакъ
Сымарыш 12. Тиражы 1700.

Джедвельге алынгъаны акъкъындаки шеадетнаме: Км: № 1113

Адресимиз: 333023, Симферополь шеэри, Марьино, аб/яц. 162

33700, Симферополь шеэри, Ген. Васильев сокъагы, 44.

"Таврида" нешриятынынъ басмаханеси.

Индекс 75298.

